

**ЯЗЫКОВОЕ БЫТИЕ ЧЕЛОВЕКА
И ЭТНОСА:
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
И
КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ**

Выпуск II

Сборник статей

Барнаул 2000

СОДЕРЖАНИЕ

Балаш М.А.	
Искусственный текст как объект фоносемантического исследования.....	3
Босова Л.М.	
Перевод как вид деятельности межкультурного общения.....	9
Бутакова Л.О.	
Отношения "автор-текст": построение модели авторского сознания.....	14
Бытева Т.И.	
Перифраза как экспрессивная единица языка: к особенностям семантики.....	26
Герман И.А.	
Метафоризация как лингвосинергетический процесс: соотношение стабильных и нестабильных компонентов.....	33
Голев Н.Д.	
О метаязыковом компоненте обыденного языкового сознания носителей русского языка.....	36
Голикова Т.А.	
Этнопсихолингвистика: к вопросу о предмете исследования..	44
Кравченко А.В.	
Познание языка: направление пути.....	48
Кремнева А.В.	
Роль библейских слов в презентации концептуальной системы автора (на материале романа Дж. Стайнбека "К востоку от Эдема").....	59
Лаврентьева Е.А.	
Условия формирования оценочного комплекса в научном тексте.....	68
Лебедева Н.Б.	
Одушевленность как фактор полисобытийности действия (когнитивный анализ семантики глагола).....	72
Лукашевич Е.В.	
Представление экстралингвистических знаний в процессе лексикализации слова.....	87

Нагайцева Е.В.

Символическая структура: к вопросу о функциях.....

94

Пименов Е.А.

Констатирующие ситуации.....

96

Пименова М.В.

Оценка концептов внутреннего мира человека в наивной языковой картине мира.....

100

Пицальникова В.А.

Языковая игра как лингвосинергетическое явление.....

105

Рылова Е.В.

Символ как лингвосинергетический объект.....

117

Сонин А.Г.

Идеограмма как средство структурной оптимизации текста комикса.....

122

Чувакин А.А.

Языковое обучение, языковое воспитание, лингвистическое образование в школе.....

125

Шадрина И.Н.

Фоносемантическая доминанта как структурообразующий компонент перевода.....

130

Шкуропацкая М.Г.

Категоризация и фреймовая семантика в словообразовании.....

135

Рецензенты:
кафедра русского языка Горно-Алтайского университета;
доктор филологических наук *Г.Г. Москальчук*

Редакция:
доктор филологических наук, профессор *В.А. Пищальникова*
(отв. редактор),
доктор филологических наук, профессор *Л.М. Босова*,
кандидат филологических наук *И.А. Герман*

Я 41 Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: Сб. ст. / Под общ. ред. В.А. Пищальниковой. Барнаул, 2000. 142 с.

Сборник посвящен актуальным проблемам когнитивной лингвистики, исследующей познавательные структуры в мышлении и языке. Авторы статей исследуют элементы когнитивных схем и их роль в оптимизации общения, выявляют типы когнитивных моделей, участвующих в процессах порождения и понимания речевого произведения. Отличительной чертой материалов сборника является последовательное сопоставление языковых и речевых закономерностей как компонентов единого динамического процесса речевой деятельности.

Сборник предназначается для широкого круга филологов.

© Алтайский государственный
университет, 2000

М.А. Балаш
**Искусственный текст как объект
фоносемантического исследования**

Фоника является особым компонентом структуры текста, который в процессе восприятия выступает одним из основных смысло- и структурообразующих факторов. При этом различные элементы текста взаимодействуют как элементы функциональной системы. Результатом динамического взаимодействия смыслосодержащих компонентов в пределах текста является образование доминанты. В роли такой доминанты в речевых процессах может выступать и фоника, способная интегрировать и синхронизировать смысловую и эмоциональную доминанты текста. Если при этом учсть, что текст представляет собой особое образование, в котором целое не равно сумме его частей, то можно предположить, что *установление в тексте общих динамических тенденций, обеспечивающих его эволюцию, возможно благодаря наличию в нем отношений смыслового порядка*. Таким образом, выявляется взаимозависимость фоники и смысла, соотносимая с принципом примарной мотивированности, который предполагает приписывание определенным звукам определенного смысла.

Именно фоническая структура текста может оказать влияние на процессы восприятия и понимания. Следовательно, возможно создание таких экспериментальных текстов, в которых была бы однозначно задана эмоциональная доминанта, поскольку фоника является одним из факторов регуляции понимания смысла, заложенного в структуре текста.

Для проведения эксперимента нами был специально создан искусственный поэтический текст (далее – ИТ). Псевдослова, из которых состоял текст, имеют грамматические признаки слов русского языка (морфологические и синтаксические), а также формально-синтаксические показатели в виде обращения.

Кроме того, экспериментальный текст был построен по законам ритмико-интонационной организации при помощи правильного чередования ударных и безударных слогов, пауз, окончаний стихотворных строк, рифмы, графического обрамления текста. При создании псевдотекста мы не исключали возможности случайного созвучия отдельных псевдослов со словами русского языка.

Цель эксперимента – выявить возможные закономерности фоносемантического аспекта понимания искусственного текста (далее – ИТ), при этом особое внимание уделялось обнаружению роли фоники в формировании эмоционально-смысловой доминанты ИТ.

Достижение поставленной цели предполагало решение ряда задач:

- 1) выявить структуру смыслового содержания ИТ;
- 2) выяснить, что и в какой степени оказывает влияние на формирование смыслового содержания ИТ: грамматические особенности псевдослов, фоносемантические характеристики звуковой материи или ритмико-интонационные особенности текста;
- 3) выявить наличие эмоциональной доминанты ИТ и способы ее презентации.

Экспериментальные анкеты включали 3 вопроса:

- 1) Каково содержание данного текста?
- 2) Выражается ли в тексте какая-либо эмоция: положительная она или отрицательная? Какие слова выражают эту эмоцию?
- 3) Какие из перечисленных признаков характеризуют звучание данного текста: хороший – плохой, светлый – темный, яркий – тусклый, громкий – тихий, высокий – низкий, гладкий – шероховатый, горячий – холодный?

В эксперименте приняли участие 250 человек.

Анализировался экспериментальный текст:

*Камилда спирала ватлинские тряли,
Меривый куленчик устроил челбока.
Ни, здравык вылицы! Крастните вогайду,
Чабайте стрилесче, едрайте сопа.*

Анализ содержательной стороны текста показал, что реципиенты выделяют некоторое общее эмоционально-смысловое содержание (ответ на первый вопрос анкеты), которое можно обозначить как "призыв, обращение, возвзвание к силе, торжеству, к действию, изменению действительности, к борьбе и провозглашению идей" – 6% испытуемых. Остальные 74% испытуемых (за исключением 4%, отказавшихся определять содержание текста) в качестве основного содержания выделили следующие смысловые компоненты: о войне, браке, борьбе, схватке, битве с врагом – 8%; о природе (о погоде, о животном, о росте зерна) – 7%; о нехорошем поступке – 6%; описание, повествование – 5%; музыкальный гимн, марш – 4%; кража – 3%; убийство, смерть – 3%; вампиры – 3%; о любви, взаимоотношениях между людьми – 3%; о празднике – 2%; обвинение, наказ – 2%; воспевание чего-то – 2%; юмор, ирония – 2%. 13% испытуемых определили содержание текста как "непонятное, бредовое", но в то же время "интересное".

Презентация смысла "призыв, возвзвание...", по мнению испытуемых, осуществляется сочетанием "*Ни, здравык вылицы!*" и лексемой *прилесче*". В качестве формальных средств презентации данного смыслового содержания реципиенты выделяют восклицательный

знак (обращение) и повелительное наклонение "глаголов" *крастните, чабайте, едрайте*.

Сходным с данным смысловым компонентом оказывается выделенный реципиентами интегративный признак "борьба, битва, схватка", поскольку призыв уже предполагает некий посыл к активному действию (действие также выделено в качестве отдельного компонента смысла – 7% испытуемых). Следствием такого действия может быть, по мнению воспринимающих, "убийство, смерть" (этот компонент смысла выделяют 3% испытуемых), актуализированное сочетанием "*меривый куленчик устроил челбока*". В качестве активных субъектов действия выделяются *камилда, куленчик и челбок*, при этом *камилда* и *куленчик* выступают как отрицательные персонажи, на борьбу с которыми как раз и призывает стихотворение в целом. По мнению другой группы испытуемых, схватка идет между *куленчиком* и *челбоком* и непременно заканчивается победой "добрых" сил, приведших им на помощь (*вылицы*).

Выделяя в качестве одного из смысловых компонентов "действие", испытуемые указывают, что оно, скорее всего, "нехорошее", а это, в свою очередь, сближает его с компонентом "нехороший поступок". Такой "нехороший поступок", по мнению реципиентов, может быть совершен обязательно женщиной. Однако им может быть и "кражи" ("кто-то что-то крадет, его за это ругают"), что акцентировано в компоненте смысла "обвинение, наказ".

На основе общих ассоциативных связей могут быть объединены такие компоненты концепта как "праздник", "музыкальный гимн, марш", "воспевание чего-то" (ср.: праздник – день радости и торжества, гимн, марш – торжественная песня, шествие, воспевание – прославление, восхваление).

Интегративным признаком объединяются также смысловые компоненты "о природе" (погоде, животном, росте зерна) и "описание, повествование", так как последнее предполагает определенный выбор темы повествования или описания, что как раз и отмечают испытуемые – "описание чего-то, повествование о чем-то". Например, *девушка пела песни, кто-то играл, или: любовь, взаимоотношения между людьми или семейная сцена* и т.д.

Таким образом, мы обнаруживаем, что понимание ИТ осуществляется на основе сходных компонентов смысла, выделяемых реципиентами, несмотря на то, что псевдослова, как компоненты текста, не имеют лексического значения. Тем самым в процессе понимания ИТ закономерно происходит приписывание определенных смыслов определенным звуковым комплексам, выделяемым в тексте. Это становится возможным благодаря наличию сходных механизмов восприятия и схем кодирования словесных сигналов в мозгу человека.

ка, а также наличию у звуков устойчивых характеристик звучания. При этом каждый реципиент дает свое понимание, расшифровку псевдослов, значение которых, видимо, определяется прежде всего фоническими характеристиками тел псевдослов.

Это подтверждается и при определении характера эмоции, представленной в тексте (второй вопрос анкеты). Так, 63% испытуемых охарактеризовали текст как эмоционально положительный, 34% – как отрицательный. В ряду положительных эмоций были названы *радость, восторг, торжество*, а в ряду отрицательных – *грусть*. В то же время 3% испытуемых считают, что в тексте представлена амбивалентная эмоция – *радость, граничащая с грустью*, тогда как текст в целом выражает интенсивную эмоцию (ср. с компонентом смысла, доминирующим в тексте, – "возвзвание, призыв, обращение"). И, наконец, всего 5% испытуемых охарактеризовали текст как эмоционально "нейтральный", но при этом определили его звучание. Это означает, что фоносемантическая составляющая текста интерпретируется, в то время как лексика текста не соотносится с каким-либо содержанием.

Все псевдослоя, выделенные в качестве репрезентантов эмоциональной доминанты в анализируемом тексте, могут быть представителями любой эмоциональной модальности и любого эмоционального содержания. Это объясняется доминированием в процессе понимания текста принципа примарной мотивированности, который, на наш взгляд, обладает достаточно объяснительной силой.

Анализ результатов эксперимента показывает, что большей частью реципиентов экспериментальный текст воспринимается как эмоционально положительный. Это же мы наблюдали и при анализе смыслового содержания текста: выделенные реципиентами компоненты смысла ближе к разряду положительных. Тем самым текст образует некоторое эмоционально-смысловое единство, в основе которого лежат фоносемантические сущности, направляющие процессы понимания текста в нужное русло. Естественно, что эмоция также фиксируется в звуковых комплексах как единственный представитель мотивационных процессов.

Фоносемантическую доминанту анализируемого текста составляют звуки, которые мы условно поделили на три группы на основании общих характеристик звучания. Первую группу составили звуки: "щ, с, т, ч" с признаками "маленький, слабый, горячий, шероховатый, тусклый, печальный, тихий, короткий, трусливый, хилый, угловатый, низменный". Все перечисленные признаки входят в группы шкал "сила" и "оценка", что наиболее соотносится со смысловым содержанием текста. В ряду признаков "силы" оказываются характеристики "маленький, слабый, тихий, трусливый", соотнося-

щиеся с тем "слабым" началом, которое вынуждено в тексте призывать, взывать о помощи. В группе "оценки" признаки "шероховатый, угловатый, низменный, тусклый", соотносятся со "злыми" силами, на борьбу с которыми призывают текст.

Во вторую группу мы объединили звуки "б, в, д, р, к, ы" с признаками "большой, грубый, мужественный, активный, сильный, быстрый, величественный, громкий, храбрый, могучий", относящимися к шкалам "силы" и "подвижности". Все эти характеристики акцентируют "активное начало", выделяемое в смысловой структуре текста. Например, *борьба, битва, схватка* предполагает активное действие, направленное на достижение положительного результата – победы над "злыми" силами.

И, наконец, в третьей группе оказались звуки "и, й, л, л', м', п', к', р'" с признаками "хороший, маленький, нежный, женственный, веселый, безопасный, яркий, радостный, добрый, хилый, короткий", относимыми к шкалам "силы" и "оценки". При этом признаки "оценки" – "хороший, веселый, яркий, добрый. Радостный" соотносятся с компонентами смысла "о природе", "о любви", "о празднике", а признаки "силы" – "маленький, нежный, женственный, хилый" с женским началом, присутствующим в тексте. Это женское начало, способное, по мнению испытуемых, на "нехороший поступок", фиксировано в лексеме *камысл*, имеющее следующие характеристики звучания: "хороший (2,4), добрый (2,3), нежный (2,4), женственный (2,5), храбрый (2,5), величественный (2,5)".

Наиболее значимыми в звуковой субстанции текста оказываются звуки "и, й, к', р', щ, ы", так как величина отклонения их частотности от нормы в тексте составляет 2 и более раза ("щ" – 5, "и" – 4, "й" – 3,5, "ы" – 2,5, "к'" – 2,4, "р'" – 2,1).

Таким образом, анализ фоносемантического содержания искусственного ПТ показал, что объединение смысловой и эмоциональной доминант в структуре текста осуществляется именно благодаря общности фоносемантического содержания – сходных характеристик звучания, создающих ФД.

Однако значимыми в структуре текста также оказываются звукобуквы, частотность которых отклоняется от нормы в меньшую сторону. Так, наибольшую величину отклонения от нормы мы наблюдаем у звуков "е, н, п, о" ("е" – 2,6, "н" – 2,8, "п" – 2,9, "о" – 3). Они обнаруживают такие характеристики как "короткий, шероховатый, хилый, тихий, маленький, тусклый, слабый, отталкивающий, низменный, плохой, темный", а также "яркий, женственный, хороший", актуализированные в фоносемантической структуре текста и имеющие наибольшие показатели оценок звучания.

Интересным оказался и тот факт, что 93% испытуемых опреде-

или текст как "звучащий", т.е. из 7 предложенных пар признаков (третий вопрос анкеты) ими были выбраны либо оба признака, либо один, характеризующий звучание текста. Испытуемым были предложены признаки из групп "оценки" ("хороший – плохой, светлый – темный, яркий – тусклый, гладкий – шероховатый") и "силы" ("громкий – тихий, высокий – низкий, горячий – холодный"). При этом в качестве репрезентантов положительной эмоции выделялись признаки "хороший, светлый, яркий, громкий, гладкий, горячий", а в качестве репрезентантов отрицательной эмоции – "плохой, темный, тусклый, тихий, шероховатый, холодный".

Результаты ответов испытуемых распределились следующим образом. Наиболее значимыми для испытуемых оказались характеристики: "громкий (28,6%), яркий (25,7%), шероховатый (25%), высокий (22,8%), горячий, громкий – тихий (20,7%)". "Громкость" в тексте создают гласные, сонорные и звонкие согласные, составившие ФД. Признак "шероховатый" актуализирован в фоносемантической структуре текста звуками первой группы – "щ, ч, с, т", а признак "яркий" – звуками третьей группы, среди которых "и, й, л, л', м, п, к, р". Менее значимыми характеристиками звучания для испытуемых оказываются признаки "светлый (18,6%), хороший (17 %), темный (15 %), плохой, хороший – плохой (13,6%), холодный, низкий (12%), гладкий – шероховатый (11%), яркий – тусклый (8,6%), светлый – темный (7,9%), высокий – низкий, тусклый (7%), тихий, горячий – холодный (5,7%), гладкий (5%)".

Определив звучание текста, испытуемые тем самым выразили эмоциональное к нему отношение, а также, что очевидно из анализа смыслового содержания текста, выявили необходимые оттенки смысла, составляющие его содержание. Некоторые испытуемые указывают, что именно звучание текста создает его положительный настрой и передает "призыв, возвзвание". Отсюда характеристики "громкий, яркий, высокий". Выделение пар признаков, состоящих из антонимичных прилагательных, тоже неслучайно, так как фоносемантическую структуру целого текста создают звуки, имеющие как положительные, так и отрицательные характеристики звучания, входящие в разные группы структурного целого. Амбивалентность мы наблюдаем и на уровне смыслового и эмоционального содержания текста. *Тем самым любая реакция со стороны воспринимающих текст определяется структурой текста.*

Л.М. Босова

Перевод как вид деятельности межкультурного общения

Современный этап развития общества характеризуется все расширяющимися контактами народов во всех сферах деятельности человека. Благодаря этим контактам каждая культура получает те или иные импульсы для своего развития, для обогащения и совершенствования своих традиций под влиянием других культур. Важнейшим средством такого общения является язык, который также выступает как орудие познания и инструмент мышления. Народная мудрость гласит, что отсутствие общего языка ослабляет силу людей, не позволяет обмениваться опытом и знаниями. Одной из возможностей обеспечения общения людей разных культур является перевод с одного языка на другой, позволяющий преодолеть существующий языковой барьер, т.е. облегчить общение между людьми.

Перевод с одного языка на другой дает возможность проникнуть в другую культуру, изучить ее с целью развития и совершенствования своей собственной, т.е. через перевод осуществляется диалог с другими культурами, за счет чего происходит культурный обмен и взаимообогащение. Перевод является уникальным средством не только общения между народами, но и средством распространения идей, опыта, знаний, накопленных человечеством, т.е. в конечном счете культуры. Причем перевод "не столько выступает явлением культуры, сколько сам является культурой" [1, с. 5]. В переводе как средстве межязыковой и межкультурной коммуникации преломляются культура, традиции, концептуальный и художественный мир, знание, цели и условия взаимодействия.

Объектом исследования перевода с лингвистической точки зрения является, в первую очередь, соответствие элементов, единиц двух или нескольких языков в процессе перевода, нахождение лексических эквивалентов. Основное внимание сосредоточивается на поиске объективных переводческих законов, в которых могут быть зафиксированы эквивалентные отношения между оригиналом и переводом.

Если для языковеда перевод является видом речевой коммуникации, при котором реализуются языковые системы, их адекватность и различие, правила и нормы их передачи с одного языка на другой, то для психолога перевод – это прежде всего деятельность переводчика с ее особым психологическим механизмом восприятия, понимания, работы памяти, выражения, особой мотивацией, опера-

цией переформирования мыслей. Иными словами, психолингвист учитывает включение мышления в деятельность переводчика, т.е. анализирует разноуровневую цепочку: слово ИЯ (исходного языка) – понятие – слово ПЯ (языка перевода). Хотя создание текста перевода всегда опосредовано его ориентированностью на иноязычный оригинал и переводчик сообщает об уже состоявшемся акте коммуникации на исходном языке, он в то же время создает новый текст на языке перевода, обладающий относительной самостоятельностью.

Проблема языкового перевода с точки зрения психолингвистики – это вопрос о том, как происходит процесс выражения человеком одних и тех же мыслей средствами двух разных языков, ибо здесь налицо переключение мышления с одного языка на другой, поэтому перевод и считают не особым видом речи, а особым мыслительным процессом, т.е. решение вопроса перевода в психолингвистическом плане связано с вопросом взаимоотношения языка и мышления.

Большую роль играют социально-культурные факторы, которые заставляют реальность оригинальных знаков переводиться в другие, отличные от них знаки. Поскольку целью деятельности переводчика является воспроизведение оригинала в иной системе языковых знаков, то эту деятельность можно охарактеризовать как вторичную. Переводчик воссоздает на другом языке уже имеющееся произведение, которое является по отношению к переводу первичной деятельностью, продуктивной стороной – опредмечиванием. Отсюда переводческая деятельность – вторичная, т.к. представляет собой распредмечивание продукта, делающее его достоянием другой культуры. Переводчик производит оригинал в иной культурной системе, он транслирует подлинник и переносит его на другую систему знаков. Перевод – это второй этап, внешне как бы повторяющий первый, это деятельность, которая подобна деятельности автора оригинала, т.е. при переводе имеет место такое же порождение речи, как и при одноязычной коммуникации. Но если при одноязычной коммуникации программа высказывания формируется самим говорящим, то в ситуации перевода программа задается извне. Следовательно, переводчик на основе исходного текста решает, что сказать и какой эффект это должно произвести, или, точнее, осуществляет понимание исходного текста. Таким образом, перевод не просто включает проблему понимания, а проблема понимания – суть процесса перевода, которая не сводится к простому механическому соотнесению слов и выражений одного языка со словами и выражениями другого языка.

При создании произведения на ПЯ объектом выступает окру-

жающая действительность, т.е. действительность, отраженная в произведении на ИЯ – объективная реальность, изображенная в произведении автора. Объектом при переводе является и сам оригинал, текст как отражение объективной действительности, субъектом – автор оригинала, субъективно отражающий объективную реальность. Но субъектом является и сам переводчик, который также субъективно отражает объективный мир. Таким образом, субъективность в переводе двойственна (автор оригинала выступает для переводчика также и объектом, на который направлены его действия), а процесс перевода представляет собой субъективно-объективные и субъективно-субъективные отношения, которые раскрываются в оппозиции "переводчик – текст" и "переводчик – автор текста".

В результате перевода как процесса межязыковой и межкультурной коммуникации на основе первичного текста создается вторичный текст (метатекст), заменяющий первичный в другой языковой и культурной среде. Этот процесс направлен на передачу коммуникативного эффекта первичного текста, который неизбежно модифицируется различиями между двумя языками, двумя культурами.

В процессе перевода сохранение национально-культурных особенностей приобретает особое значение потому, что культурологический аспект составляет значительную часть не только содержательной, но и эстетической информации оригинала. Рассматривая перевод как акт двуязычной коммуникации, важно учитывать различия культур ее участников, тем более, что контактирующие в переводе языки сами являются носителями национальных культур. Проблемы перевода не только билингвистичны, они и бикультурны. Перевод в аспекте межкультурной коммуникации – это и контактирование двух семантических систем со своими национально-культурными особенностями, и контакт представителей двух лингво-культурных общностей, каждый со своим мировосприятием и определенным фондом культурного наследия: фоновыми знаниями, морально-этическими нормами, речевым этикетом и др.

Особое место в процессе перевода занимает проблема понимания. Понимание представляет собой уникальную характеристику интеллектуальной деятельности человека, которая всегда наличествует на любом уровне познания или общения. Процесс понимания направлен на выполнение определенной конструктивной деятельности на основе имеющихся у индивида знаний: выдвижение предложений, суммирование, восстановление информации, ее организация, выведение заключений, включение (интеграция) полученной новой информации в уже существующую картину мира индивида.

"Понимание – это не пассивное механическое движение от значения к смыслу. Это сложный, целостный психологический процесс. И начинается он с поиска общей мысли высказывания, в котором огромное значение имеют предвосхищение и установка, возникающие в языковом сознании слушателя (читателя)" [2, с. 74].

Понимание связано со сложными формами организации смысла, который раскрывается через знак-символ. Однако понимание текста заключается не только в установлении значений лингвистических единиц, составляющих текст, но и в конструировании когерентной смысловой структуры текста и ее интеграции с существующей когерентной "картиной мира" субъекта понимания, его индивидуальной когнитивной системой.

Возможность понимания и, в конечном счете, возможность присвоения знания определяется психологическими факторами, и прежде всего, ассоциативно-апперцепционным характером мышления. Присвоение нового знания происходит на базе чувственного-логического содержания концептуальной системы путем установления новых ассоциативных связей между концептами.

Понимание – это встречное порождение высказывания, оно происходит на основе сформированного прогноза о структуре и содержании текста. Как убедительно доказывает в своих исследованиях О.Д. Кузьменко-Наумова, модель смыслового восприятия слов соответствует обобщенной модели речепроизводства, из чего можно заключить, что и при понимании происходит переструктурирование семантических признаков, входящих в слово [3].

Об адекватности понимания можно говорить только при условии соотнесения предметной или ментальной ситуации с реальностью отражаемого текста. Вторая сторона понимания состоит в движении от реалий лингвистического порядка, от дискретно организованного текста к его континуально построенной возможности, к его контексту. В этом аспекте обнажается огромная моделирующая сила слова и стоящей за ним языковой культуры. Слово вместе со своей концептуально-логической структурой способно не только выразить практически возникающую ситуацию, но также моделировать огромное число совершенно новых ситуаций, возможных или невозможных в действительности. Схваченные словом предметные или мысленные ситуации получают свое символическое и культурное бытие, становятся фактом культурно организованного сознания. При этом следует подчеркнуть, что пониманию подвергается не само слово как таковое, но слово в реальности текста, слово, моделирующее определенные контексты значений и подчиненное некоторому общему контексту, непрерывности авторского замысла.

Понимание текста опирается на его взаимодействие с контекстом, представляющим собой континуум всех отношений знаковых элементов, моделирующих те или иные представления о реальности. Взаимная связь элементов, определенная замыслом, детерминирует текстовое бытие данного слова. Тогда понимание слова – это его отношение к тексту как целому.

В тексте словесный материал помимо своих языковых значений приобретает еще и значения, обусловленные его организацией в рамках текстовой целостности, его ориентацией на общий смысл произведения и внутренние соотношения различных его элементов.

Чтобы понять текст, необходимо увидеть его как способ существования духовной реальности, как важный механизм духовного производства. Подобно слову, смысл которого нельзя исчерпать во всех возможных контекстах, понимание текста сосредоточивается на той схеме возможностей, которая в нем заложена и в отношении которой действительное содержание есть не что иное, как единичная реализация возможных осмыслений.

В самом общем виде адекватным с точки зрения деятельностной теории перевода признается такой перевод оптимально организованного художественного текста, который обеспечивает развитому реципиенту перевода возможность усматривать и понимать содержательность, состоящую из содержания и некоторой конфигурации смыслов и идей, максимально близкую содержательности, усматриваемой и понимаемой реципиентом оригинала.

Таким образом, знание особенностей культур языка источника и языка перевода, как и понимание переводимого текста в его богатстве национально-культурной семантики, является необходимым условием перевода как акта межкультурной коммуникации.

Литература

1. Клюканов И.Э. Динамика межкультурного общения: К построению нового концептуального аппарата: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 1999.
2. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М., 1998.
3. Кузьменко-Наумова О.Д. Смысловое восприятие знаковой информации в процессе чтения. Куйбышев, 1980.

Отношения "автор – текст": построение модели авторского сознания

В современной лингвистике, отмеченной, с одной стороны, комплексностью подходов, с другой – подчеркнутой антропоцентричностью, вниманием к психологическим, ментальным, когнитивным проявлениям человека в языке и речи, становится возможной постановка проблемы взаимоотношений автора и текста как реконструкции *авторского сознания* на основе речевого произведения как результата его творческой деятельности. Модель сознания автора текста – во-первых, "модель модели", т.е. построение вторичного порядка (ср. рассуждения Ю.М. Лотмана о "вторичном моделировании действительности" текстом художественного произведения). Во-вторых, модель – схема, выстроенная реципиентом на основе тех вербальных акцентов, которые осознанно или неосознаваемо расставил автор. Даже в тех случаях, когда читатель не задается целью намеренно моделировать сознание автора, он всегда ощущает не только то, какая система "ценностей и идей" стоит за текстом, но и какого типа сознание его породило – светлое / темное, простое (нерефлексивное) / сложное (рефлексивное), конструктивное / деструктивное, гармоничное / негармоничное, мифологизированное / немифологизированное и т.п. Если любой текст (от письма, газетной статьи, сочинения школьника до романа) – модель, или образ, или картина мира [1, с. 14–21], созданная его автором, отражающая своеобразие восприятия, способов интериоризации и вербального выражения, то по "конечному продукту" можно восстановить и тип его сознания. Именно он определяет целостность любого текста как формы выражения комплексной смысловой системы его автора. Эту смысловую систему можно описать также как картину, образ, модель мира, что и делается в рамках теории познания и когнитивной лингвистики, когда речь идет о составляющих сознания индивида, причем термины "модель", "картина", "образ" мира употребляются как синонимы. При этом картина мира трактуется как *система знаний индивида об окружающей действительности* [2]. Психолингвистика оперирует термином "образ мира", имея в виду результат процесса восприятия, связанного с активной ролью психических образов в познавательной деятельности человека. Философы и логики рассматривают отношение индивида к окружающему как познавательный процесс, имеющий своей целью образование смыслов или концептов. Именно в этом виде существуют знания о мире в сознании человека [1; 3; 21]. В таком случае любая картина,

модель мира представляет собой систему концептов как формы существования отрезка действительности и как результата познавательной деятельности сознания. Тогда, говоря о тексте как о модели или картине мира автора, об отношениях конкретного автора и конкретного текста, необходимо говорить именно о моделировании сознания, подразумевая то, что модель – определенная знаковая конструкция, наглядно передающая основные характеристики исследуемого объекта, сходная с ним, но отражающая нашу точку зрения, т.к. типологические черты для основания модели задаем с помощью наблюдений мы [4, с. 19; 5, с. 8–11]. Отсюда вытекает ряд выводов: модель – субъективно-объективное построение; ни одна модель не является полной, возможно несколько моделей одного и того же объекта, вариативно сосуществующих, и возможно нахождение общего инварианта; начиная с моделирования на основе внешних наблюдений за особенностями объекта, мы неизбежно придем к необходимости поиска адекватной естественной модели, объясняющей, как "устроен объект на самом деле" [6, с. 34]; форма модели в лингвистике может быть любой, в том числе вербальной, при условии соответствия черт исходного и конечного объектов [7]; там, где имеет место начальный этап моделирования, можно говорить либо о признаках, типологических чертах модели, либо о модельной типизации.

Построение модели авторского сознания требует исходной квалификации понятия "сознание автора", вписывания его в научный контекст и соотнесения с понятиями, обозначающими сходные явления. Традиционное рассмотрение отношений "автор – текст" предполагает несколько способов описания, принятых в литературоведении, стилистике, семантике, лексикологии, психолингвистике. Это описания индивидуального художественного стиля и языка на фоне общелитературного и художественного языка с уточнением и разграничением понятий "стиль" и "язык" с целью "глубокого проникновения" в творческий метод автора и своеобразие его словесно-художественного мастерства [8, с. 171]. В этом случае подробно изучается строй художественной речи отдельного произведения и авторская манера в целом, как это делалось В.В. Виноградовым и Г.О. Винокуром. Последний прямо заявлял, что "рядом с реальной личностью писателя ... живет его иная, литературная личность, та, которая заключена в его произведениях. Во всяком тексте есть тот, кто говорит, субъект речи, хотя бы слово "я" в нем ни разу не встретилось" и что "громадное значение ... принадлежит той общей эстетике языка, которой характеризуется творческий метод автора, т.е. тому, например, относится ли он к слову как к чистому знаку мысли (Пушкин), или же слово у автора "музыкальное" (Фет), "изобра-

зительное" (Гоголь), "орнаментальное" (Лесков) и т.д." [9, с. 48–49]. Эти идеи созвучны взглядам Н.С. Болотновой, рассматривающей взаимоотношения автора и текста как модель коммуникативных отношений, где текст – опосредующее звено, реализующее речевую стратегию его создателя, запрограммированного вторичную речевую деятельность адресата, а читатель, создавая представление о тексте, декодирует образ автора. Раз последний отражает действительность в соответствии с индивидуальным мировосприятием и своим эстетическим идеалом, то постижение смысла произведения выливается в раскрытие сути образа автора, который как художественная категория не равен полностью ни форме повествования, ни реальной личности человека [10]. Большое количество работ выполнено в рамках теории идиостиля, поэтического языка, идиолекта, где до сих пор решается вопрос о разграничении указанных терминов и понятий и где ведется описание конституентов с помощью воссоздания номенклатуры приемов или с помощью выделения доминант идиостиля [11]. Здесь также работают с конечным продуктом авторского сознания, описывая грамматику выразительности, зависящую от особенностей индивидуального и художественного мировосприятия. Семантический и собственно лексикологический аспекты изучения "языка поэта" представлены, например, в работах Л.В. Зубовой о М. Цветаевой как поэте – "интуитивном лингвисте и историке языка", чье творчество рассматривается как способ познания мира через языковые связи, модели и отношения, а философско-мировоззренческий максимализм адекватно выражается в максимализме речевом [12]. Лексикографическое направление реализовано в трудах В.П. Григорьева, Ю.Н. Карапурова, Л.С. Ковтун, Д.М. Попченко, О.М. Карповой и др. [13], где развиваются ларинские идеи "эстетического значения", семантической осложненности слова в художественной речи, "стиля языка" и составляются словари языка писателей и поэтов. В таких работах, как кажется, больше "слова писателя", чем изначально заявленного "образа мира", что заранее предопределено задачами описания – показать трансформацию общеупотребительных значений в художественной системе автора. Несомненно, что глубоко и разносторонне проблема "автор – текст" поставлена в работах М.М. Бахтина. С помощью разработки отношений "автор – герой – эстетическая деятельность" он наметил и показал возможные пути ее дальнейшего развития (собственно литературоведческого, текстологического и психопоэтического). Последнее направление задано рассуждениями о творческом процессе и творческом сознании, идущими еще от Гегеля, о том, что "художнику нечего сказать о процессе своего творчества – он весь в созданном продукте, и ему остается только указать нам на свое про-

изведение", что "автор-творец поможет нам разобраться в авторе-человеке", что "сознание автора есть сознание сознания...", что "сознание героя, его чувство и желание мира – предметная эмоционально-волевая установка – со всех сторон, как кольцом, охвачены завершающим сознанием автора о нем и его мире"; о типах отношений автора и героя (герой завладевает автором, автор завладевает героем, герой – сам свой автор); о полифонии художественного сознания и способах отражения ее в тексте; о пространственно-временных формах существования различных типов сознания, о методологии их изучения и описания [14]. Думается, что эти идеи созвучны современным поискам отдельных концептуальных воплощений авторского сознания в блестящих, хотя и небесспорных работах В.Н. Топорова об индивидуальных образах пространства у Батенькова и С. Кржижановского, о поэтическом комплексе моря и его психофизической основе, где поэтика текста анализируется через сознание автора с привлечением универсальных психологических и мифологических знаний (юнговские архетипы, фрейдовские мотивы и русская мифологическая традиция от Проппа, Мелетинского до Афанасьева); в работе И.В. Вольфсон, посвященной образу автора в произведениях В. Ерофеева, в которой художественный текст анализируется по трем направлениям: автор – герой, автор – текст, автор – читатель [15] и др. Близкими к указанным являются статьи и монографии, находящиеся на стыке лингвистики и психолингвистики, использующие как идеи Бахтина, Р. Якобсона и Ю. Лотмана, так и идеи когнитивной и коммуникативной лингвистики, и оперирующие понятиями "языковая картина автора" и "языковая личность" Н.В. Панченко, выстраивающей модели коммуникативно-речевой структуры персонажа и автора с определением доминант; Ю.Д. Тильман, исследующий культурные концепты в ЯКМ Ф.М. Тютчева как основные комплексные единицы картины мира, как ментальные образования, связанные с системой мировидения, как "объективные" смыслы в субъективной интерпретации; О.Н. Панченко о В. Шкловском, ставящей проблему соответствия языковой и литературной личности писателя; Г.Г. Полищук, с антропоцентристической точки зрения подходящей к принципам отбора языкового материала в художественном тексте и выявляющей единство авторской сущности языковой личности писателя в разных жанрах через определение доминантных сем. Причем то, что здесь называется семой, – скорее, концепт (об этом свидетельствует предложенный анализ сем в творчестве Чехова, Пастернака, Мандельштама и др.), а доминантная сема – видимо, доминантный личностный смысл, если воспользоваться терминологией В.А. Пищальниковой. Это соотносится с психолингвистическим пониманием значения слова, например, у

А.А. Залевской, экспериментально доказавшей, что слово является объемным средством хранения и воспроизведения информации, чье значение "прорастает" многомерной системой индивидуальных и социальных связей, преломляемой через эмоциональный опыт индивида и каждый раз извлекаемой в той части этих связей, которая попадает в фокус внимания говорящего или слушающего. На этом основании Залевская вполне справедливо считает возможным не сводить значение к понятию, а представить его в виде совокупности продуктов некоторого набора актов глубинной предикации, которая акцентно разворачивается в тексте, особенно в художественном [16, с. 144–169]. Именно поэтому индивидуально-смысловой анализ текста не должен быть равен выделению сем. Тем более что у этого термина в лексикологии есть своя традиция употребления. Трактовка отношений "автор – текст" близка "тематической интерпретации" в работах Ю.И. Левина, Ю.К. Щеглова, М.Я. Полякова [17], где сквозь тончайший анализ разных сторон текста с помощью тем, тематических комплексов, мотивов, семантических перекличек, художественных деталей и т.п. исследуются "модели", "картины" миров, конструируемые художественными сознаниями. В конечном итоге такая "семантическая поэтика" или "поэтика выразительности", в связи с которой можно вспомнить и М.Л. Гаспарова, и Ю.М. Лотмана, начиная с выявления тем, приходит к актуализации смыслов, через них – к доминантам (смысловым и эмоциональным) сознания автора, через них – к эволюции конкретного "поэтического мышления" или "личной философии", равной авторскому "я" – явлению, "относящемуся в иерархии поэтических структур к более высокому, нежели стилистический, уровню" (см. [17]). Этот путь неизбежен, т.к. в любой детали текста кроется мотивация ее появления в данном месте в данный момент и в данном виде в единстве связи с другими деталями, и глубокий анализ творчества не может свестись к перебиранию художественных средств, или тем, или мотивов, или особенностей словаупотребления. Психолингвисты, говоря о восприятии и понимании текста, о его суггестивных свойствах, о "качестве" интерпретации действительности, рассуждают о доминантах – о доминантном личностном смысле, о доминантной эмоции текста, об эстетическом чувстве, об эмоциональной напряженности и в конечном итоге – о характере художественного сознания [1; 3; 18], ближе всего подходят к постановке проблемы сознания автора, проявляющегося именно в формировании доминантных смыслов, выражении доминантных эмоций и т.п., что не только выявляется в тексте с помощью исследовательских процедур, но и подтверждается экспериментальным путем.

В связи с отношениями автора и художественного произведения невозможно не упомянуть значительные исследования, посвященные типам повествования, связанные с образом автора (по Виноградову) и с текстовой полифонией (по Бахтину), разрабатывающие теорию и практику эгоцентрических систем, в частности, дейксис говорящего, наблюдателя и т.п., проявляющий конкретного автора речи внутри художественного текста и позволяющий разграничивать и квалифицировать автора, повествователя, субъекта речи, находящихся в сложных / простых отношениях друг с другом, и на этой основе противопоставить нарратив и лирику как разные формы организации речевого сознания автора [17; 19].

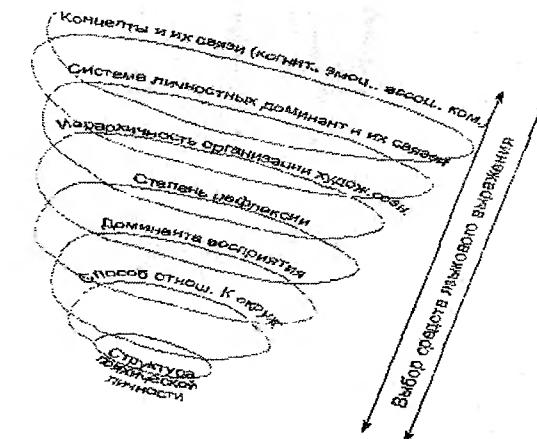
Таким образом, любой из упомянутых здесь путей анализа приводит к необходимости рассматривать то, что организует художественный и иной текст и проявляется во всей его материи. Этим организующим центром, является, с нашей точки зрения, *авторское сознание*, под которым следует, видимо, понимать индивидуально упорядоченную совокупность когнитивных моделей, репрезентирующих окружающую действительность в категориях текста.

Если исходить из того, что сознание – "высшая форма психического отражения, присущая человеку как общественно-историческому существу, выступает как сложная система, способная к развитию и саморазвитию, несущая в своих структурах присвоенный субъектом общественный опыт, моделирующая мир и преобразующая его в деятельности" [20], то все способы передачи знаний и мнений о мире, о себе и о своем месте в нем, как и формы чувственного восприятия, переданные материей текста, способы его организации, его понятийно-эмоционального структурирования, следует относить к категории "сознание автора". В таком понимании эта категория оказывается шире того, что у Виноградова называется "образом автора" или того, что выведется только из форм собственно авторского повествования, поскольку текст как вербальное произведение отражает восприятие индивидом окружающего и его ментальную репрезентацию в концептуальном виде во всей диалектике "открытости знака и скрытости его интерпретации" [21, с. 384].

Исходя из психологической трактовки сознания, его можно представить в виде трех составляющих, как у А.Н. Леонтьева: психологического значения, личностного смысла, чувственной ткани; двухслойного образования, как у В.П. Зинченко: бытийной и рефлексивной частей; психосемантического тетраэдра Ф.Е. Василюка, в состав которого входят предметное содержание, личностный смысл, значение, слово или знак и т.п. [22]. В любой из концепций сознание – системное явление, включающее ментальные логические и чув-

ственные компоненты. В структуре авторского сознания также можно выделить подобные составляющие. Если информация, т.е. знания и мнения о реально существующем или мысленно воображаемом мире, воплощается в виде смыслов, пучков смыслов (концептов) [1, с. 34–36; 23], то ментально-логическая часть авторского сознания – концептуальная система, существующая в тексте в виде общезыковых, общеречевых, авторских значений слов, слово-сочетаний и т.п., индивидуальных способов их актуализации, связи, соотнесения, наложения. Если большинство концептов имеет общенациональный характер (достаточно обратиться к рассуждениям на этот счет, например, Ю.С. Степанова), индивидуальное сознание доминантно при восприятии реального мира, то можно говорить о разнообразных доминантах и авторского сознания, начиная с доминантного способа отражения (зрительного, тактильного, слухового, обонятельного) и его выраженности в тексте и заканчивая представленностью определенных семантических комплексов. Известны, например, наблюдения над поэтическим строем С. Черного, чья художественная система отличается преобладанием оценочных и выражительных средств, основанных на вкусовых ощущениях, тогда как художественная модель Ф. Тютчева определяется доминированием визуального восприятия, В. Брюсова – сочетанием звуковых и зрительных образов и т.п. Непосредственное личностное восприятие "фильтруется" с помощью нормативно-ценостного элемента сознания, где накапливаются архетипические, мифологические, этнопсиходиологические, общекультурные, индивидуально-личностные, обыденные представления, имеющие мировоззренческое и художественно-эстетическое значение. Думается, что для индивидуального художественного сознания важны степень его сложности, а также уровень и характер рефлексии автора в процессе отражения иreprезентации действительности. Это предопределяет наличие в нем многообразных культурных и эмоциональных слоев, приводящее к высокой плотности текста, содержащего намеки, отсылки, символы и т.п. Этим качеством характеризуется художественное сознание, например, Пушкина, которое можно описать как гармоничное, светлое, многослойное; Цветаевой, сознание которой менее гармонично, становится в произведениях позднего периода более мрачным и имеет сложную структуру. Не менее многоуровневы художественные сознания Пастернака, Гумилева, Анненского, Заболоцкого и др. авторов "серебряного" века. Сочетанием структур сознания разного типа отличаются произведения В. Высоцкого, Ю. Левитанского, А. Вознесенского, В. Токаревой. Сознания писателей натуралистического направления, например, В. Бианки, М. Пришвина, гармоничны, но менее сложно устроены. Художественные сознания современ-

ных поэтов-метафористов или постмодернистов подчеркнуто деструктивны, что выступает принципом особой самоорганизации, формально иерархичны, но эти уровни не образуют единого целого, реализуясь в текстах в виде разбросанных цитат, аллюзий и т.п. Тип и качество сознания оказывает влияние на все устройство текста. В первую очередь это имеет отношение к выделению смысловых опорных пунктов, акцентирующих понятийную систему автора. Эти смысловые универсалии концептуальной системы В.А. Пищальникова называет доминантными смыслами [1]. Намеренное выделение смысла, по ее мнению, обнаруживается через повышенную эмоциональную напряженность, следовательно, сознание автора формирует эмоциональные доминанты, которые могут сопровождаться преобладающими ассоциациями. Кроме этого, любой текст – форма автокоммуникации, следовательно, в нем реализуется особенность коммуникативной организации автора, которой также присуща большая или меньшая степень концентрированности. Эти аспекты проявлений сознания автора взаимодействуют, взаимопроникают, как и формы их выражения, образуя не линейную последовательность, а иерархическое целое. В итоге примерную модель авторского сознания можно изобразить следующим образом (см. рис.). Схема носит приблизительный характер и отражает авторское сознание "эволюционизирующего" типа. Возможны иные схемы в зависимости от характера сознания.

Модель авторского сознания

Литература и примечания

1. См.: Пищальникова В.А. *Психопоэтика: Монография*. Барнаул, 1999.

2. См. работы: Абдеев Р.Ф. *Философия информационной цивилизации*. М., 1994; Витгенштейн Л. *Философские работы*. М., 1994; Вежбицка А. *Язык. Культура. Познание*. М., 1996; Апресян Ю.Д. *Образ человека по данным языка: попытка системного описания* // Апресян Ю.Д. Избр. тр.: В 2-х т. Т. 2. М., 1995; Маковский М.М. "Картины мира" и миры образов // ВЯ. 1992. №6; Роль человеческого фактора в языке. *Язык и картина мира*. М., 1988; Топоров В.Н. *Модель мира // Мифы народов мира*: В 2-х т. Т. 2. М., 1988.; Картина мира // *Философский энциклопедический словарь*. М., 1999; Топорова Т.В. *Семантическая структура древнегерманской модели мира*. М., 1994; Цивьян Т.В. *Лингвистические основы балканской модели мира*. М., 1990; Яковлева Е.С. *Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия)*. М., 1994. В плане разграничения указанных понятий и терминов работы Топоровой и Цивьян отражают именно понятие модели. Ср. мнение Руднева – картина мира – система интуитивных представлений о реальности. Руднев В.П. *Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты*. М., 1999.

3. См.: Поцепня Д.М.: *Монография. Образ мира в слове писателя*. СПб., 1997; Павлович Н.В. *Язык образов*. М., 1995; Топорова В.Н. *Миф. Ритуал. Символ. Образ*. М., 1995; Леонтьев А.Н. *Деятельность. Сознание. Личность*. М., 1977; Зинченко В.П. *Миры сознания и структура сознания* // ВП. 1991. №2; Петренко В.Ф. *Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм презентации в обыденном сознании*. М., 1983; Смирнова О.Д. *Понятие "образ мира" и его значение для психологии познавательных процессов / А.Н. Леонтьев и современная психология*. М., 1988; Голикова Т.А. *Слово как интегративный компонент презентации концептуальной картины мира*. Барнаул, 1996; Нишанова В.К. *Феномен понимания: когнитивный анализ*. Фрунзе, 1990; Павленис Р.С. *Проблема смысла (Современный логико-философский анализ языка)*. М., 1983.

4. См.: Штофф В.А. *Моделирование и философия*. М; Л., 1966.

5. Леонтьев А.Н. *Основы психолингвистики*. М., 1997.

6. О двух типах лингвистических моделей см.: Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / Под ред. А.Е. Кирика и А.К. Нариньяни. М., 1987.

7. Достаточно сравнить модели – от математических структур текста (Москальчук Г.Г. *Структурная организация и самоорганизация текста*. Барнаул, 1998; *Структура текста как синергетический процесс*. Барнаул, 1999), комплексных смысловых моделей "Смысл – Текст", "Тема – Текст", "Тема – Прием выразительности – Текст" А.К. Жолковского и Ю.К. Щеглова до описательных культуролого-психолингвистических типа модели "Диалектоноситель как представитель русского национального типа" (Хлыбова С.В. *Моделирование фрагмента региональной картины мира (на материале лексики русских говоров Алтая)*. Барнаул, 1998) или моделей отдельных концептов (Утробина Т.Г. *Экспериментальное исследование языковых презентаций комического смысла*. Горно-Алтайск, 1997).

8. Виноградов В.В. *Язык художественного произведения* // Виноградов В.В. *О языке художественной литературы*. М., 1959.

9. Винокур Г.О. *Об изучении языка литературных произведений* // Винокур Г.О. *О языке художественной литературы*. М., 1991.

10. Болотнова Н.С. *Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня*. Томск, 1992.

11. Некрасова Е.А. *Лингвопоэтическая типология стихотворных текстов*. М., 1985; Она же. *Сравнения в русской поэзии*. М., 1985; Она же. А. Фет. И. Анненский. *Типологический аспект описания*. М., 1991; Золян С.Т. К проблеме описания поэтического идиолекта (на материале поэзии Л. Мартынова) // *Известия АН СССР. Сер. лит. и яз.* №2. Т. 54. М., 1986. Е.Г. Малышева. *Идиостиль Владислава Ходасевича (опыт когнитивно-языкового анализа)*. Омск, 1997; Григорьев В.П. *Поэтика слова*. М., 1979; Он же. *Грамматика идиостиля*. Велимир Хлебников. М., 1983.

12. Зубова Л.В. *Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистический аспект*. Л., 1989; Она же. *Потенциальные свойства языка в поэзии М. Цветаевой (семантический аспект)*. Л., 1987; Она же. *Язык поэзии Марины Цветаевой (фонетика, словообразование, фразеология)*, СПб., 1999.

13. Ковтун Л.С. *О специфике словаря писателя* // *Словоупорядление и стиль М. Горького*. Л., 1962; Караполов Ю.Н. *Словарь Пушкина и эволюция языковой способности*. М., 1992; Карпова О.М. *Словари языка писателей*. М., 1989; Поцепня Д.М. *Образ мира в слове писателя*. Л., 1997; *Поэт и слово: Опыт словаря / Под ред. В.П. Григорьева*. М., 1973.

14. Гегель Г.В.Ф. *Эстетика*: В 4-х т. Т. 3, 4. М., 1973; *Время и пространство в произведениях Гете* // *Эстетика словесного творчества*.

ства. 2-е изд. М., 1986; Он же. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М., 1979.

15. Топоров В.Н. Об индивидуальных образах пространства: "феномен" Батенькова; "Минус"-пространство Сигизмунда Кржижановского; О "поэтическом" комплексе моря и его психофизиологических основах // Топоров В.Н. Указ. соч.; Вольфсон И.В. Речевая экспликация образа автора в поэме В. Ерофеева "Москва – Петушки". Традиция и новаторство. Саратов, 1984; Тильман Ю.Д. Культурные концепты в языковой картине мира (поэзия Ф.М. Тютчева). М., 1999; Панченко О.Н. Виктор Шкловский: миф – реальность. М., 1998; Панченко Н.В. Композиционно-речевая структура текста короткого рассказа Бунина. Екатеринбург, 1998; Полищук Г.Г. Антропоцентризм: автор – текст // Вопросы стилистики. Антропоцентрические исследования. Вып. 28. Саратов, 1999.

16. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека. Психолингвистическое исследование. Воронеж, 1990.

17. Левин Ю.И. О. Мандельштам; Б. Пастернак; О поэзии Вл. Ходасевича; Вл. Набоков // Левин Ю.И. Избр. тр. Поэтика. Семиотика. М., 1998; Щеглов Ю.К. Черты поэтического мира Ахматовой // Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. Работы по поэтике выразительности. Инварианты – Тема – Приемы – Текст. М., 1996; Поляков М. Вопросы поэтики и художественной семантики. М., 1978. Достаточно посмотреть в этих работах определение темы. Ю.И. Левин: "Если в тексте имеется несколько элементов... с общим семантическим признаком, то этот последний называется темой" (С. 29). Ю.К. Щеглов: "Говоря об описании поэтического мира какого-либо художника слова, мы имеем в виду задачу внутренней реконструкции наиболее общих и глубинных семантических величин (тем), лежащих в основе всех его текстов, и демонстрацию соответствия темами и конструкциями более поверхностного уровня – инвариантными мотивами, каждый из которых, в свою очередь, реализуется множеством конкретных фрагментов" (С. 261). Похожие рассужденияходим у Полякова о теме, тематическом поле, доминирующем тематическом узле, тематической цепочке (С. 49, 53, 57, 227–277).

18. Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. М., 1985; Сорокин Ю.А., Пиццальникова В.А. Введение в психопоэтику. Барнаул, 1993; Антропова М.В. Личностные доминанты и средства их языкового выражения (на материале художественного текста). М., 1996; Мурzin Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991; Показателен в этом отношении подход В.П. Белянина: Психолингвистический аспект художественного

текста. М., 1988. Автор, следуя за Н.А. Рубакиным, проводит мысль о соответствии психического типа автора и типа его текста, продуцирующего тип читателя (тип автора – тип текста – тип читателя), и классифицирует тексты как светлые, активные, усталые и т.д., разводя их авторов "по диагнозам".

19. Падучева Е.В. Семантические исследования. М., 1996; Коневникова Н.А. Типы повествования в русской литературе XIX–XX вв. М., 1994.

20. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М., 1988.

21. Павиленис Р.И. Понимание речи и философия языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986.

22. Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания // ВП. 1991. №2; Василюк Ф.Е. Структура образа // ВП. 1993. №5.

23. О концепте см.: Павиленис Р.И. Проблемы смысла: Современный логико-функциональный анализ языка М., 1983; Степанов Ю.С. Константы. Словарь культуры. М., 1997; Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.

Перифраза как экспрессивная единица языка: к особенностям семантики

Несмотря на обычные характеристики перифразы в учебной и научной литературе как яркого стилистического средства, указания на ее обязательную оценочность, преимущественную метафоричность, т.е. на ее "подведомственность" экспрессиологии, перифраза продолжает относиться к наименее исследованным единицам языка.

При всем различии взглядов на границы и сущность этого явления общее мнение исследователей состоит в том, что перифраза семантически неделима [1–5], т.е. перифрастическое значение целостно, а следовательно, представляет собой семему – совокупность определенным образом организованных сем.

Естественно, не может не вызывать интерес степень сходства и различия экспрессивного слова, широко и полно изученного в трудах Н.А. Лукьяновой, В.Н. Телия, Т.В. Матвеевой, В.И. Шаховского и др. и экспрессивного перифрастического сочетания, его коннотативной сферы, не подвергавшейся лингвистическому анализу.

В соотнесении перифрастического сочетания и соответствующего ему слова-номината часто видят синонимические отношения, явно по аналогии с характером соотнесенности экспрессива и экспрессивно индифферентного слова-синонима, или идентификатора. Не случайны термины "домината", "исходное слово", "номинативный инвариант" для обозначения перифразируемого слова [4–5].

Однако с такой точкой зрения трудно согласиться. Для отношения перифрастического сочетания и слова-номината характерно наличие денотативной корреляции, обусловленной соотнесением с одной и той же реалией, а не отношения синонимии.

В статье "О типах перифрастических выражений в русском языке. I часть" нами выделены следующие типы соотношений перифрастического сочетания и слова-номината:

- 1) денотативное тождество – *белокаменная столица* – Москва;
- 2) денотативная соотнесенность – *китайский Калигула* – Мао Цзедун;
- 3) денотативная общность – *железная игра* – тяжелая атлетика;
- 4) денотативная дивергентность – *золотые ноги* – Ирина Привалова.

Здесь видится первая специфическая черта семантики перифрастических сочетаний: иной характер соотношения со словом-номинатом, своим нейтральным соответствием – не синонимия, как у экспрессива и его идентификатора (последнего может и не быть,

как у слов *живодер*, *мародер* и др.), а отношения обязательной денотативной корреляции разных типов.

С этой отличительной особенностью качества семантики перифрастического сочетания связана и другая характерная особенность отношений этих экспрессивных номинаций. В отношениях экспрессива и нейтрального синонима "обслуживаем" экспрессив, т.к. именно экспрессив с его диффузной семантикой толкуется (в акте речи или подсознательно) словом-идентификатором, например: *ухнуть = упасть* (в пропасть) = *потратить* (деньги); *расступиться = расстегнуть*, *расслабить* одежду. См. также *кавардак*, *забулдыга*, *трепач*, *драндулет*, *чудовищно* и т.п.¹ В отношениях же экспрессивного перифрастического сочетания и слова-номината "обслуживаем" номинат, т.к. именно номинат толкуется перифрастическим сочетанием, выступающим "идентификатором", см. *лев = царь зверей*, *верблюд = корабль пустыни*, *весна = юность лета*, *зерно = хлебная валюта*.

Это различие весьма существенно для понимания сути и функции экспрессивных перифрастических сочетаний, в отличие от экспрессивного слова, но при этом является внешним по отношению к характеру идентификации в каждом случае.

Перифрастическое сочетание как идентификатор деидиоматизирует лексическое значение слова-номината, актуализирует его идеосемантику, вскрывает творческий аспект языкового мышления; слово-идентификатор экспрессива, напротив, нивелирует коннотацию своего коррелята, оно акцентирует денотат.

При формировании перифрастического значения имеет место приращение (преобразование), т.е. акцентуализация именно сигнификативного компонента, а денотативный компонент значения является как бы данностью, обусловленной перифразируемым словом-номинатом. В семантике экспрессива отражается, как известно, не столько сам предмет, сколько отношение к нему человека. В этом существенное отличие экспрессивного слова от собственно номинативного. Внутреннее содержание экспрессивной лексической единицы, связанное с отражением отношения человека к реальной действительности, есть экспрессивность данной лексической единицы. То же характерно и для экспрессивного перифрастического сочетания. Сигнifikат перифрастического сочетания составляют те семантические элементы, которые актуализируются, выражают субъективное отношение к называемому. Если согласиться с мнением Ш. Балли, что идентифицируемое слово – "это не что иное, как выражение мысли, которую мы сознательно очистили от малейшего проявления

¹ Ср. "Мы понимаем слово и ощущаем его эмоциональную окраску только благодаря тому, что бессознательно сопоставляем его с другими" [6, с. 39].

той или иной тенденции, присущей человеческой природе" [6, с. 34], то перифрастическое сочетание – это не что иное, как выражение мысли, в которой проявляется та или иная тенденция, присущая человеческой природе.

Преобразованный сигнификат, или сигнификат в коннотативном ореоле перифрастического сочетания, отчетливо осознается и воспринимается – это то, ради чего перифраза создана, – отсюда четкая семантическая определенность значения экспрессивной перифразы, в отличие от экспрессивного слова, особенностью семантики которого является распространенная диффузность [7–11].

Преобразование (модификация или приращение) сигнификативного компонента номината в значении перифрастического сочетания определяется коммуникативными условиями, коммуникативным намерением говорящего.

Коммуникативно преобразованный сигнификат слова-номината составляет коннотативный макрокомпонент (сферу) перифрастического значения.

Таким образом, денотативный компонент значения понимается здесь традиционно: как компонент, отражающий предметно-логическую отнесённость перифрастического сочетания. Коннотативным компонентом перифрастического значения считается такой макрокомпонент, который объединяет семантические признаки, отражающие коммуникативно релевантные свойства объекта номинации. Такое понимание близко к пониманию Н.А. Лукьяновой [10, с. 11]: "коннотация определяется как непредметное, квалифицированно-оценочное содержание, как "особого рода оценочная структура" (В.Н. Телия), связанная с субъективным аспектом восприятия человеком действительности, эмоционального отношения человека, его субъективной оценки, мнения о предмете высказывания, образного видения, образных ассоциаций, социальных стереотипов и / или квазистереотипов".¹

Если для экспрессива справедлива семенная формула ДК + КК, где ДК – денотативный компонент, КК – коннотативный компонент, понимаемый как иерархическая совокупность сем², то семена

¹ Разделяя эту точку зрения, отметим, что мы говорим только о коннотации в пределах экспрессивности, принимая во внимание элементы и аспекты коннотации, порождающие экспрессивность языковой единицы, допуская при этом, что коннотативный континuum языка существенно шире явления экспрессивности.

² Сложившееся в отечественной экспрессиологии понимание коннотации как структуры позволяет представить мета-модель коннотативного макрокомпонента (коннотативной структуры), порождающего экспрессию языковой единицы как конституирующую элементами (семами): экспрессивность (интенсивность / экспенсивность), эмоциональность (положительная / отрицательная), оценочность (эмоцио-

перифразы имеет несколько иной вид. Её структуру можно схематически изобразить следующим образом:

где СК – сигнификат слова-номината; ДК_(т, о, с, д) – денотативно тождественный, или денотативно общий, или денотативно соответственный, или денотативно дивергентный компонент; КК – коннотативный компонент перифрастического сочетания, понимаемый как сигнификативно-коммуникативный.

В сферу перифрастической коннотации входят (могут входить) все субкомпоненты коннотативного компонента экспрессива, представленные в мета-модели. И с точки зрения набора субкомпонентов коннотативного макрокомпонента экспрессивная перифраза не отличается принципиально от экспрессивного слова. Отличительную особенность составляет, на наш взгляд, особый характер этих субкомпонентов и особая значимость образности в перифразе.

Рассмотрим здесь важнейший субкомпонент – экспрессивность.

"Потенциальная возможность языковой единицы выразить характер проявления некоторого объективного свойства, качества, отличительные признаки некоторого объекта, выделяющие его из класса однородных, мы называем экспрессивностью данной языковой единицы", – пишет Н.А. Лукьянова [7, с. 24].

Специфика перифразы как языковой единицы состоит, во-первых, в том, что она по преимуществу суперэкспрессивна.

Известно понимание экспрессивности в двух смыслах: широком и узком. Именно экспрессивность в узком смысле рассматривается в работах Н.А. Лукьяновой.

Широкое понимание экспрессивности как выразительности, которому вполне удовлетворяет перифраза, позволяет соотносить ее (перифразу) в ряду окказионализмов, индивидуально-авторских употреблений с понятием **номинативной экспрессивности**, которое,

нальная / социальная), стилистическая отмеченность (публицистичность / художественность / научность / официальность / разговорность); образность (мотивированная / немотивированная).

В каждой конкретной экспрессивной единице языка коннотативная мета-модель, разумеется, реализуется не полностью, компоненты коннотативной структуры слова могут выступать в различных комбинациях, что порождает разные типы экспрессивов (см. например, [3]).

как отмечал И.А. Стернин [12, с. 125], предполагает "необычность, нетрадиционность номинации референта в речи".

Независимо от того, какой тип перифразы реализуется (дескриптивный или тропический, общеязыковой или контекстуальный [13]), – перифраза представляет собой способ выделения определённого содержания необычностью номинации.

И если экспрессив оказывается языковой единицей, которая "экспрессивна как бы дважды – экспрессивно-экспрессивной: по своей природе, как имеющая этот признак в своей семантике, получая его при своем образовании, с другой стороны, как реально выражаяющая его в конкретном коммуникативном акте, наряду с теми знаками, которые актуализируют в речи семантические признаки "эмоциональность" и "оценочность" [7, с. 25], то перифраза, а точнее её мета-модель, содержит в себе три ступени экспрессивности:

1) номинативная экспрессивность перифразы как особой специфической единицы наименования в системе языка (речи) – *акула, тигр морей*;

2) ингерентная экспрессивность собственно перифрастического сочетания – *акула, тигр морей*;

3) адгерентная экспрессивность опорного (перифразирующего) слова перифрастического сочетания, обусловленная дистрибуцией – *тигр морей*.

Указанной мета-модели полностью соответствуют тропические перифразы, что касается дескриптивных перифраз, то им свойственна только первая ступень – номинативная экспрессивность, экспрессивность особых единиц наименования: *Ленинград, город на Неве; врачи, люди в белых халатах; Карелия, край голубых озер*.

Второй специфической чертой экспрессивности перифраз является ее характер. Если экспрессивность слов связана с выражением ими **отличительных признаков объекта**, то экспрессивность перифразы связана с выражением **актуальных, коммуникативно релевантных** признаков объекта, которые не обязательно являются отличительными. Ср.: *травка* – наркотики и *смерть на кончике иглы* – наркотики.

Итак, перифразы любого типа – экспрессивные наименования, но тропические перифразы – это суперэкспрессивные перифразы. Именно они преобладают количественно. Так как абсолютное

большинство перифразируемых слов – экспрессивно индифферентны, есть основание полагать, что перифраза выступает в функции компенсации нуль-экспрессии номинативных единиц в коммуникативном процессе. С этой точки зрения становится понятнее, почему зоной использования перифраз являются в основном так называемые книжные стили языка, характеризуемые "пониженным содержанием" экспрессивов.

Рассмотрение перифраз как единиц экспрессивного фонда языка с точки зрения особенностей их семантики позволяет сделать следующие выводы:

1. Перифрастические сочетания обладают значительной спецификой по сравнению с экспрессивными словами. Эта специфика проявляется прежде всего в ином характере соотнесения перифрастического сочетания с нейтральным словом; кроме того, в качестве экспрессивности – перифраза суперэкспрессивна. Специчен и характер экспрессивности: если экспрессив связан с выражением отличительных признаков, то перифраза – с выражением коммуникативно релевантных.

2. Перифрастическому сочетанию присуща особая, семантически "обслуживающая" функция по отношению к нейтральному номинату, в отличие от экспрессива.

3. Перифрастическое сочетание характеризуется семантической определенностью, в отличие от экспрессива, которому свойственна семантическая диффузность.

4. Перифраза описывается специфической семенной формулой. Компоненты семены, будучи частично соответственны компонентам семены экспрессива, имеют ряд отличий в своем характере и качестве.

5. Перифраза как экспрессивная номинация является результатом действия **компенсаторного механизма языка**, действующего при его функционировании и служащего для целей полноты коммуникативной обеспеченности передаваемой информации.

Литература

1. Ильина И.З. Перифраз и его стилистические функции в произведениях английской художественной литературы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1954.
2. Коломиец Н.Ф., Регушевский Е.С. Краткий словарь перифраз / Под ред. Н.Н. Пилинского. Киев, 1985.
3. Моложай Г.Н. Перифраза в белорусском литературном языке (структурно-семантическая и стилистическая характеристика): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1971.

4. Розанова Г.З. Некоторые аспекты семантики перифраза // Актуальные проблемы лексикологии, фразеологии и стилистики: Тез. научн. конф. (23–24 марта 1971 г.) М., 1971.
5. Синельникова Л.Н. Именная перифраза в современной советской поэзии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1975.
6. Балли Ш. Французская стилистика / Пер. с франц. М., 1961.
7. Лукьянова Н.А. О семантике и типах экспрессивных лексических единиц // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. VIII. Новосибирск, 1979; Она же. О семантике и типах экспрессивных лексических единиц. Семантические классы экспрессивов русского языка // Экспрессивность лексики и фразеологии. Новосибирск, 1983.
8. Лукьянова Н.А. О семантике эмоционально-оценочных слов русского языка // Семантическая структура слова. Кемерово, 1984.
9. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Новосибирск, 1986.
10. Лукьянова Н.А. Экспрессивность как семантическая категория // Языковые категории в лексикологии и синтаксисе. Новосибирск, 1991.
11. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
12. Стернин И.А. О трех видах экспрессивности слова // Структура лингвостилистики и её основные категории. Пермь, 1983.
13. Бытева Т.И. О типах перифрастических выражений в русском языке. Ч. I // Русский язык в Красноярском крае. Русистика Красноярска. Красноярск, 1999.

И.А. Герман

Метафоризация как лингвосинергетический процесс: соотношение стабильных и нестабильных компонентов

Функциональная структура систем смыслов детерминирована деятельностным контекстом их функционирования и отражает структуру соответствующих деятельности. Понимание деятельности как структурообразующего фактора систем смыслов позволяет выявить специфику динамики этих систем. Установлено, что с развитием значения *его структура становится менее зависимой от условий восприятия*, а значит, само значение становится более стабильным компонентом речемыслительной деятельности.

Легко заключить, что чем выше уровень языковой компетенции, адекватно отображающей структуру конвенционального значения, тем более способен индивид формировать личностные смыслы на базе содержания своей концептуальной системы. При этом структура значения служит операциональным компонентом речемыслительной деятельности, стабилизирующими процесс порождения смысла. Важно подчеркнуть стабилизирующую роль именно *структурь* значения, а не какого-либо его компонента (денотативного, референциального и т.д.). Наличие сложной структуры у конвенционального значения, структуры, вполне осознанной / присвоенной индивидом, способствует развитию и даже доминированию креативной функции речевой деятельности. Вот почему метафоризация может осуществляться и чаще всего осуществляется не на базе неких объективно сходных признаков реалий, а на основе "приписывания" субъективно важного смыслового компонента, относимого с каким-либо признаком, свойством, отношением реалии, концепту, в структуру которого ранее этот компонент не входил, причем достаточно часто эти компоненты связаны с абстракциями высокого порядка. Система смысла, репрезентируемого метафорой, строится в этом случае как соотношение значения языковой единицы, репрезентирующей этот абстрактный признак, но не называющей его, с ассоциативно-понятийным содержанием лексемы, называющей концепт, в структуру которого вводится новый смысловой компонент. Тогда "метафорический" смысл – принципиально открытая система, что часто осознается как "неопределенность смысла метафоры". Поэтому вполне возможно возникновение метафоры не на основе сходства внешних признаков сопоставляемых сущностей, а на основе общих параметров перцептивных универсалий разных модальностей. В этом случае содержательная ем-

кость метафоры проистекает не из обнаруженного явного или неявного сходства ("признака метафоризации"), а путем *обнаружения интегративного компонента перцептивных универсалий разных модальностей*. По Мамардашвили, впечатление имеет смысл описывать, если оно рассматривается как знак какого-то скрытого и глубокого закона, стоящего за этим впечатлением. Кроме того, актуализация в метафоре языковых ассоциаций важна не сама по себе, а как способ формирования и оформления *структуры личностного смысла* – результата синергетического процесса смыслопорождения, препрезентированного в речевом произведении (тексте).

Известно, что любая вербализация смысла – неизбежное его сужение за счет необходимости соотносить смыслы с конвенциональными языковыми знаками, имеющими в составе означаемого компоненты, интегрирующие его с актуальным смыслом. Это позволяет, с одной стороны, препрезентировать континуальные ассоциативные связи доминантного смысла в пределах текста, с другой – сужать это поле ассоциаций до необходимого предела. Наиболее адекватно этот процесс осуществляется за счет таких вербальных препрезентантов, какими являются метафоры, не устраниющие континуальность смыслов, но останавливающие вербально-ассоциативный поток в знаке.

Метафоризация может осуществляться как процесс представления смысла через указание на смысловой компонент, вычленяемый субъектом, но недостаточно им осознанный. При этом вычлененные смыслы, как правило, связываются с чувственными представлениями и потому далеко не обязательно соотносимы с "объективными" свойствами денотатов. Поэтому же вычлененный смысловой компонент множественно актуализируется за счет указания на другие смыслы, что естественно включает его в различные ассоциативно-смысловые структуры, практически приводя к возникновению открытой функциональной системы смыслов – синергетической системе. Таким образом, во всех случаях метафора дана реципиенту как *вербально-авербальный бессознательный архетипический комплекс*, который осознается / осознается частично / не осознается в процессе понимания текста. Важно отметить, что и при частичном осознании текст понимается именно за счет множественности указаний на какое-либо свойство и активизации в процессе рецепции текста интегративной функции мышления. "Неопределенность" смысла метафоры ведет к усилинию креативной активности реципиента и, следовательно, к усилиению процессов самоорганизации в функциональной системе смысла, препрезентированного в тексте.

Отсюда метафора – *текстообразующий и идиостилистический компонент текста, способный выступать моделью результата рече-*

вой деятельности. Естественным условием эффективности такой модели для понимания речевого произведения является осознание ее условности, структурной аналогичности, но не тождественности объекту (смыслу). Это также ведет к усилиению ментально-эвристической деятельности, направленной на структурирование понимаемого, на уменьшение энтропии смысла.

Таким образом, метафоризация – один из способов экспликации предзаданности путей развертывания смыслопорождения, а метафора – детерминанта этого способа. Она есть знак "становящегося бытия" смысловой системы, указывающий на снижение уровня энтропии смысла. "Двуплановость" метафоры, способность ее фиксировать неустойчивое равновесие (соотношение) двух / нескольких понятийно ассоциативных систем базируется на том, что система значений (в силу симметричности языка) стабилизирует процесс смыслопорождения, а смысл, будучи нестабильной составляющей речемыслительного процесса (в силу асимметричности языка), ведет к эволюции системы в целом.

Метафоризация поэтому не только обнаруживает, но и задает открытую динамическую схему познавательного процесса. Означая вероятную совокупность путей развития смысловой системы, метафора является *материально-сигнальным телом, связующим речемыслительные процессы продуцента и реципиента*.

Метафора сигнализирует на поверхностном языковом уровне о наличии в тексте определенных "точек" неустойчивости системы, т.е. о стремлении ее к эволюции, однако одновременно она, метафора, является и элементом этой эволюции, элементом становления, в котором значение ускользает от формы. Этот процесс ускользания и есть становящийся смысл, как бы проходящий сквозь стабильную структуру конвенционального значения и потому обнаруживающийся очевидно. Вот почему именно метафора отчетливо обнаруживает нестабильность языка / речи как их структурообразующий принцип.

Следовательно, метафоризация – это прежде всего *универсальный когнитивный механизм, выявляющий актуальный компонент личностного смысла*, существующий как функциональная система препрезентированных в тексте ядерных и периферийных составляющих этого компонента, метафора *инкорпорирована в концептуальную систему реципиента, являющуюся базой ее осмыслиения, но одновременно направляет, задает путь своего осмыслиения*.

Н.Д. Голев

О метаязыковом компоненте обыденного языкового сознания носителей русского языка

Метаязыковой компонент языкового сознания рядовых носителей русского языка (МКЯС), который составляют их представления о генезисе, синхронном устройстве и функционировании родного языка, – важный элемент языковой системы и речевой деятельности. Он проявляется, с одной стороны, в механизме применения языка¹, с другой стороны, в языковой картине мира, в которой язык – сам ее часть, с третьей стороны – в сфере культуры, знаний, выученности и т.п. МКЯС – важный и сложный предмет исследования, актуализируемый современными подходами к языку – функциональным, когнитивным, антропоцентристским. Данный предмет, однако, до сих пор не подвергался систематическому изучению. И это несмотря на то, что МКЯС представляет собой своеобразный феномен ментального состояния людей, эффективный полигон для его изучения в разных аспектах, в том числе прикладном (в частности – дидактическом: качество лингвистического образования напрямую зависит от обыденных представлений о языке, лингвистике и их взаимоотношений). Своебразие данного феномена определяется прежде всего наличием огромного числа ментальных стереотипов, сформированных и стереотипами национального мышления вообще, и спецификой русского языка, отражаемого языковым сознанием, и особенностями школьного лингвистического курса с его специфическими установками.

В ряде предшествующих работ [1, с. 71–82; 2; 3] мы ставили данную проблему на орфографическом материале, анализируя такое специфическое проявление обыденного метаязыкового сознания как орфографоцентризм. Важно указать на наличие созвучных идей в новой книге Н.Б. Мечковской "Язык и религия" [5, с. 75], в которой автор отмечает живучесть **сакральных** представлений об орфографии и их способности подменять (хотется сказать – подминать) реалистические, объективистские взгляды о языке вообще (и его взаимоотношения с орфографией, в частности). Ср.: "Пиетет перед орфографией – в ущерб вниманию к другим, более содержательным

сторонам языка, – к сожалению, сохраняется до сих пор. Именно орфография чаще всего отождествляется популярным сознанием с языком (и ошибки в орфографии – с незнанием языка" [5, с. 75]. Думается, что нам в указанных выше статьях удалось доказать эти положения на конкретно-исследовательском материале.

Далее под очерченным углом зрения мы рассматриваем результаты естественного эксперимента, который был осуществлен нами в ходе заочного ("домашнего") тура олимпиады, проводимой в 1999 г. филологическим факультетом Алтайского университета для старшеклассников-abitуриентов. В задания олимпиады были включены следующие два.

1. В книге "*Примерные вопросы и ответы по русскому языку*" (М., 1998. С. 5–6) есть фраза: "*Столетиями мастера слова (А. Пушкин, М. Лермонтов, Н. Гоголь, И. Тургенев, Л. Толстой, А. Чехов, А. Твардовский, К. Паустовский и др.) и ученые-филологи (Ф. Буслаев, И. Срезневский, Л. Щерба, В. Виноградов и др.) совершенствовали русский язык, доводили его до тонкости, создавая для нас грамматику, словарь, образцовые тексты*". Эта фраза небезупречна в логическом и лингвистическом отношениях. Докажите это.

2. Приведите конкретные реальные (непридуманные) примеры из Вашей жизни, которые иллюстрировали бы трудности или недоразумения, возникающие из-за орфографических ошибок, и прокомментируйте их.

Были получены 56 развернутых письменных ответов.

Их анализ дает возможность выявить определенные черты МКЯС рядовых носителей русского языка, сформированные школьным курсом русского языка. Косвенным образом они отражают и ЯС учителей (впрочем, нельзя исключать и их прямого участия в ряде ответов) – главных "демиургов" МКЯС в ментальной сфере рядовых носителей русского языка. Более глубинная детерминация исходит от создателей школьного курса (через вузовский курс методики преподавания русского языка) и, наконец, – в самой глубине – от ученых-лингвистов.

Первое задание

С помощью первого задания мы намеревались узнать, каким образом школьники реагируют на тезис о том, что русский язык кем-то создается и совершенствуется, что именно эта функция принадлежит лингвистике (под воздействием представлений о рукотворности языковых – и прежде всего орфографических – норм).

¹ Мы полагаем, что механизмы контроля за правильностью речи [4] предполагают наличие действенного метаязыкового компонента сознания на самых разных уровнях его бытия: от глубинного подсознательного, который регулирует спонтанно-автоматические порождение и восприятие речи, до осознанного отношения к выбору и оценке тех или иных форм.

Такая детерминация нашла отражение в 10 ответах¹. Приведем выдержки из них: "Мастера слова" не создавали словарный запас русского языка (за исключением отдельных новых слов), а использовали его в своих работах"; "грамматика была создана не учеными-филологами, а намного раньше того времени, когда они жили"; "создавать можно учебник по грамматике, анализируя и описывая язык, а сами грамматика и словарь – неотъемлемые характеристики любого языка"; "если и можно создать образцовый текст, то грамматику и словарь создать нельзя"; "несколько, даже гениальных, авторов не могут улучшать язык, его формирует весь народ"; "язык сам по себе не может быть как совершенным, так и несовершенным".

Однако выясняется, что многие носители русского языка старшего школьного возраста не сомневаются в правильности тезиса о рукотворности языка, выделяют в нем различные нюансы. Чаще всего они связаны с распределением ролей между писателями и филологами: "создавать для нас грамматику, словарь могли только мастера слова, а создавать образцовые тексты – только учены-филологи"². Логической ошибкой называется неразличение ролей художников слова и лингвистов в развитии языка. Подобных суждений – 17.

Весьма редко школьники акцентировали внимание на специфической (эстетической) функции художественной литературы, для которой совершенствование языка не есть прямое предназначение. Большинство же отвечающих не сомневается в лингвокреативной и лингводидактической функции художественной литературы, ср., например: "никто из названных писателей не создавал словарь, а расширял словарный запас своих читателей" (7). Лишь в следующих двух фразах школьников ("скорее всего, все указанные люди не ставили перед собой цель создать что-либо для кого-либо" и ""писатели вообще не создают грамматику, а чаще даже нарушают грамматические каноны") момент "особости" целей художественной речи косвенно подразумевается. Прямая апелляция к ним обнаруживается дважды:

1) "Писатели и поэты не создавали грамматику, словари. Для писателей и поэтов было важно выразить в произведениях их чувства, мнения, точку зрения";

¹ Далее в круглых скобках цифра означает число ответов, иллюстрирующих то или иное явление из сферы МКЯС.

² Любопытно, что есть ответы с другими, иногда прямо противоположными акцентами, ср.: «Никто из писателей не создавал грамматику, только тексты, ставшие образцами художественного искусства»; «не лучше ли сказать: мастера слова обогащали словарный запас выразительными текстами, а учены-филологи на примере этих текстов оттачивали грамматику»; «ученые-филологи только изучали то, что создано мастерами».

2) "Получается, что писатели и поэты создавали свои произведения не для того, чтобы выразить свои мысли и чувства, а чтобы создать образчики для языкового подражания".

Большинство ответов строится на посылке "фактической" ошибки, связанной с числом лет в веке: "Столетиями" подразумевают множество столетий, тогда как было их всего два; так же "столетиями" можно понять как продолжительность жизни каждого из названных поэтов и писателей"; "Твардовский и Паустовский и учены-филологи жили в 20-м веке, а так как 20-й век еще не окончен употребить "столетиями" здесь нельзя." Такого рода "ошибки" отмечены в 43 ответах. Фактические ошибки нередко связываются с неупоминанием того или иного автора (чаще всего – Ломоносова, Лермонтова, Гоголя, Даля и Ожегова). Дважды недобрый словом поминается Гоголь, писавший с ошибками: "он не мог создать для нас образцовые тексты" – весьма своеобразное проявление орфографоцентризма МКЯС носителей русского языка. Уничтожительной по отношению к великим людям показалось ряду абитуриентов продолжение перечня с помощью сокращения "и др."

Были предложения соблюдать хронологический или алфавитный принцип в перечне авторов (8).

Многим кажется неверным употребление отдельных слов и выражений, толкуемых в этой ситуации прямо и буквalistски, например, ДО ТОНКОСТИ ("непонятно, что значит доводить язык до тонкости – какой?, чего?, в чем?; "язык, а тем более русский, невозможно исследовать, изучить полностью, поставить точку"; "совершенствовать и доводить до тонкости – тавтология"). Этот момент указан в 9 ответах. Трижды отмечено, что "грамматика", "словарь", "образцовые тексты", выделенные в предложении как однородные члены, не являются таковыми. Не везет слову СЛОВАРЬ: "его нельзя создавать, можно лишь составлять" (2); ошибкой, по мнению некоторых участников олимпиады, является его употребление в единственном числе, ибо "словарей создано множество" (2).

Второе задание

Задание ориентировало, во-первых, на осмысление коммуникативной природы языка, в которой главными параметром является эффективность общения, проявляющаяся в коммуникативном успехе / неудаче (недоразумении), взаимопонимании / непонимании и т.п., и, во-вторых, на квалификацию в этом параметре русской орфографии.

Рассмотрим в данных аспектах полученные ответы. Сначала прокомментируем попытки обоснования позитивного участия орфографии в коммуникативном процессе. Его, понятно, призваны

обосновать случаи "недоразумений", примеры которых предлагалось привести и обосновать в задании.

Характерная логическая и модальная структура полученных обоснований – теоретическая уверенность в участии орфографии в создании речевой эффективности, которое иллюстрируется, однако, либо периферийными, мало значимыми примерами, либо, что гораздо чаще, примерами придуманными, заимствованными (вопреки условию задания). При этом часто абитуриенты сопровождают их дидактической риторикой: декларациями о пользе грамотного письма, необходимости беречь русский язык и т.п. Все это – проявление школьных установок преподавания русского языка в школе. Мотивация орфографической деятельности осуществляется скорее внушением, чем убеждением. При этом внушается прежде всего морально-пуристическое отношение к орфографическим нормам, которое как бы не нуждается в логическом обосновании, если же логика все-таки включается, то коммуникативные причины в них указываются редко, либо они рассматриваются как нечто данное. Бросается в глаза пестрота доводов, свидетельствующая о недостаточной разработанности вопросов мотивации орфографической грамотности в школьной лингводидактике¹.

Наиболее характерны примеры "реальных" ситуаций, связанные в одном контексте **омофонами**. Омофоны – видимо, вообще главное школьное средство мотивации необходимости соблюдать нормативные написания; факты малой вероятности их столкновения в одном контексте и "бессилия" контекста в их естественной (автоматической) дифференциации не смущают ни субъектов, ни объектов мотивации. "Я долго пыталась уяснить истинный смысл письменного рассказа подруги, в котором она несколько раз упоминала некую статью – колос; лишь дочитав до конца я смогла понять, что имеется в виду не памятник достижениям сельского хозяйства, а исполнская статуя". С коммуникативных позиций трудно обосновать такую "недогадливость": орфографически недифференцированных написаний слов-омонимов в русском языке столь много, что наше языковое сознание давно адаптировалось к их автоматическому восприятию и семантической дифференциации с опорой на общий смысл контекста. "Однажды на уроке моя подруга прислала мне записку с таким содержанием: "Вчера померили Таню с Сашей".

¹ Некоторые из них курьезны (и одновременно симптоматичны). Например: «Трудностей, возникающих из-за орфографических ошибок много. Например, то, что из-за них снижаются оценки за письменную работу по русскому языку». В другом рассказе учитель разоблачил по ошибкам девочку, имитировавшую письмо своей (грамотной) мамы.

"Омофоническая логика" доказательства неизбежности недоразумений из-за орфографии встретилась у 33 авторов.

Мы уже отмечали [2] характерную для наших школьников метаязыковую интерпретацию орфографии в связи с омофонией как источника, порождающего онтологические (семантические и грамматические) свойства слова. *"Из-за орфографических ошибок может меняться смысл слова, например: ВЫВЕСТИ БАЛЛ и ВЫВЕЗТИ БАЛ"*; *"Одна девочка написала ОТВАРИТЬ ДВЕРЬ и это словосочетание приобрело значение "сварить, прокипятить"*; *"От неправильного написания слово может переходить из одной части речи в другую, например ОЖОГ и ОЖЁГ, НАСТОЛЬКО и НА СТОЛЬКО, СТИРАННЫЙ и СТИРИАННЫЙ"*. Ученик комментирует фразу *"РЕБЕНОК УСПЕШНО РАЗВЕВАЛСЯ"*: *"Как он может развеваться – он же не флаг"*. Около 10 примеров такого типа.

Некоторые приведенные контексты довольно изысканны, но и в них искусственный характер очевиден: они составлены в учебных целях как средство мотивации. *"Как к ней ни (не) придишь – она недовольна"*; *"Несмотря ни на что они успели на день рождения к нашему отлету (имеется в виду – АТЛЕТУ)"*; *"Мальчик восьми – десяти лет и мальчик восьмидесяти лет"*.

Следует заметить, что многие авторы (примерно треть ответов), приводя подобные примеры, осознают их игровой, комический, не-серезный смысл, именно в нем видят их сущность. Соответствующим образом понимается задание, скажем: *"В моей жизни было несколько случаев, когда орфографические ошибки приводили к нелепым смешным случаям"* Несколько примеров. *"Написав сочинение на тему "Моя любимая книга", после проверки я обнаружила потешное словосочетание "начальник Лиг – пса"*; *"Однажды, описывая картину Яблонской "Утро", я использовала фразу "Девочка заправила настель и стала делать зарядку". Получился курьез"*. Ряд авторов в этой связи отмечает влияние орфографии на произношение слов: *"Фамилия ученика была Бычек, но в журнале по ошибке вместо Е написали Ё. Продолжалась перекличка, и новый учитель произнес фамилию Бычёк (о). В классе раздался взрыв хохота"*.

Любопытна (и достаточно правдоподобна!) история с видеофильмом о свадьбе сестры: *"В титрах было написано: "Наша свадьба". Все мои родственники стали смеяться над таким написанием"*. Далее последовал несколько неожиданный метаязыковой рефлекс *"Мне пришлось обратиться к словарю и доказать, что правильным написанием должно быть именно СВАТЬБА, а не СВАДЬБА"*. Нельзя не отметить нетипичность такого метаязыкового поведения для носителей русского языка.

Вторая массовая группа ответов характеризуется апелляцией к абстрактно-гуманитарным доводам с назидательной модальностью. Ее аспекты весьма разнообразны. Один из авторов рассказывает о своей маме, которая сделала замечание продавцу, написавшему "ОПЛОТИТЕ" и получила в ответ грубую реплику. "Эта история, конечно, не очень приятная, но посудите сами, ведь подобные ошибки нельзя допускать никому" (16).

Гораздо более редкими являются ответы, авторы которых, не найдя в своей жизни реальных примеров коммуникативных неудач, произошедших вследствие орфографических ошибок, пытаются обосновать причины отсутствия примеров. Метаязыковые рефлекции здесь, как правило, наивны и нередко, как уже мы отметили, высокопарны. *"Из-за орфографических ошибок может изменяться смысл слова. Так как в течение всей жизни мы вплотную соприкасаемся с русским языком, то отсутствие ошибок я считаю естественным. Я думаю, что нам, русским людям, следует сохранять и беречь русский язык"* (9).

Часто в роли реальных приводятся известные из учебной литературы пассажи, например, случай с вывеской "ОПТЕКА" из популярной книги Л. Успенского, а также тексты с нарочитым сгущением орфографических ошибок типа "*Йа нашоя фрава...*", которыми обосновывается затруднительность понимания (9).

Лишь единичные ответы уклоняются от штампов и общих сен-тений. К примеру: *"Истинно русский человек всегда поймет своего соотечественника. Ежедневно мы сталкиваемся с большим количеством ошибок на улице: в рекламных объявлениях ("продам катят", на базарных ценниках ("гавядина") и т.п. Но все мы понимаем, что до нас хотят донести эти люди, и лишь удивляемся их безграмотности"* (3).

Наконец, большую группу ответов с метаязыковым содержанием составляют аналитические штудии: их авторы усердно отмечают типовые и нетиповые ошибки и иногда стремятся объяснить причину их появления. По-видимому, слово "недоразумение" из текста задания было подменено словом "трудности". Таковых ответов оказалось 12. Заметно стремление ряда учеников найти причину ошибок в особенностях русской орфографии, ее трудности для изучения в школе и т.п. Например: *"Наши учительница по литературе образно говорит: "Русский язык создавали тысячи умных людей, а знать его должен ты один". Однако призыва к реформированию русской орфографии в рассуждениях абитуриентов мы не обнаружили.*

Итак, обыденное метаязыковое сознание носителей русского языка представляет собой сложный феномен с неоднозначной детерминацией. Создание полной его картины предполагает примене-

ние разнообразной методики и привлечение широкого материала. Наш очерк ставит проблемы начального этапа исследования этой важной и интересной сферы русского языка и особенностей его отражения в обыденном сознании.

Литература

1. Голев Н.Д. Антиномии русской орфографии. Барнаул, 1987.
2. Голев Н.Д. Когнитивный аспект русской орфографии: орфографоцентризм как принцип обыденного метаязыкового сознания // Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике. Новосибирск, 1999.
3. Голев Н.Д. Коммуникативная орфография русского языка (на примере неразличения на письме букв *е* и *ё*) // Человек. Коммуникация. Текст. Барнаул, 1999.
4. Ейгер Г.В. Механизмы контроля языковой правильности высказывания. М., 1980.
5. Мечковская Н.Б. Язык и религия. Минск, 1998.

Т.А. Голикова

Этнопсихолингвистика: к вопросу о предмете исследования

В настоящее время широкое распространение получила идея о том, что определяющими признаками этноса служат самосознание и самоназвание (этноним). Правда, в таком случае необходимо выявление различий между самосознаниями и самоназваниями отдельных социальных общностей. Так, Е.М. Колпаков определяет сущность этнического самосознания как субъективное отражение имеющегося единства интересов в различных сферах жизнедеятельности [1, с. 17]. Удовлетворительной такую попытку определения мы признать не можем, поскольку единство интересов может характеризовать не только этнос, но и вообще любую общность людей, да и определение этноса через этническое самосознание, а этническое самосознание через этнос не характеризует ни первое, ни второе.

Интересными представляются рассуждения В.И. Козлова, согласно которым основу этнического самосознания составляет так называемая этничность. Проблематика этничности в отечественной науке впервые полностью представлена С.В. Чешко. "Этничность, с одной стороны, – это представление о наследуемой групповой солидарности, основанное на представлениях же об общих (не всегда реально общих) происхождении, исторических судьбах, интересах и культуре. С другой стороны, такие представления имеют объективную основу – они действительнорабатываются реально существующими группами людей (народами), занимающими относительно обособленное положение в окружающей социальной среде" [2, с. 40]. Исследователь предлагает считать этничностью групповую идентичность, производную от имманентного человечеству социального инстинкта коллективности, а "легитимизируемую" – посредством представлений об общем происхождении и специфики своей культуры [2, с. 41]. Однако неясно, каким образом формируется групповая идентичность и чем детерминируется социальный инстинкт коллективности.

Поэтому, на наш взгляд, целесообразнее исходить из разработанной психологией теории человека и теории деятельности, поскольку соответствующие человеческие общности формируются на основе психофизиологического сходства индивидов и общности деятельности. Неслучайно поэтому, как утверждает Е.Ф. Тарасов, этническое самосознание предполагает рефлексию каждого индивида над собственной национальной культурой, существующей в ментальной, деятельностной и предметной формах [3, с. 146].

Как видим, в исследованиях национального и этнического самосознания обнаруживается изоморфизм структуры сознания, конкретные же содержательные компоненты сознания или картины мира варьируются в зависимости от исторических, географических, социальных и других факторов. Представляется целесообразным соотнести понятие национального (этнического) сознания и понятие национального (этнического) компонента сознания (или концептуальной системы в традиции современной психологии, логики, лингвистики, психолингвистики). Национально-культурная специфика речевой деятельности (смыслообразования) обусловливается наличием соответствующего компонента в картинах мира индивидов, интеграция которых и обеспечивает национальную (этническую) целостность и самосознание.

Национально-культурная специфика речевой деятельности (смыслообразования) традиционно изучается на различных уровнях организации деятельности социума, поскольку она складывается из системы факторов, имеющих разную природу. В перспективе исследователи национально-культурной специфики должны ответить на следующий вопрос: каковы параметры отличия речевого общения одной национально-культурной общности от другой?

Одним из вариантов ответов на этот вопрос является теория лакуна Ю.А. Сорокина, согласно которой, "процесс интракультурного и интеркультурного общения (и на межличностном, и на текстовом уровнях) есть процесс конфликтный в силу различий в объеме и структурирования личностного и этнического опытов – как вербальных, так и невербальных" [4, с. 44]. Исследование лакунарной напряженности, зон несогласия культуротаксиса того или иного этноса позволяет не только выявлять национально-культурную специфику смыслообразования, но и обеспечивать реализацию механизма успешной межкультурной коммуникации.

Любой этнос формируется в экстремальных условиях региона своего проживания, которые обеспечивают формирование не только особенностей психологии данного этноса (менталитет), но и необходимый уровень процесса переработки и передачи информации, создающей картину мира этноса.

Все подобные вопросы ставятся в рамках этнопсихолингвистики. Однако в результате разброса предметной области, непоследовательности в разграничении аспектов изучения и акцентирования подчас противоположных явлений этнопсихолингвистические исследования в настоящее время не имеют достаточной цельности и единого теоретического обоснования. Отдельные исследования не выявляют национально-культурной специфики взаимоотношения того или иного языка и этноса, а комплексное изучение проблем,

декларируемое многими исследователями, невозможно в силу отсутствия разработанной и хотя бы отчасти унифицированной понятийной и терминологической парадигмы.

Предлагаемое нами психолингвистическое исследование речевых особенностей группы людей данного региона позволяет исходить из того факта, что в настоящее время практически размыты границы этносов, народностей, наций. Не являются определяющими характеристиками человеческих общностей ни административное деление, ни культура, ни язык. Единственное, что интегрирует современные общности, – регион (в традиционном понимании этого термина: единый природный комплекс, связанный с человеком, с его взаимоотношениями и психологией, бытом, производством). При такой дефиниции регион не совпадает с этническим, национальным, социальным делением мира, а интегрирует ментальные, когнитивные, эмоциональные и иные особенности людей, проживающих на определенной территории. Помимо этого, регион является наиболее сложной и объемной синергетической системой, интегрирующей другие системы: региональную личность, региональный менталитет, региональный язык.

Региональная личность рассматривается как языковая личность, ограниченная лингвокультурными стереотипами данного региона. В региональном аспекте возможно также выявление региональной речевой личности как конкретного носителя регионального языка и региональной картины мира или менталитета.

Региональная личность является не только носителем менталитета народа, проживающего в данном регионе, но и служит средством его формирования, сохранения и обогащения. Поскольку региональная личность неизбежно ограничивается лингвокультурными стереотипами данного региона, основная задача исследования заключается в выявлении таких стереотипов и установлении корреляций между национальной и региональной системой стереотипов.

Появление термина "региональный язык" связано с процессом нивелировки и утраты диалектных различий, деградации диалектов, исчезновения диалектов, а также с давно уже исчезнувшими условиями для возможности взаимного непонимания носителями разных диалектов, что усиливает междиалектные контакты и способствует разрушению представления о престижности именно своей системы. Все это обусловлено и обуславливается стиранием этнических и национальных различий в менталитете.

Несмотря на то, что диалект или группа говоров коррелирует с понятием субэтноса, в этнографии до сих пор используется понятие территориального диалекта. Но и в этом случае учитывается факт несовпадения диалекта с языком, близкородственных языков и их

диалектов. Этнография не учитывает также факт того, что язык современных этносов может члениться не только на наречия, диалекты, говоры, но и на региолекты, интердиалекты в терминологии А.С. Герда, под которыми понимается "особая форма устной речи, в которой утрачены многие архаические черты диалекта и развились новые особенности". Это особое языковое состояние, с одной стороны, не достигшее статуса литературного языка, а с другой – не совпадающее с городским просторечием, но являющееся едва ли не основной формой устного общения больших групп этноса на определенной территории [5, с. 126].

В 70–80 гг. в отечественной лингвистике утвердилось мнение, что диалект перерождается в региональный язык и является субстратом региональной речи. Некоторые лингвисты утверждают, что в результате подобных процессов сложилось литературно-диалектное двуязычие. Поэтому региональный язык может быть определен как система всех языковых механизмов, обеспечивающих порождение и понимание речи в данном регионе.

Соответственно, региональный менталитет рассматривается как биологически, исторически и социально обусловленная система стереотипов, функционирующая в данном регионе. Во многих отечественных исследованиях менталитетом признается совокупность определенных ментальных явлений, категорий, причем в компонентах этой совокупности наблюдается значительное расхождение. В таком случае продуктивнее говорить о картине мира индивида или группы людей как системе, где при функционировании определенных компонентов обнаруживается специфика менталитета.

Экспериментальное исследование специфики функционирования тех или иных стереотипов должно выявить специфику не только менталитета группы людей, проживающих в данном регионе, но и показать их взаимодействие на межрегиональном уровне.

Литература

1. Колпаков Е.М. Этнос и этничность // Этнографическое обозрение. 1995. №5.
2. Чецко С.В. Человек и этничность // Этнографическое обозрение. 1994. №6.
3. Тарасов Е.Ф. Языковое сознание: методологические и теоретические аспекты // Этническое и языковое самосознание. М., 1995.
4. Сорокин Ю.А. Теория лакун и оптимизация межкультурного общения // Текст: структура и функционирование. Барнаул, 1997.
5. Герд А.С. О некоторых проблемах этнолингвистики // Этнографическое обозрение. 1994. № 5.

A.B. Кравченко
Познание языка: направление пути

Ничто в мире, известном человеку, не представляется столь интересным и загадочным, как живой человеческий (естественный) язык. Мы все говорим на каком-нибудь из нескольких тысяч известных языковедам языков, с помощью языка мы общаемся между собой и познаем окружающий мир, без языка трудно представить самое осознанное бытие человека.

На вопрос: "Для чего нужен язык?" любой ответит, что язык прежде всего необходим для общения, т.е. язык есть средство коммуникации. Однако такое определение не охватывает всей сущности языка. Как подчеркивал В.А. Звегинцев [1, с. 50], сводить изучение языка к рассмотрению его лишь как средства, с помощью которого осуществляется общение или мышление, это значит заведомо сузивать поле своего исследования и отказаться от познания подлинной природы языка во всей его полноте.

Но неужели подлинная природа языка до сих пор не познана, несмотря на тот неослабевающий интерес, который проявлял к языку человек на протяжении тысячелетий? Разве философами, языковедами, психологами, социологами и представителями других отраслей научного знания не написаны тысячи и тысячи работ, посвященных языку в различных его проявлениях и описывающих эти проявления в исчерпывающей полноте? И да, и нет. "Да" в том смысле, что такое описание порой носит действительно исчерпывающий характер, "нет" – в том смысле, что описать нечто еще не означает это нечто понять и объяснить.

Всем нам известны тривиальные примеры, иллюстрирующие степень осознанности нашей языковой компетенции при использовании родным языком. Образованный начитанный человек, как правило, не испытывает затруднений в определении "правильности" либо "неправильности" того или иного выражения родного языка, и хотя грань здесь бывает очень тонкой, мы обычно знаем: "так говорят", а "так не говорят". Но если нас спросят (например, иностранец-неславянин, изучающий русский язык): "Почему так не говорят?", мы чаще всего просто разведем руками, так как вразумительного объяснения дать не можем. Действительно, почему можно сказать "я дотронулся", и нельзя "я докоснулся", хотя можно сказать "я прикоснулся" и "я притронулся"? Конечно, ученый-лингвист в данном случае объясnit ограничения, накладываемые на префиксальное словообразование названных глаголов, связав их с явлением транзитивности и характером выражаемых тем или иным глаголом

пространственных отношений – но ведь обычный человек, не имеющий специального лингвистического образования, такими понятиями не оперирует, он их просто не знает; тем не менее, он знает, что одно правильно, а другое – нет. Однако даже лингвисты не всегда могут ответить на все "почему?", связанные с особенностями различных языковых явлений, хотя сами эти явления давно известны и описаны. Другими словами, "создалось парадоксальное положение, при котором после тысячелетнего изучения языка теперь многое приходится начинать заново" [1, с. 191].

ХХ столетие – особенно вторая его половина – интересно как раз тем, что лингвистическая общественность серьезно задалась вопросом: в какой степени сегодняшняя наука о языке в состоянии объяснить уже известные факты? Ведь надо отдавать себе ясный отчет в том, что, "не располагая специальной объяснительной теорией, служащей основой не только описания фактов языка, но и объяснения действия механизма языка, мы не сможем адекватно справиться со своими научными обязанностями" [1, с. 56]. Примером объяснительной недостаточности (я бы даже сказал, ущербности) при одновременной описательной адекватности является приведенное выше общепринятое определение языка. Недостаточность эта весьма прозрачна и лежит на поверхности: само по себе определение языка как средства общения уже предполагает его орудийный характер, ибо всякое средство призвано служить достижению некоторой цели. Каждой же цели служит язык, в чем его предназначение? Ответ прост и напрашивается сам собой: если коммуникация есть обмен информацией, значит, посредством языка и осуществляется такой обмен. Другими словами, язык служит для создания, хранения и передачи информации. Предназначение языка состоит в том, чтобы быть инструментом передачи знаний в актах общения, служить выражению значений в коммуникации; главная его функция – работа с информацией, включая как ее фиксацию в сознании говорящих, так и целевое предназначение ее для передачи другим людям [2]. Следовательно, изучение особенностей коммуникации во всех ее аспектах (т.е. языка в его функционировании) невозможно без изучения того, что есть информация, каких видов она бывает, в чем ее смысловая (содержательная) и ценностная (аксиологическая) сущность. Это, так сказать, один аспект проблемы.

Второй аспект проблемы, самым непосредственным образом связанный с первым, заключается в недостаточной изученности содержательной стороны языковых единиц различных уровней. Речь в данном случае идет о коренном вопросе языкоznания, а именно, об истоках, механизмах и способах формирования языкового значения как определенным образом категоризованной информации.

Дело в том, что значение "живой", т.е. употребленной в акте коммуникации языковой единицы (слова, словосочетания, предложений) нельзя определить, опираясь на некоторый конечный фиксированный набор элементарных компонентов – так называемых "семантических примитивов" [3]. Хотя для решения определенных частных задач компонентный анализ играет существенную роль, ограниченные возможности такой методики определяются уже тем, что языковая система a priori рассматривается как автономное образование, заключенная в самой себе и самодостаточная.

На протяжении почти всего XX столетия значение трактовалось как некоторое содержание, вложенное в определенную форму, как своеобразный посредник между присутствующей вещью (= знаком), которая является носителем значения, и отсутствующим объектом, на который указывает значение. Особенно ярко такой подход к языку проявился с развитием идей американского дескриптивизма и европейского структурализма. Со временем Э. Сепира и Л. Блумфилда надолго утвердилась традиция рассматривать язык как систему специально производимых символов [4, с. 31]. Л. Блумфилд утверждал, что необходимо изучать языковые привычки людей – то, как они говорят – не задаваясь вопросом о ментальных процессах, которые лежат в основе или сопровождают привычки [5]. Структурализм довел этот принцип до логического абсолюта, что в конечном итоге сыграло не последнюю роль в постепенной утрате им ведущих позиций в языкоznании, и сегодня лингвистика вновь обращается к своим доструктуралистским традициям [6]. Вспомним хотя бы известное утверждение Ф. де Соссюра о том, что язык есть форма, а не субстанция [7, с. 154]. Другими словами, "форма – все, содержание – ничто!" В этом тезисе находит отражение свойственный "чистому" структурализму уклон в формализм, поскольку недооценивается содержание знаковых форм. По Фоме Аквинскому, Бог – чистая форма, т.е. можно продолжить линию Соссюра в том плане, что язык имеет божественную природу и "в начале было Слово" (к этому мы еще вернемся).

Философское понятие формы имеет следующее определение: "внешнее очертание, наружный вид предмета, внешнее выражение какого-либо содержания, а также и внутреннее строение, структура, определенный и определяющий порядок предмета или порядок протекания процесса в отличие от его "аморфного" материала (материи), содержания или содержимого" [8, с. 489]. Даже если понимать под формой внутреннюю структуру (как это, очевидно, делал Соссюр), то получается, что материальные оболочки языковых знаков, т.е. количественно различные последовательности звуков (сintагмы) – а именно, звучащие слова, словосочетания, предложе-

ния-высказывания, дискурсивные единицы – суть аморфный материал, не обладающий значимостью, если неизвестна определяющая этот процесс совокупность отношений, образующих структуру. Это может быть справедливо по отношению к языку, нам полностью неизвестному (звучящая на этом языке речь воспринимается как сплошной поток звуков, с трудом поддающийся членению на какие-то единицы), но не по отношению к родному языку. Говоря на родном языке, мы прежде всего имеем дело с субстанцией (содержанием), а уже потом обращаем внимание на форму – которая, кстати говоря, не всегда обязательно соблюдается. Более того, бывает так, что форма намеренно искажается говорящим для создания определенного коммуникативного эффекта, что, однако, не влияет на содержание, которое остается неизменным, ср. шутливое: "моя твоя не понимай".

Обращаясь к содержательной структуре знака в связи с проблемой значения, Т. Гивон [9] справедливо указывает, что еще в аристотелевой семиотике присутствовало третье важнейшее звено – духовное, без которого любые попытки проникнуть в сущность знака естественного языка неминуемо обречены на неудачу. Игнорирование человеческого фактора в языке привело, в частности, к появлению трех соссюровских доктрин, очень скоро превратившихся в догмы: о различии между языком и речью, о произвольности языкового знака и о недопустимости смешения диахронического и синхронического описания языка. Эти три постулата надолго определили общий концептуальный подход к изучению и описанию языка, который продолжает удерживать прочные позиции в современном языкоznании.

Вместе с тем, в последнее время все чаще звучит критика в адрес соссюровских максим (см. напр. [10–13]), ибо современный уровень осмысливания накопленных языкоznанием фактов, опирающийся, в частности, на достижения комплекса когнитивных наук, дает основания если не для полной, но все же ревизии многих устоявшихся взглядов. Отчасти это вызвано тем, что структуральное направление в языкоznании, абсолютизируя роль отношений, в которых находятся друг к другу языковые единицы, тем самым абсолютизирует ту относительную самостоятельность, которая, действительно, свойственна языку как системе [14, с. 68]. Таким образом, возникает необходимость в демистификации и демифологизации языка [15].

Как отмечает Е.В. Рахилина [16, с. 317], в современных исследовательских подходах к языку "разрушаются и размываются границы... между семантикой и психологией, между диахроническим и синхронным описанием, языковыми и речевыми употреблениями..., между словарной и энциклопедической информацией, существен-

ными и факультативными семантическими признаками, между отдельными подзначениями лексем и даже разными лексическими концептами". В частности, принципиальный характер неразличения законов исторического развития языка и его синхронного устройства, характерного для аналитических процедур в когнитивной семантике, обусловлен, в первую очередь, тем, что язык не существует вне человека, а человек не существует вне времени. Более того, "нет времени вне человека" [17, с. 124], а деление его на фазы синхронии и диахронии, противопоставленные друг другу в собственной мысли того, кто оперирует этим противопоставлением, нарушает единство времени [18, с. 55]. Особенностью функционирования языка является его постоянное изменение, поэтому "полное описание языка должно учитывать и диахронические процессы" [19, с. 325]. Соссюр в свое время утверждал, что нет языка, которому можно было бы приписать возраст, ибо "любой язык в любой момент является не более как продолжением состояния, существовавшего до него" [7, с. 252]. Если согласиться с этим утверждением, то неизбежен вывод об извечном (или предвечном?) существовании языка, т.е. получается, что язык был всегда – *ipso facto*, и человек был всегда. Таким образом, вопрос о происхождении языка (и, соответственно, человека) оказывается втянутым в круг проблем, от рассмотрения которых лингвистика, если она хочет быть по-настоящему последовательной научной дисциплиной, не может уйти.

Вообще соображения Соссюра по этому поводу отличаются заметной противоречивостью. С одной стороны, язык существует только в силу своего рода договора, заключенного членами коллектива. С другой стороны, "фактически всякое общество знает и всегда знало язык только как продукт, который унаследован от предшествующих поколений и который должен быть принят таким, как он есть. Вот почему вопрос о происхождении языка не так важен, как это обычно думают. Такой вопрос не к чему даже ставить" [7, с. 104–105]. Если исходить (хотя бы чисто гипотетически) из того, что "акт наречения" имел место в какой-то момент человеческой истории, что сразу создает дилемму: либо до этого "акта" языка не было, хотя был человек – но тогда человек не мог принимать участия в заключении "договора", поскольку не существовало средства (т.е. языка) для осуществления осмысленной коммуникации, в процессе которой могла быть достигнута такая договоренность; либо язык уже был (в данном случае неважно, откуда и когда именно он появился) – но тогда исчезает собственно "предмет" договора, т.е. язык как система знаков, за которыми в результате такого договора закрепляются определенные значения. Более того, как могло осуществиться "распределение понятий по акустическим образам" (откуда

взялись эти акустические образы – отдельный вопрос), если "взятое само по себе мышление похоже на туманность, где ничто четко не разграничено. Предустановленных понятий нет, равным образом как нет никаких различий до появления языка" [7, с. 144]?

Итак, с одной стороны, существенной характеристикой языка является его конвенциональная (социальная) природа, определяющая распределение понятий по знаковым сущностям, а с другой стороны, этих понятий нет до тех пор, пока не появляется язык. Видимо, для того, чтобы в принципе избавиться от необходимости поиска возможного разрешения этого противоречия, Соссюр и отбрасывал вопрос о происхождении языка как несущественный для лингвистики.

Здесь уместно вспомнить об известном разграничении В. фон Гумбольдтом двух возможных подходов к изучению языка – как деятельности и как продукта деятельности. По справедливому замечанию В.А. Звегинцева [1, с. 157], "самым загадочным в современной лингвистике является то, что, занимаясь описанием единиц языка, их анализом и установлением правил их сочетания, она рассматривает их и как средства производства, и как производимый ими продукт. Получается заколдованный круг. ... В результате... остаются безответными вопросы о том, откуда берутся языковые средства производства (образующие и сам язык), каков механизм их порождения и каковы их действительные "рабочие" потенции." Эту мысль дальше развивает Б. Гаспаров: "Все то, что можно принять и что лингвистика склонна слишком легко и охотно принимать за стабильные языковые объекты, т.е. все те "конечные продукты" языковой деятельности, которые говорящий производит сам и которые он получает от других говорящих, являются таковыми лишь при самом поверхностном рассмотрении. ... Свойства такого продукта ... неотделимы от бесконечно текучей среды многонаправленных мыслительных языковых действий, в которую наш "продукт" погружается и течение которой он, в свою очередь, изменяет своим фактом своего погружения. Всякий акт употребления языка ... представляет собой частицу непрерывно движущегося потока человеческого опыта" [10, с. 9]. На порочность подхода, при котором язык наделяется свойством автономности, указывал Б. Рассел, обвиняя некоторых философов в том, что они "предпочитают приписывать языку качество автономности и стараются забыть, что язык предназначен относиться к фактам и облегчить связь с окружающей действительностью" [20, с. 74].

Насколько оправданным представляется такой подход к языку, при котором вопрос о его происхождении снимается с повестки дня? С нашей точки зрения – совсем неоправданным, потому что в этом

случае остается место для всякого рода спекуляций, от сугубо материалистических (в духе известной работы Ф. Энгельса), до откровенно идеалистических и даже богословско-мистических, в качестве отправной точки берущих новозаветный постулат: "В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог" (Ио., 1,1). Из примеров последнего рода можно привести концепцию поэтической теории языка, в соответствии с которой "язык был выражением бытия в мыслезвуке, т.е. творчеством, иначе говоря, со-творчеством Бога, сотворившего бытие как Слово" [21, с. 109]. Продолжая эту мысль, мы можем прийти на помощь Соссюру в плане подтверждения того, что в определенный момент осуществилось распределение понятий по акустическим образам (занменовавшее, собственно, возникновение языка) – но не в результате общественного договора, а в результате засвидетельствованного Библией наречения первым человеком всех живых существ по произволу Божьему (Быт., 2, 19–20); а поскольку Бог создал человека по своему образу и подобию, можно рассматривать акт наречения Адамом живых существ как опосредствованное проявление того же Логоса (сиречь Божественного начала).

Представляется, что на вопрос о происхождении языка наука в сегодняшнем ее состоянии ответить пока не в силах, поскольку индуктивный метод здесь явно недостаточен, а дедуктивный – неприменим в полной мере. Что не означает, что от поисков ответа на этот вопрос надо отказаться – напротив, усилия ученых должны быть направлены на то, чтобы общий объем эмпирического знания, накопленного о различных знаковых системах, предоставил достаточно надежную основу для формулирования частного вывода (т.е. о возможном происхождении естественного языка), отталкиваясь от общих положений о характере и закономерностях семиозиса как объективного процесса. Другими словами, познание языка в этом направлении должно отталкиваться от метода аналогии, которая отличается от индукции тем, что вывод по аналогии, когда он выходит за пределы опыта, не может быть проверен.

Перед современной лингвистикой как когнитивно ориентированной наукой ставятся в настоящее время три главных проблемы: о природе языкового знания, о его усвоении и, наконец, о том, как его используют [2, с. 150]. Поэтому лингвистика, если она не на словах, а на деле хочет быть научной дисциплиной, в задачи которой входит достижение понимания (фундаментальный аспект) и обеспечение объяснения (прикладной аспект) особенностей своего объекта, должна, в первую очередь, сосредоточиться на следующих проблемах: а) виды и типы знаков (семиотика), б) виды и типы знаний, представленных в этих знаках (гиносеология), и механизм извлечения

из знаков этих знаний, т.е. правила интерпретации (когнитивная семиотика и прагматика – а, следовательно, и синтаксика), в) условия возникновения и развития знаков (семиотический онтогенез) и принципы, регулирующие их функционирование (семиозис). Решение любой из этих проблем в отрыве от других невозможно в принципе, так как в каждом случае центральным фактором, определяющим специфику того или иного круга явлений, является человек. "В обход человека язык изучать нельзя. Все исследовательские координаты должны перекрециваться на человеке" [1, с. 29].

Вместе с тем было бы не совсем правомерно противопоставлять новый подход к языку, определяемый как антропоцентрический, т.е. ориентированный, главным образом, на человека в его отношении к языку и отображаемой в нем действительности, традиционным взглядам на язык (в духе Соссюра) как на самодостаточную знаковую систему, изучение которой ограничивается изучением соответствующих единиц и структур в их отношении к миру. Принцип независимости языковой системы, сформулированный еще Аристотелем, но затем на долгое время благополучно забытый, сегодня заставляет исследователя искать точки сопряжения между двумя подходами к языку, ибо так же, как нельзя сомневаться в том, что язык антропоцентричен и антропоморфен по своей природе, нельзя сомневаться и в том, что он по-прежнему продолжает оставаться системой – но не замкнутым автономным образованием, а интегрированной частью среды, в которой живет и действует человек; поэтому изучение языка с целью понять его устройство и функционирование (т.е. одна из основных задач лингвистики) естественным образом должно иметь эпистемологическую ориентацию.

В последние годы заметно выросло внимание, уделяемое когнитивным аспектам языка, механизмам формирования значения, связанным с познавательной (в широком смысле) деятельностью человека – и что естественно, ибо значение и знание в онтологии обнаруживают неразрывную связь. Важную роль при этом играет изучение того, как именно человек воспринимает и концептуализирует действительность, какие факторы объективного и субъективного порядка имеют определяющее значение в формировании картины мира определенным этносом. Поскольку язык является знаковой системой, поскольку разные типы знаков, будучи членами единой презентативной системы, с необходимостью отражают определенные аспекты концептуальной картины мира, или знание о мире. Это знание является составной частью значения единиц, образующих собственно систему языка – лексикон и грамматику. "В языке, в его лексических и грамматических значениях, в той или иной степени фиксируются результаты человеческого познания" [14, с. 12]. Друг-

гими словами, отталкиваясь только от внутрилингвистических факторов, трудно, а порой и просто невозможно объяснить особенности формирования и функционирования языковых структур. Этим объясняется настоятельная (и уже осознанная, а отчасти и реализованная) необходимость расширения пределов лингвистики, с выходом на большое количество смежных (по признаку общности объекта – человека в его целостности, образуемой разными ипостасями) дисциплин, составляющих комплекс гуманитарных наук. В этой связи формулируются и новые установочно-познавательные принципы языкознания, а именно: экспансионизм, антропоцентризм, функционализм и экспланаторность, обусловленные "новой реальностью" в народившейся языковедческой парадигме. Этой "новой реальностью" ("новой" не в экзистенциальном, а в методологическом смысле) являются ментальные образования (концепты), "составляющие категориальную основу всей человеческой деятельности, и прежде всего – языка" [22].

Осознание того, что язык, как бы этого ни хотелось приверженцам традиционных взглядов, не является автономной системой, рассматриваемой в самой себе и для себя, выдвинуло на повестку дня вопрос, который, в общем-то, не является новым, но системно и последовательно до недавнего времени не изучался. Речь идет о соотношении таких понятий, как "познание" (и, соответственно, приобретенное в его результате "знание"), "опыт", служащий эмпирической основой познания, и "среда" (шире – "мир"), в которой существует человек и в которой осуществляется познание на основе приобретения опыта мира. Каждое из названных понятий и отраженная в нем часть действительности сами по себе давно служили объектом изучения в философии и лингвистике, психологии и социологии, антропологии и культурологии, математике и кибернетике, нейрофизиологии и целом ряде других наук, однако лишь сейчас все отчетливее начинает пропасть существующая между ними органическая взаимосвязь, и пропасть именно через свою языковую данность, через свое языковое воплощение.

Ребенок усваивает родной язык в самые первые годы своей жизни – но не раз и навсегда: переезд в другую страну в детском возрасте очень быстро ведет к смене одного родного языка (по праву места рождения) на другой, родной же язык (но уже по праву способа мышления). В то же время смена языковой среды для взрослого человека очень редко сопровождается вытеснением родного языка другим. Почему это происходит? Если язык не является чем-то, данным человеку от рождения, если человек осваивает язык, научаясь правильно им пользоваться, как он осваивает основные законы физики посредством эмпирического опыта, то что мешает ребенку,

попавшему в другую языковую среду, просто освоить еще один, новый для него язык, сохранив при этом знание родного языка? И почему взрослый человек, оказавшийся в таких же условиях и усваивая новый язык, сохраняет знание родного? Очевидно, что процесс усвоения и присвоения языка тесным образом связан с процессом формирования человеческого сознания и отложения в мнемонических структурах определенного объема опыта, порождаемого взаимодействием со средой, частью которой является язык; эти процессы протекают параллельно, будучи одновременно неотделимы один от другого.

Знание, как продукт познавательной (сознательной) деятельности, материализуется в языке. Человеческий опыт – в широком смысле – включает в себя взаимодействие с миром и воздействие на мир, неотъемлемой частью которого является язык; поэтому, когда мы говорим об "опыте мира", мы подразумеваем и "опыт языка", который сам по себе является средой, вне которой немыслимо существование человека. "Язык окружает наше бытие как сплошная среда, вне которой и без участия которой ничто не может произойти в нашей жизни" [10, с. 5]. Различия в опыте ведут к различиям в знании, а через них – к разным картинам мира. Следовательно, изучение языковой картины мира должно отталкиваться от установления типов знания, представленного в языке, источников и способов представления этого знания в языковых формах, т.е. необходимо детальное изучение законов и механизмов языковой категоризации. Изучение этих механизмов предполагает обращение к процессу познания действительности как основе осознанной деятельности человека. Учитывая все это, проблема значения языкового знака видится в аспекте его способности быть средством фиксации, хранения и передачи знания, а потому семиотика не может обойтись без гносеологии и наоборот.

Таким образом, если мы действительно хотим понять язык, мы должны все время помнить, что наш путь познания должен пролегать по кругу "ЯЗЫК > СРЕДА > ОПЫТ > ПОЗНАНИЕ > ЗНАНИЕ > ЯЗЫК".

Литература

1. Звегинцев В. А. Мысли о лингвистике. М., 1996.
2. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.
3. Wierzbicka, A. Semantic primitives. GmbH, etc.: Athenäum Verlag, 1972.

4. Сапир Э. Избранные труды по языкоznанию и культурологии. М., 1993.
5. Bloomfield, L. Review of Sapir's Language // The Classical Weekly. 1922. №18.
6. Geeraerts, D. Cognitive grammar and the history of lexical semantics // Rudzka-Ostyn B. (ed.). Topics in cognitive linguistics. Amsterdam, 1988.
7. Соссюр Ф. де. Труды по языкоznанию / Пер. с франц.; Под ред. А.А. Холодовича. М., 1977.
8. Краткая философская энциклопедия. М., 1994.
9. Givón, T. Functionalism and grammar. Amsterdam, Philadelphia; 1995.
10. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М, 1996.
11. Степанов Ю.С. Словарь русской культуры. М., 1997.
12. Живов В., Тимберлейк А. Расставаясь со структурализмом (тезисы для дискуссии) // Вопросы языкоznания. 1997. №3.
13. Трофимова Е.Б. Стратификация языка: теоретико-экспериментальное исследование. Барнаул, 1997.
14. Панфилов В.З. Философские проблемы языкоznания. М., 1977.
15. Архипов И. К. О демистификации и демифологизации языка // Studia Linguistica. Язык и общество. 1996. №2.
16. Рахилина Е. В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998.
17. Гак В. Г. Пространство времени // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997.
18. Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. М., 1973.
19. Плунгян В.А. Проблемы грамматического значения в современных морфологических теориях (обзор) // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998.
20. Рассел Б. Человеческое познание, его сфера и границы. Киев, 1997.
21. Гучинская Н.О. К построению поэтической теории языка // Studia Linguistica. Языковая система и социокультурный контекст. 1997. №4.
22. Берестнев Г.И. О "новой реальности" языкоznания // Филол. науки. 1997. №4.

A.B. Кремнева
Роль библейских слов в репрезентации концептуальной системы автора
 (на материале романа Джона Стейнбека "К востоку от Эдема")

Многочисленные исследователи творчества Стейнбека неоднократно отмечали, что, несмотря на широкую панораму описываемых событий американской действительности, представленной на страницах его книг, на вариации в жанре и стиле его многочисленных произведений большой и малой формы, система глубинных идей, философско-эстетических воззрений автора остается практически неизменной. Исследователи называют три основополагающих идеи, представляющие содержание фрагмента концептуальной системы автора, репрезентированное в художественных текстах Стейнбека (см.: [1, p. 11-26]).

Первая состоит в том, что человек рассматривается Стейнбеком как религиозное создание, испытывающее постоянную потребность в религии. Но при этом он ищет ту религию, которая бы более всего отвечала его индивидуальным потребностям, и если он не находит таковой среди уже существующих, он создает своего собственного бога и свою собственную религию для наиболее полного удовлетворения своих религиозных потребностей. Здесь можно провести параллель со взглядами на религию, высказываемыми американским философом Дж. Сантаяной, который писал: "Religion is an interpretation of the world, honestly made, and made in view of man's happiness and its empirical conditions" ("Религия – это интерпретация мира, выполненная честно, и выполненная для того, чтобы обеспечить человеку счастье и условия для существования" – перевод наш – А.К.) [2, p. 179].

Сам Стейнбек выразил суть своего отношения к вере и религии в следующих словах: "Итак, во что же я верю? Я верю, что вольный, пытливый разум индивида есть величайшая ценность на свете. За что я готов идти в бой? За право разума прокладывать себе дорогу свободно и самостоятельно. Против любых идей, религий и правительств, ограничивающих или разрушающих в человеке личность. Таковы мои убеждения, и в этом я весь" [3, т. 5, с. 155].

Суть второй идеи заключается в том, что, помимо духовного, важную роль в определении поведения человека играет его биологическое начало (такой подход к пониманию сущности человека получил, как известно, широкое распространение в литературе XX в., в значительной степени под влиянием работ З. Фрейда и

К.Г. Юнга). Человек рассматривается Стейнбеком как биологическое существо, своего рода "групповое животное", имеющее свою собственную волю и свой разум, отличный от разума любой из составляющих группы. Однако вне этой группы есть другой тип личности (и она представлена почти во всех произведениях Стейнбека), который, подобно ученому-биологу (или философу?), наблюдает, размышляет и комментирует поведение "группового животного". Идея *двойственной природы человека*, существование в ней двух начал (духовного и биологического), возможный конфликт между ними также находит свое художественное воплощение во многих работах Стейнбека, особенно в таких, как: "The Sea of Cortez", "Of Mice and Men", "The Leader of People".

Третье положение содержит антитеологический по своей сути тезис о том, что человек зачастую живет, не осознавая смысла собственного существования, однако сама жизнь со всеми ее проблемами, всей ее таинственностью и загадочностью побуждает его к поискам смысла собственного существования и поискам общечеловеческих ценностей.

Сочетание этих трех основных идей и составляет, по мнению исследователей его творчества, основу эстетической подсистемы концептуальной системы Джона Стейнбека, которая находит свое воплощение в его произведениях. Существование этих трех идей, зачастую плохо совместимых между собой, и объясняет сложность и противоречивость творчества Джона Стейнбека, дуализм его взглядов, за что критики часто называют Джона Стейнбека "человеком двух миров" [4, p. 187].

Такое, может быть, несколько пространное вступление было необходимо для того, чтобы показать, почему тема добра и зла занимает центральное место в творчестве Джона Стейнбека, почему он постоянно обращается к Библии как основной Книге о борьбе добра и зла, и как библейский миф прочитывается им в рамках его собственной концептуальной системы, задающей определенное интерпретативное поле мифа в силу содержания концептуальной системы.

В задачи данной статьи входит выделение и описание библейских включений на уровне отдельного слова, т.е. выделение и исследование смыслопорождающей функции т.н. библейских слов. Прежде всего хотелось бы отметить сложность распознания интекстов на уровне отдельного слова. Поскольку Библия – это прежде всего текст, построенный по законам языка, в тексте Библии присутствуют самые различные слова, как знаменательные, так и служебные. Какие слова считать собственно библейскими при изучении роли

библейских слов в репрезентации концептуальной системы Джона Стейнбека?

Не случаен тот факт, что изучая следы библейского присутствия в литературе, в частности, в произведениях У.Шекспира, исследователи выделяют несколько групп такого присутствия по степени очевидности связи с претекстом: несомненные, вероятные и возможные, а также класс параллелей [5, p. 24]. К несомненным относятся библейские антронимы, цитаты и аллюзии. К классу вероятных относятся менее известные высказывания, которые могут иметь как библейское происхождение, так и быть простым совпадением с авторской фразой или устойчивым языковым выражением. К классу возможных относятся языковые средства, которые могли быть заимствованы как напрямую из Библии, так и из разрозненных литературных источников. К параллелям относят те места в рецептирующем тексте, которые могут не содержать библейской цитаты, но обнаруживать явное сходство с той или иной библейской идеей [5, p. 35].

Отдавая себе отчет в сложности выделения библейских слов, которые, по классификации Р. Ноубла, следует отнести к возможным и вероятным, и в возможном субъективизме при их отборе, мы в рамках нашего исследования считаем библейскими такие слова из Библии, которые участвуют в порождении доминантных смыслов, возникающих в результате взаимодействия библейского (прецедентного) и рецептирующего текстов, т.е. слова, так или иначе связанные с компонентами библейских концептов. Список выделенных нами слов затем проверялся по словарю библейских слов "Concordance to the Holy Bible" (New York, 1960).

Таким образом, опираясь на проведенное нами сопоставление текстов Библии и романа, а также на выполненный анализ смыслового содержания романа и интертекстуальных связей, выявленных на сюжетно-композиционном и смысловом уровнях (см. [6, с. 64–82, 112–120]), мы составили список из следующих 69 библейских слов, расположенных в порядке убывания их частотности в тексте романа (в скобках дано количество словоупотреблений): love(198), believe (158), light (139), night (117), plant (tree, flower, grass) (117), death (107), God (106), hate (100), water (95), kill (89), dark (81), hell (51), anger (44), birth (40), sorrow (38), sin (37), church (36), danger (36), mark (scar) (34), punishment (34), dust (29), murder (28), garden (28), violence (27), life (27), jealousy (25), gift (25), evil (25), creature (animal, bird) (24), glory (21), guilt (21), suspicion (20), virtue (20), rage (19), devil (19), black (18), heaven (17), well (17), apple (15), contempt (13), faith (13), angel (12), candle (12), fierceness (11), fault (10), sacrifice (10),

fruit (9), blame (9), holy (9), snake (7), wisdom (7), mustard (7), bless (7), vice (7), revenge (6), rejection (6), forgive (6), sheep (6), shepherd (3), pasture (3), multiply (2), clothe (2), crucifixion (1).

Приведенные слова отличаются высокой частотностью употребления: на 778 страницах текста романа отмечено 2260 словоупотреблений библейских слов. Как показывает анализ этих слов, большинство из них – это слова абстрактной семантики, связанные с доминантным смыслом как библейского, так и рецептирующего текста: love, hate, revenge, rejection, sacrifice, sorrow, life, death, good, evil, sin и т.д. Помимо слов абстрактной семантики, в число библейских входят и такие слова конкретной семантики, которые участвуют в создании нарративной линии как библейского, так и рецептирующего текста и связаны с прецедентными ситуациями, описанными в библейском сюжете: serpent, gift, garden, well, tree, fruit и т.д.

По характеру своей семантики и обозначаемых ими концептов, а также с учетом доминантного смысла романа, репрезентированного ключевым словом "timshel", обозначающего идею свободы выбора между добром и злом, а также из принципа бинарности, лежащего в основе архитектоники романа, они могут быть сгруппированы в несколько связанных между собою смысловых полей. Под смысловым полем, вслед за Л.М. Босовой, мы понимаем "функциональную систему актуального (доминантного) смысла, репрезентированного лексически" [7, с. 14].

Таким образом, в качестве противопоставленных друг другу основных концептов, образующих такие смысловые поля, могут быть избраны следующие концепты: good – evil; God – devil; heaven – hell; love – hate; life – death.

Данные концепты, по сути дела, представляют собой ведущие архетипы, лежащие в основе мифотворчества. Приведенный список концептов не является исчерпывающим. С одной стороны, он может быть либо свернут до двух, обладающих наибольшей степенью обобщенности и являющихся основными компонентами смысловой доминанты романа: good – evil, а остальные могут рассматриваться в этом случае как производные от него. С другой стороны, возможно расширение и включение еще нескольких концептов, таких, например, как: virtue – vice; light- dark и т.д., поскольку образующееся смысловое поле – структура принципиально не замкнутая. Все элементы в нем, в том числе и периферические ассоциативные, могут иметь интегративный компонент, объединяющий их со смысловой доминантой.

Таким образом, образованные данными концептами смысловые поля оказываются связанными между собой многочисленными разнонаправленными связями.

В центре каждого поля находится лексема, наиболее очевидно репрезентирующая интегративный компонент концепта, а в остальное пространство поля входят компоненты, связанные различными типами ассоциативных связей. Так, например, смысловое поле "evil" репрезентировано следующими лексическими единицами: hate, dark, kill, danger, anger, scar, murder, jealousy, guilt, suspicion, rage, black, contempt, gift, fierceness, revenge, rejection, fury, punishment, serpent, а смысловое поле "God" – лексическими единицами love, light, believe, sin, punishment, gift, glory, heaven, reward, faith, good, angel, sacrifice, holy, bless, soul, peace, forgive.

Выделенные смысловые поля характеризуются диффузностью своих границ, что обусловлено континуальностью смысла и непрерывностью концептуального пространства. Лексемы, репрезентирующие смысловые поля, могут, в зависимости от выражаемого ими смысла и образования различных ассоциативных связей, входить в несколько полей. Так, например, лексема "love", являющаяся центральной в смысловом поле "любовь", входит также в смысловое поле "evil" на основе ассоциативной причинно-следственной связи: причиной дурных поступков детей часто является отвергнутая родительская любовь. Так выстраивается смысловая причинно-следственная ассоциативная цепочка: rejected love – anger – jealousy – murder – sin – punishment.

Лексема "angel", как это ни парадоксально, входит одновременно в оба противопоставленные друг другу смысловые поля "God" и "devil", потому что в контексте романа данная лексема неоднократно используется при описании внешности Кейси, представленной автором как воплощение дьявола, как монстр. Сочетание этих лексем подчеркивает контраст между ангельской внешностью Кейси и ее дьявольской сущностью. Ср.: "There was a time when a girl like Cathy would have been called possessed by the devil. She would have been exorcised to cast out the evil spirit, and if after many trials that did not work, she would have been burned as a witch for the good of the community" [8, p. 96]. Именно так воспринимает ее Чарльз, "I think you are a devil" [8, p. 153].

А ослепленный любовью Адам видит ее в совершенно ином свете: "He felt his heart smack up against his throat when he saw Cathy sitting in the sun, quiet, her baby growing, and a transparency to her skin that made him think of the angels on Sunday School cards" (p. 208). Другие библейские слова "holy" и "light", взаимодействуя со значением лексемы "angel", усиливают его, участвуя в создании образа: "Perhaps Adam did not see Cathy at all, so lighted was she by his eyes. Burned in his mind was an image of beauty and tenderness, a sweet and holy girl, precious beyond thinking, clean and loving..." [8, p. 73].

"A kind of light spread out from her. And everything changed colour ... I'm going to make a garden so good, so beautiful, that it will be a proper place for her to live and a fitting place for her light to shine on" [8, p. 223].

Обращает на себя внимание и амбивалентность слова "light", различия в личностных смыслах, содержащихся в нем. В устах Адама оно означает "озарение", ассоциируется с неземной красотой Кейси, ее ангельской внешностью. В сознании читателя оно воспринимается скорее как ослепленность Адама, которая помешала ему увидеть настоящую Кейси.

В контексте романа слова, не являющиеся собственно библейскими, могут вступать во взаимодействие с библейскими словами, репрезентируя новые смыслы, а часто и акцентируя значение библейских за счет указания на актуальные концепты. Таким словом, акцентирующем дьявольское начало в образе Кейси, является слово "hoof" ("копыто"). Описывая ангельскую внешность Кейси, автор добавляет: "Her feet were small and round and stubby, with fat insteps almost like hoofs" [8, p. 97]. Слово, называющее один из атрибутов дьявола, ассоциативно актуализирует и весь концепт.

В случае употребления многозначных слов они могут функционировать в тексте, выражая как библейские значения, так и значения, отличные от библейских, однако в сознании читателя, тем не менее, возникает параллель с библейским словом. Обратимся к анализу следующих отрывков:

1. A man, after he has brushed off the dust and chips of his life, will have left only the hard, clean questions: "Was it good or was it evil?" [8, p. 541].

2. "He looked at the ground. "See" he said. "The boys have gone to sleep, there in the dust." Lee got up. "I'll cover them," he said. "The dust is warm," said Samuel "Now it goes this way," And Adam knew Eve his wife; and she conceived, and bare Cain, and said, "I have gotten a man from the Lord".

В первом отрывке существительное "dust" реализует свое библейское значение "прах". Во втором отрывке, представляющем сцену именования близнецов, существительное "dust" употреблено в своем первичном значении "пыль", однако сама изображаемая ситуация (раздача имен равносильна сотворению мира), реализация творящей функции слова а также его "соседство" с цитируемым отрывком из Книги Бытия вызывает в сознании реципиента / исследователя библейское "dust" (прах) и актуализирует библейские фразы "And the Lord God formed man of the dust of the ground, and breathed into his nostrils the breath of life; and man became a living soul" (Genesis,

chapter 2); "All go to one place, and all was of the dust, and all shall returne to the dust" (Eccles. iii. 8-20).

Значительный интерес представляют собой случаи использования не самого библейского слова, а производных от него, сохраняющих мотивационные связи и конвенциональное ассоциативное поле. Так, например, в первой главе романа при описании цветов, произрастающих в долине Салинас, Стейнбек использует производное прилагательное "sinful": "Then there were harebells, tiny lanterns, cream white and almost sinful looking, and these were so rare and magical that a child, finding one, felt singled out and special all day long" [8, p. 5].

С помощью этого слова впервые актуализируется концепт греховности человека, который становится затем одним из доминантных концептов романа: слово "sin" (грех) повторяется в тексте романа 37 раз.

Лексемы, репрезентирующие концепты смысловых полей, характеризуются различной частотностью употребления, проявляя в различных контекстах разные личностные смыслы. Покажем это на примере лексемы "God", представляющей одноименное смысловое поле. Данная лексема употреблена в тексте романа 106 раз. При этом слово "God" репрезентирует самые различные личностные смыслы, что обусловлено, в свою очередь, особенностями концептуальной системы автора, о чем мы говорили в начале главы. Каждый из героев Стейнбека вкладывает свой собственный смысл в понятие "бог", у каждого есть свой собственный бог и своя религия, однако все эти смыслы объединены общим ассоциативным признаком "divine", связывающим представленные смыслы с конвенциональным стереотипом "God".

Так, описывая первую жену Сайруса, мать Адама, Стейнбек иронично сообщает, что она использовала религию в лечебных целях, пытаясь исцелить с помощью религии и собственную душу, а когда характер ее страданий менялся, она вносила поправки в религию. Когда концепция бога, которую она создала себе для воссоединения с супругом, которого считала покойным, оказалась не нужной, и вернувшийся с войны супруг наградил ее дурной болезнью, она незамедлительно заменила Бога-воссоединителя Богомстителем, и этот новый бог, знающий толк в наказаниях, потребовал от нее жертвы, которой стала она сама. Личностный смысл концепта "God" складывается у этой героини из таких понятий, как "мстящий", "карающий", "требующий жертв".

В сознании Оливии, дочери Самуэля, бог чаще всего предстает в образе отца, а рай видится ей уютным домом, населенным ее покой-

ными родственниками. Личностный смысл концепта "God" складывается у нее из таких признаков, как "любящий", "захищающий".

В сознании Лизы, жены Самуэля, существует свой бог, слову которого она верит беззабетно, словно подтверждая известную формулу, что объект веры не может быть рациональным, а потому попытки мужа анализировать парадоксы Библии кажутся ей богохульством. "In that book she had her history and her poetry, her knowledge of peoples and things, her ethics, her morals, and her salvation. She never studied the Bible or inspected it; she just read it" [8, p. 56]. Для нее Бог – это высшее существо (Lord God), и в свое представление о боже она вкладывает такие личностные смыслы, как: "обладающий высшей волей", "вознаграждающий", "добродетельный", "мудрый".

В отличие от Лизы, для Самуэля, а также для Ли Библия – это не набор догм, а прежде всего создание человеческого ума, книга, написанная великим человеком и излагающая историю человечества всех времен, культур или рас. В диалоге, который происходит между Самуэлем и Ли, обыгрываются два значения слова "divine", исходное, библейское значение "божественный", и переносное "великий", "великолепный". Ср.: "Well, it seemed to me that the man who could conceive this great story would know exactly what he wanted to say and there would be no confusion in his statement." "You say 'The man'. Do you then not think that this is a divine book written by the inky finger of God?"

"I think the mind that could think this story was a curiously divine mind. We have had a few such minds in China too" [8, p. 396].

А поскольку Библия для них книга – написанная "божественным" умом, они размышляют, спорят о ее содержании и в итоге приходят к антитеологическому в своей сути выводу о том, что способность человека побороть в себе зло возвышает его до уровня богов. Главный вывод, к которому они приходят в результате чтения Библии и размышлений над словом божьим, заключается в словах Ли о том, что он верит не в абстрактного бога, а в человеческую душу, в высший разум: "And I feel that a man is a very important thing – maybe more important than a star. This is not theology. I have no bent towards gods. But I have a new love for that glittering instrument, the human soul" [8, p. 399].

По сути дела, Стейнбек вкладывает в уста Ли основную идею, высказанную им самим еще в начале второй части книги и отражающую суть его концептуальной системы: "And this I believe: that the free, exploring mind of the individual is the most valuable thing in the world. And this I would fight for: the freedom of the mind to take

any direction in wishes, undirected. And this is I must fight against: any idea, religion or government which limits or destroys the individual" [8, p. 172].

Таким образом, библейские слова, широко используемые автором, помогают выразить содержание одной из важнейших составляющих концептуальной картины мира Стейнбека. Эти слова участвуют в построении нарративной линии как библейского, так и стейнбековского текстов и тесно связаны с прецедентными ситуациями, описанными в Ветхом Завете. Практически во всех своих произведениях большой и малой формы Стейнбек обращался к библейскому мифу как средству постижения мира. Использование библейских слов помогло Стейнбеку придать своим текстам особую библейскую тональность, создать библейскую образность, которая переходит из романа в роман, образуя транстекстуальный континуум и становясь одним из структурообразующих факторов идиостиля писателя.

Литература

1. Marks L.J. Trematic Design in the Novels of John Steinbeck. The Hague-Paris. 1971.
2. Santayana Y. The Life of Reason. NY., 1955.
3. Стейнбек Д. Собрание сочинений в 6-ти т. М., 1989.
4. Ross W.D. John Steinbeck: Earth and Stars // University of Missouri Studies. 1946. XXI.
5. Noble R. Shakespeare's Biblical Knowledge and the Use of the Book of Common Prayer. NY., 1935.
6. Кремнева А.В. Функционирование библейского мифа как прецедентного текста: Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1999.
7. Босова Л.М. Соотношение семантических и смысловых полей качественных прилагательных: психолингвистический аспект. Барнаул, 1998.
8. Steinbeck J. East of Eden. Penguin Books, 1976.

Е.А. Лаврентьева

Условия формирования оценочного комплекса в научном тексте

Перед автором научного текста стоит задача – донести до адресата смысл оценок его коллег – других "я", своей собственной оценки, наметить оценочные ориентиры для адресата с тем, чтобы усилить воздействие сообщаемой научной информации. Для я-адресанта другие "я", исследующие одновременно с ним или ранее одну и ту же проблему, являются равноправными субъектами совместной деятельности. Обе стороны оценивают объект исследования со своих позиций. Но поскольку основным моментом для адресанта научного текста является достижение цели своего конкретного исследования, он формирует оценочный комплекс, включая соответствующие оценки адресантов других работ с тем, чтобы они либо подтверждали значимость научной позиции я-адресанта, либо служили основой для построения оценочной программы я-адресанта с совершенно иными оценочными конституентами. Включая адресантов других научных трудов в оценочный комплекс в качестве единомышленников или оппонентов, я-адресант формирует единый оценочный комплекс, который реализуется в тексте как *оценочный комплекс двойного адресанта*. Причем, учитывая невозможность выразить в одном тексте оценку каждого адресанта, он сводит их оценки к общей, которая либо идентична, либо противоположна его собственным взглядам.

Формируя свой оценочный комплекс, адресант стремится так сориентировать его pragmatically, чтобы воспринимающий данный комплекс адресат осознал свою потребность в сообщаемой научной информации. В свою очередь адресат оказывает воздействие на адресанта, т.к. заставляет его учитывать тот запас информации ("фоновые знания"), которой должен обладать адресат. Вследствие имплицитного присутствия адресата адресант включает в свою оценку конституенты, позволяющие прогнозировать реакции адресата на представленную информацию.

В результате этого происходит смещение акцента в сторону усиления значимости оценочной информации, принадлежащей адресанту научного текста. Оценочная информация других "я" достигает адресата, пройдя через восприятие ее адресантом, который вносит в эту информацию свою личную оценку, проецируя ее на адресата.

Таким образом, знание оценочной информации, содержащейся в работах других "я", ослабляется, и на первый план выступает оценка я-адресанта. Такая переконцептуализация оценочной ин-

формации нами понимается как *оценочная асимметрия*. Оценочная асимметрия появляется в научном тексте там и тогда, где и когда имеют место отношения между автором текста и авторами других текстов, т.е. имеет место фактор двойного адресанта.

В зависимости от своей целеустановки я-адресант научного текста стремится либо увеличить, либо уменьшить оценочную асимметрию. При уменьшении оценочной асимметрии происходит *ближение оценок* я-адресанта и других "я". Это сближение осуществляется в основном за счет смягчения отрицательной оценки, которую дает я-адресант исследованиям, результатам или выводам, зафиксированным в работах других "я".

При увеличении оценочной асимметрии происходит *расхождение оценок* других "я" и я-адресанта вплоть до полного отрицания последним результатов, достигнутых его коллегами, которые он подвергает оценке и критике. Главное назначение оценочной асимметрии – оказывать воздействие на мыследеятельность адресата.

Несмотря на то, что другие "я" и я-адресант выступают в тексте в качестве двойного адресанта, приоритет сохраняется за я-адресантом. Его коммуникативно-прагматическая целеустановка обуславливает такое функционирование оценочного комплекса в тексте, что его воздействие на адресата воспринимается последним как прагматически ориентированная информация. Оценочная асимметрия выделяется соответствующими лексико-грамматическими приемами, которые будут рассмотрены дальше. Эти средства мы называем *конкретизаторами оценки*.

Таким образом, перед я-адресантом стоит задача: на основе координат трех оценок – других "я", своей собственной и предполагаемой оценки адресата – сформировать оценочный комплекс с целью определения значимости научных исследований в рассматриваемой области науки.

Оценочный комплекс в научном тексте включает в себя следующие оценочные конституенты:

1. Ретроспективная оценка достижений и направлений по рассматриваемой проблематике, отражающая точки зрения других "я" и я-адресанта на предмет исследования.

2. Оценка современного состояния проблемы с последующей постановкой цели дальнейшего ее исследования.

3. Проспективная оценочная ориентация адресата на необходимость продолжения конкретного исследования с целью решения проблемы.

Значимость оценочных конституентов в оценочном комплексе того или иного типа научного текста определяет целеустановка, а

также стремление я-адресанта увеличить или уменьшить оценочную асимметрию.

Включение чужой оценки в контекст нового научного произведения влияет на структуру и семантику этого произведения. Интерпретация чужой оценки я-адресантом нового текста и закрепление ее в ткани научного труда есть материализация взаимодействия не-я и я-адресанта, образующих вследствие этого взаимодействия систему двойного адресанта. Оценка же, выраженная я-адресантом в качестве его личной точки зрения, призвана оказать воздействие на адресата и является материализацией контакта, общения я-адресанта и адресата.

Оценка я-адресанта научного текста является стержневой, т.к. она есть та отправная точка, с которой начинается постановка цели для дальнейших исследований, постановка "задания" для адресата.

Однако формирование оценки непосредственно зависит от целеустановки, заданной я-адресантом.

Поскольку в текстах с целеустановкой на изложение "готовых" знаний основным является констатация степени разработанности проблемы, то ретроспективная оценка достижений и направлений по рассматриваемой проблематике занимает ведущее место. К ней примыкает оценка современного состояния проблемы. Поэтому первый и второй конституенты оценочного комплекса оказываются ведущими и направленными на утверждение значимости оценки, принадлежащей я-адресанту.

Преобладание в данной группе текстов первого и второго конституентов оценочного комплекса воспринимается адресатом как стремление я-адресанта повысить ценность сообщаемой научной информации и, значит, усилить значение своей точки зрения. Поэтому оценка, формируемая в текстах, принадлежащих к этой группе, характеризуется как *эксплицитная, ретроспективно-проспективная, рациональная, обязательная*.

Тексты с целеустановкой на описание формирования какой-либо отрасли науки, или описывающие состояние какой-либо отрасли науки или научной проблемы, носят в основном научно-дидактический характер и рассчитаны на молодых ученых. В этой группе текстов оценочная ориентация адресата направлена на пользу продолжения дальнейших исследований, вследствие чего для данных текстов обязательна реализация всех трех конституентов оценочного комплекса. Причем в силу того, что ретроспективно-проспективная оценка направлена на побуждение адресата к активному вмешательству в окружающую действительность, она носит ярко выраженный эмоциональный характер.

Следовательно, оценка в этой группе текстов определяется как *эксплицитная, ретроспективно-проспективная, эмотивная, обязательная*.

Ретроспективно-проспективная оценка, содержащаяся в первом и втором конституентах оценочного комплекса, носит в основном отрицательный характер, выражена эксплицитно, обладает значительной экспрессивностью. Оценочные комплексы, принадлежащие другим "я", которые я-адресант представляет на основании анализа их работ, содержат оценочные конституенты с совершенно иным "наполнением", противоположным точке зрения я-адресанта текста.

Оценочная ориентация в оценочных комплексах других "я" и я-адресанта оказывается "разнонаправленной", и адресат сталкивается с фактом наличия контрцелевых установок. Однако в этом еще надо убедить. Поэтому роль третьего конституента в оценочном комплексе я-адресанта приобретает приоритетный характер, а первый и второй конституенты ориентированы на такое воздействие, в результате которого адресат должен воспринять оценочную информацию я-адресанта с целью создания своего оценочного комплекса, который бы не расходился с оценкой я-адресанта. При этом активное вмешательство в процесс исследования анализируемой проблемы необязательно. Оценочная информация носит в основном ментальный, ассоциативный характер. Оценка в этих текстах характеризуется как *эксплицитная, ретроспективно-проспективная, ментальная, эмотивная, обязательная*.

Оценочный комплекс текстов с целеустановкой на описание исследований и экспериментов достаточно эксплицитно обозначен и характеризуется наличием маркеров приоритетности второго конституента, при незначительной роли первого и третьего конституентов. Оценочная информация направлена на усиление значимости научного исследования я-адресанта текста и потому характеризуется как *эксплицитная, рациональная, проспективная, слабоэмотивная, обязательная*.

Очевидно, что характер оценки зависит от коммуникативно-прагматической целеустановки, которая определяет механизм функционирования оценочного комплекса и приоритетность того или иного оценочного конституента.

Эксплицитность и обязательность оценки характерны для всех типов научного текста. Эти доминантные оценочные признаки нами определяются как *оценочная доминанта*. Другие признаки, дающие возможность различать характер оценки в том или ином типе текста, являются дифференциальными и регулируют диапазон оценочной асимметрии, и определяются нами как *оценочные десигнаты*.

Н.Б. Лебедева
**Одушевленность как фактор
полисобытийности действия**
(когнитивный анализ семантики глагола)

1. Семантика глагола, в отличие от слов других частей речи, принципиально полиситуативна, полисобытийна и полипропозициональна. Разные факторы способствуют увеличению или ослаблению этих признаков глагольной семантики. Мы рассматриваем влияние такого фактора, как одушевленность участников глагольной ситуации. Вопрос об "особом статусе одушевленного субъекта в глубинном представлении языка" [1, с. 221] вопрос поднимался неоднократно. Некоторые ученые утверждают даже, что "наиболее существенно для русского языка – грамматическое противопоставление одушевленного неодушевленному" [2, с. 323]. Мы утверждаем, что одушевленность любого участника ситуации, номинированной глаголом, а в особенности субъекта и объекта, увеличивает динамизм и результативность процесса, что приводит к возрастанию количества событий внутри одной ситуации и, следовательно, к полипропозитивности. Одушевленность можно отнести к скрытым категориям, которые в языке имеют "мерцательное" проявление и на поверхностном уровне "выражаются ... не прямо, не непосредственно, а окольным путем, при посредстве слов и словесного контекста" [3, с. 83], а также через другие языковые уровни и категории.

Одушевленные имена способствуют результативности действия в силу двух своих характеристик: а) "стратифицированности" семантики, а именно – наличия "второй", анимальной, стороны значения, соотнесенной с признаками живого; б) реальной и потенциальной активности одушевленного участника.

2. В данной работе мы остановимся на первом признаком – стратифицированности семантики одушевленных имен как факторе расширения полисобытийности действия.

2.1. Одушевленные имена имеют многомерную структуру семантики. Одушевленное существительное имеет две "стороны" значения – " первую", общую с именами неодушевленными (низший – физический слой семантики), и "вторую", анимальную, т.е. отражающую признаки живого существа (более высокие слои – физиологический и психологический). Но "особое место среди "живого" занимают людьи, противопоставленные же и в отныне..." [2, с. 322]. **Личные имена**, называющие людей, как разновидность одушевленных имен существительных, включают в состав "второй" стороны значения, кроме указанных выше, еще три "личных" слоя –

ментальный, речевой и социальный. Эти семантические "слои" одушевленного и личного имени как в субъектной, так и в объектной функции могут играть разную роль в создании динамизма самого действия, степени и характера результативности, в конечном счете – в расширении событийной емкости глагола. К одушевленным существительным некоторым образом примыкает подгруппа имен орудий – механизмов, которые обладают более сложной семантической структурой, чем остальные имена артефактов, поскольку в их семантику включены компоненты, отражающие структурно-функциональную, механистическую систему, обеспечивающую функционирование механизма и динамику процесса, производимого им. Другими словами, эти существительные также имеют "вторую" сторону семантики, что сближает их с одушевленными существительными и поэтому их можно определить как переходную группу. Можно объединить эти два компонента и назвать "физиологомеханистическим". Имена феноменов, называемых нами "стихия"¹, – дождь, ветер, молния, течение и пр. – имеют одномерную семантику, как и все неодушевленные предметы, но физический слой их семантики как бы "ослабленный", "полуматериальный": дождь – это не просто вода (лежащая на ладони или на земле вода называется каплями, водой, лужами, а не дождем), а *падающая* с неба вода, то есть в его семантику входит, помимо материального, вещественного компонента, еще и динамический компонент – "движение". На рисунке 1 эту "полуматериальность" мы изобразили в виде полузаширихованного квадрата.

Приведенный ниже рисунок 1 отражает, кроме типологии конкретных существительных на основе заявленного признака, также и распределенность этих существительных по признаку динамизма (верхняя строка на рисунке 1). Поскольку "стихии" включают, помимо материального компонента, еще и "нематериальную" энергию, поскольку они сближаются с одушевленными субъектами по признаку потенциального динамизма. Психологический и ментальный слой включают волонтативный (волевой) компонент (см. рис. 1).

2.2. Мы согласны с тезисом о том, что "лингвистическая существенность выделения категории одушевленности / неодушевленности (в частности, для русского языка) определяется в первую очередь не той совместимостью названий неодушевленных предметов с некоторыми предикатами, которая является отражением реальной несовместимости соответствующих представлений, а целым рядом собственно языковых ограничений – лексического и грамматического характера" [4, с. 29]. Сочетаемость / несочетаемость глаголов с

¹ В другой терминологии – "сила", "мир" или "природная сила".

аффиксами, в частности, с префиксами, и является одним из важнейших проявлений "собственно языковых ограничений": одушевленность / неодушевленность лексических сателлитов коррелирует с префиксацией, маркирующей результативный аспект. Достигнутая результативность префиксальных глаголов сигнализирует о наступлении новой ситуации и, следовательно, нового события.

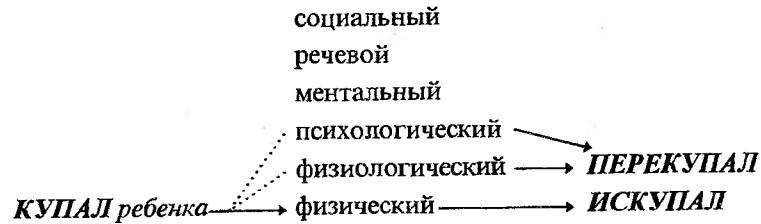
Динамика степени							
демонстративной	лицо	животное	механизм	орудие	статический артефакт	динамич. натурафакт	стихия
"слой" семантики							
социальный							
речевой							
ментальный							
психологический							
физиолог.							
Механический							
Физический							

Рис. 1. Типы конкретных существительных на основе стратификации денотативной семантики

2.2.1. Одушевленный объект позволяет мотивированному префиксальному глаголу достичь результативности, не запланированной в семантике мотивирующего глагола в силу двух особенностей реакции живого предмета на воздействие. Во-первых, живой предмет реагирует на воздействие целостно, поскольку все его стороны взаимодействуют. Во-вторых, живой предмет реагирует на воздействие активно, тем или иным образом корректируя это воздействие. Что касается первого, то оно проявляется в том, что действие, выраженное мотивирующим глаголом, направлено на одну, например, "первую", сторону объекта, а результат может оказаться проявлением на "второй", animalной (физиологической, психологической и пр.) стороне объекта. Получается, что непосредственно объектную функцию выполняет физическая субстанция

предмета, а в пациентской роли оказываются, кроме нее, и другие его субстанции.

"стороны" объекта / "слои" семантики

Такое положение дел наблюдается в случае, когда количественная сторона действия – длительность или интенсивность – превосходит некую НОРМУ, заложенную в самом действии и / или объекте. В результате этого достигается незапланированный результат, поскольку действие на каком-то этапе выходит из-под контроля субъекта, становится неконтролируемым. Развитие действия до определенного этапа контролируемо, а со следующего момента становится неконтролируемым, и это уже другое действие. Семантическая структура такого глагола имеет внутреннее членение, он полиситуативен и полисобытиен. Например, *КУПАТЬ ребенка* (направленность воздействия на физическую сторону объекта) – *ИСКУПАТЬ ребенка* (достижение запланированного результата на этой же, физической, стороне объекта¹) – *ЗАКУПАТЬ, ПЕРЕКУПАТЬ ребенка*, неумеренным купанием довести до нежелательного состояния² (достижение незапланированного результата на физиологической и психологической "стороне" объекта, которые оказались пациентом действия²). Одна суперситуация *КУПАТЬ* длится, но в процессе ее протекания достигаются разные пределы (результаты): сначала результат "нормированный", затем – "сверх нормы", незапланированный. Это уже разные события и разные ситуации, поэтому глаголы *ЗАКУПАТЬ, ПЕРЕКУПАТЬ* – в большей мере полисобытийные глаголы, чем глаголы с чистовидовой приставкой *ИСКУПАТЬ* (см. след. схему).

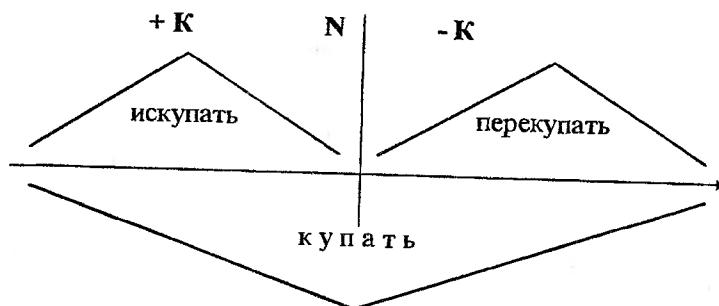
Многие глаголы со значением перемещения или физического воздействия дают разные префиксальные образования в зависимости от одушевленности – неодушевленности объекта. Наблюдаются

¹ Так создается видовая пара.

² Пример мутационного способа словообразования.

словообразовательно маркированная дивергенция глагольной семантики.

КУПАТЬ – ИСКУПАТЬ – ПЕРЕКУПАТЬ ребенка

N – "норма";

+ К – плюс-контроль, т.е. наличие контроля со стороны субъекта;

- К – минус-контроль, т.е. отсутствие контроля со стороны субъекта.

Пространственные префиксы одинаково "охотно" соединяются с глаголами перемещения, управляющими как одушевленными, так и неодушевленными объектами, потому что в силу наличия у них "первой" стороны значения они имеют направленность на предел пространственного характера. Например, глагол *ГНАТЬ*, управляющий неодушевленным объектом (вагон, мяч, телегу), и этот же глагол, управляющий одушевленным объектом (лошадь), имеют направленность на пространственный предел, который реализуется в глаголе *ЗАГНАТЬ* (лошадь в конюшню, вагон в тупик, мяч под диван, телегу во двор). Здесь приставка ЗА- реализует результативно-пространственное значение. В соединении же с одушевленным объектом в глаголе *ЗАГНАТЬ лошадь* проявляется качественное (незапланированное) изменение объекта, т.к. реагирует "вторая" сторона семантики, а именно – "физиологический" слой семантики. С неодушевленным объектом (не механизмом) такого глагола не образуется, сомнительно в указанном значении: **ЗАГНАТЬ телегу*. Опять, как и в предыдущем примере с глаголом *КУПАТЬ*, воздействие направляется на физическую "сторону" предмета (перемещение его в физическом пространстве) и объектом выступает физическая сторона, а результат оказывается на "второй" стороне значения – физиологической, поскольку в результате действия именно она оказывается пациентом. Приведем аналогичные примеры: *ТОЛКАТЬ*

стол, тачку, прохожего – *ЗАТОЛКАТЬ* стол, тачку, прохожего в угол – *ЗАТОЛКАТЬ* прохожего вконец; *КАТИТЬ* коляску, ребенка – *ЗАКАТАТЬ* коляску, ребенка во двор – *ЗАКАТАТЬ* ребенка до тошноты; *ПИНАТЬ* мяч, котенка – *ЗАПИНАТЬ* мяч, котенка под диван, *ЗАПИНАТЬ* кого-то до смерти. Когда же объектом выступает существительное, обозначающее механизм (машину), тогда также возможно образование глагола со значением качественной результативности, достигнутой на "второй стороне" объекта – "физиологомеханистической": *ЗАГНАТЬ* машину в значении "испортить, сломать в результате действия ГНАТЬ".

Деструктивные глаголы, управляющие как одушевленным, так и неодушевленным объектом, соединяются с результативными приставками, но имеется некоторое семантическое различие в сочетающихся префиксах. Глаголы, управляющие неодушевленными объектами, сочетаются с приставками, имеющими результативно-пространственный аспект семантики: разделение на части, охват всей поверхности объекта и т.д. При сочетании с одушевленным объектом в семантике этих префиксальных глаголов значительно ослабляется компонент пространственности и возрастает аспект качественного изменения.

Глаголы не только деструктивного, но и любого другого воздействия проявляют избирательность в префиксальной сочетаемости в зависимости от этой характеристики. Приставка ЗА-, присоединяясь к глаголу, имеющему при себе неодушевленный объект, нередко приобретает значение достижения запланированного результата (общерезультативный способ действия, чистовидовое значение), но при управлении одушевленным объектом этот глагол с приставкой ЗА- обозначает достижение незапланированного, нежелательного результата (сверх меры). Действие, направленное на физическую сторону неодушевленного объекта, остается "в границах" этой физической стороны, если же объект одушевленный, то результат может реализоваться на "второй" стороне объекта. Именно в этом и проявляется сущность понятия "сверх меры" – "сверх физической стороны", на которую направлено действие. Воздействие переходит границы этой зоны и пациентом оказываются более высокорганизованные компоненты одушевленного объекта – физиологическая, психологическая и др. Ср.: *ЗАЛАРИТЬ* овес, бочку – *ЗАЛАРИТЬ* кого-либо в бане; *ЗАТОМИТЬ* говядину – *ЗАТОМИТЬ / ИСТОМИТЬ* человека; *ЗАМОРИТЬ* горчицу – *ЗАМОРИТЬ* кого-либо голодом и т.д.

ЗАПАРИТЬ

ОВЕС, БОЧКУ (общерезультивное значение)

КОГО-ЛИБО в бане ("сверх меры", довести до нежелательного результата)

В литературе неоднократно отмечалось и подвергалось исследованию явление энантиосемии (омоантонимии), когда "одна и та же приставка, присоединенная к одному и тому же глаголу, нередко приводит к образованию новых слов, значения которых могут быть прямо противоположны ... Так формируются своеобразные омоантонимы" [5]. Противопоставление по признаку "начинательность – результивность" наиболее регулярно наблюдается в глаголах с приставками ЗА-, РАЗ- и постфиксом -СЯ [6]. Нежесткая закономерность, носящая характер тенденции, может быть сформулирована следующим образом: начинательное значение развиваются глаголы в безобъектном и непредельном употреблении, результивное значение – переходные и предельные глаголы. Мы хотим указать на тот факт, что среди последних играет определенную роль и одушевленность / неодушевленность объекта¹. Направленность действия на одушевленный объект в большей мере "затормаживает", "блокирует" возможность соединения глаголов физического воздействия с временной приставкой, чем направленность действия на неодушевленный объект. При определенных контекстуальных условиях, усиливающих аспект протекания действия и ослабляющих результивный аспект (множественность участников действия, обстоятельственные определители характера протекания процесса, временные детерминанты, как характеризующие, так и указывающие на начальную существования ситуации² – мы их подчеркиваем), возможно развитие начинательного значения у глагола с приставкой ЗА- при наличии неодушевленного объекта: *Осенью ЗАРУБИЛИ* (= начали рубить) капусту; *Куры быстро ЗАКЛЕВАЛИ* (начали клевать) зерно; *В углу мыши громко ЗАГРЫЗЛА* (начала грызть) корку; *Девочка, смутившись, нервно ЗАКУСАЛА* (начала кусать) губы. Но если глагол управляет одушевленным объектом, то даже такой ярко маркированный контекст не может подавить в узусе результивный и актуализировать характеризующий аспект. Нельзя: **Куры быстро ЗАКЛЕВАЛИ* (= начали клевать) больных цыплят; **Всадники подскочили и ЗАРУБИЛИ* (= начали рубить) прохожих;

¹ См. об этом [7, с. 42].

² См. [8; 9, с. 285].

**Осенью волки ЗАГРЫЗЛИ* (= начали грызть) овец; **Псы, разозлившись, ЗАКУСАЛИ* (= начали кусать) прохожих.

начальная фаза

конечная фаза (результат)

неодуш. объект
(зерно)

одуш. объект
(цыпленка)

(куры) **ЗАКЛЕВАЛИ**

Одушевленность объекта усиливает результивный аспект действия, поскольку "высшие" уровни организации живых объектов препятствуют длительным сильным воздействиям только на одну – физическую – сторону предмета. Реакция живого существа "подправляет" изначальную направленность действия в сторону более качественного изменения, большей результивности, достижение которой создает дополнительную событийную перспективу.

2.2.2. Одушевленный субъект может имплицитно включать в себя пациентный компонент, и тем самым он расширяет зону результивности и полисобытийности: одна его "сторона" выполняет агенскую функцию (событие 1: *агенс действует*), другая – пациентную (событие 2: *пациенс изменяется*). Их соединяет логическая пропозиция их взаимодействия (*воздействует*). Могут быть разные комбинации при распределении разных слоев семантики на агентно-пациентные роли: например, его "вторая", анимальная, сторона значения, соотносительная с признаками живого (и лица), может выступить пациентом действия, совершающего самим субъектом во всей его целостности (весь субъект – агенс), или же анимальная часть субъекта выполняет пациентную функцию, а физическая – агенскую и т.д. Таким образом, одушевленный субъект расщепляется на два функциональных компонента – агентного и пациентского: агентный компонент направляет свое воздействие на пациентный компонент. Так происходит функциональная дивергенция денотативно целостного предмета (см. рис. 2).

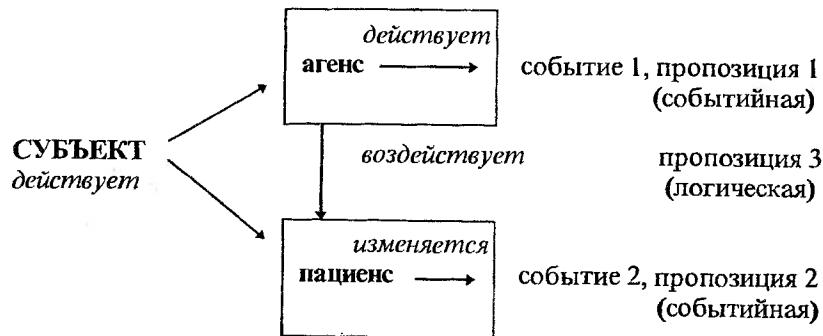

Рис. 2. Дивергенция субъекта на агентный и пациентный компоненты с расщеплением одной ситуации на несколько событий

2.2.2.1. Возвратные глаголы представляют собой грамматикализованный "способ устранения прямого объекта", "упрятывания", имплицитирования его, по-разному совмещая объект с субъектом действия. Разные группы возвратных глаголов представляют различные виды упаковки субъектно-объектного содержания. Диатетические типы русских возвратных глаголов блестяще описаны Н.А. Янко-Триницкой, предложившей свою классификацию возвратных глаголов на этом основании [10].

Самый яркий и очевидный пример такой дивергенции представлен глаголами собственно-возвратного разряда, или "включенного одушевленного объекта", по Янко-Триницкой, – *МЫТЬСЯ, БРИТЬСЯ, ЧЕСАТЬСЯ, ВЕШАТЬСЯ, БЕРЕЧЬСЯ, ГЛЯДЕТЬСЯ, РЕЗАТЬСЯ* и т.д. В этих глаголах субъект и объект совпадают денотативно и расходятся функционально. Субъектный компонент захватывает не все денотативное пространство, а только часть: ментальную, волевую, частично физическую. Объектный компонент включает оставшуюся физическую часть денотативного пространства субъекта. Полипропозитивность этих глаголов обусловлена полисобытийностью ситуации. Эта ситуация включает два события: субъектное событие (Иван моет / бреет / причесывает и т.д.) и объектное событие (Иван становится чистым, бритым / причесанным и т.д.). Естественно, что глаголы с неодушевленным субъектом не могут давать такую дивергенцию на субъектный и объектный компоненты и, следовательно, не являются полисобытийными и полипропозитивными. Полисобытийность этих глаголов обусловлена одушевленностью субъекта.

Следующей по яркости и определенности дивергенции субъекта группой глаголов являются глаголы взаимно-возвратного разряда,

или, по Янко-Триницкой, глаголы "включенного взаимного объекта": *Они БОДАЛИСЬ / КУСАЛИСЬ / ОБНИМАЛИСЬ / друг с другом*. Эти глаголы также называют полисобытийную ситуацию, только событий в ней уже 4 – два (как минимум) субъектных и два (как минимум) объектных: 1) Иван кусает / пинает / обнимает; 2) Петр кусает / пинает / обнимает; 3) Ивана кусают / пинают / обнимают; 4) Петра кусают / пинают / обнимают.

Глаголы обобщенного объекта, или активно-безобъектные (*БОДАТЬСЯ, ДРАТЬСЯ, ЖЕЧЬСЯ, КУСАТЬСЯ, КЛЕВАТЬСЯ, БРЫЗГАТЬСЯ, ЦЕЛОВАТЬСЯ* и т.д.), имеют регулярную полисемию этих глаголов: а) конкретное действие и б) свойство как склонность делать что-либо. Например: а) *Когда он подходил к корове, она БОДАЛАСЬ, к собаке – она КУСАЛАСЬ, к петуху – он КЛЕВАЛСЯ* и б) *Не подходи близко к животным: корова БОДАЕТСЯ, собака КУСАЕТСЯ, петух КЛЮЕТСЯ*. Полисобытийность этих глаголов носит менее яркий характер за счет ослабления объектного события из-за его неопределенности (*кого-то* кусают, бьют, бодают). Это приводит к еще большему усилению характеризующего аспекта и еще большему ослаблению результативного (речь идет, конечно, о конкретных действиях): возвратные глаголы вообще не сочетаются с результативными и чистовидовыми приставками, но могут соединяться с временным префиксами: *ЗАЛЯГАТЬСЯ, ЗАБРАНИТЬСЯ, ЗАСКРЕСТИСЬ, ПОБРЫКАТЬСЯ*. Подавляющее большинство таких глаголов имеет одушевленный субъект, такие случаи, как *крапива жжется, стена пачкается, что-то кусается* употребляются только в значении свойства, т.к. субъекты этих глаголов неактивны.

Только наличие одушевленного субъекта позволяет непереходным и не направленным на результат глаголам процессуальной семантики различных ЛСГ приобрести потенциальную возможность в сочетании с конфиксами *НА-...СЯ, ЗА-...СЯ, ИЗ-...СЯ, ДО-...СЯ* и др. становиться результативными, поскольку результат – незапланированный – достигается на "второй" стороне субъекта. Непереходные, т.е. безобъектные, глаголы, не имея эксплицитной, грамматической, направленности на объект, имеют имплицитную направленность на какую-то часть субъекта – психологическую, ментальную, физиологическую, социальную – или же на комплекс этих компонентов, становящихся пациентом процесса, совершающего самим субъектом. Глаголы разных ЛСГ непереходных статических (*СТОЯТЬ, ЛЕЖАТЬ, СИДЕТЬ*) и беспersпективных динамических процессов (*БЕГАТЬ, ГУЛЯТЬ, ХОДИТЬ, КУПАТЬСЯ, ДЫШАТЬ, ПЕРЕЖИВАТЬ, ШУМЕТЬ*), а также некоторых переходных (*ЧИТАТЬ, БРОСАТЬ*) соединяются с конфиксами, маркирующими компонент достижения незапланированного субъектного результа-

та, т.е. результата, достигнутого на "второй" стороне субъекта. **НАСТОЯТЬСЯ, НАЛЕЖАТЬСЯ, НАСИДЕТЬСЯ, НАБЕГАТЬСЯ, ИЗБЕГАТЬСЯ, НАГУЛЯТЬСЯ, НАДЫШАТЬСЯ** и пр. – достижение незапланированного результата в психологическом (и частично в физиологическом) слое семантики ("дойти до состояния удовлетворения или пресыщения в результате длительного или интенсивного совершения этого действия"). **ЗАСИДЕТЬСЯ, ДОСИДЕТЬСЯ, ДОСТОЯТЬСЯ, ДОЛЕЖАТЬСЯ, ДОБЕГАТЬСЯ** и пр. – достижение незапланированного результата в социальном и других слоях семантики, что расценивается как наступление нового события¹.

Такое же объяснение подходит к некоторым общевозвратным глаголам – **ВОЛНОВАТЬСЯ, СЕРДИТЬСЯ, ПЕРЕЖИВАТЬ, РАДОВАТЬСЯ, БЕСИТЬСЯ, ВЕСЕЛИТЬСЯ** и др. Они также не имеют лексико-грамматической направленности на результат, но могут сочетаться с приставкой НА- в значении насыщенности субъекта данным состоянием: **НАВОЛНОВАТЬСЯ, НАСЕРДИТЬСЯ, НАРАДОВАТЬСЯ, НАБЕСИТЬСЯ, НАВЕСЕЛИТЬСЯ, НАТРЯСТИТЬСЯ** от страха. Достижение незапланированного результата, как уже отмечалось, – это новое событие.

Хотя теоретически любой глагол с одушевленным субъектом может сочетаться с префиксом НА- и конфиксом НА-...СЯ со значением насыщенности субъекта действием, процессом или состоянием, но практически сочетаемость с ним ограничена разными условиями, важнейшее из которых – наличие формально выраженной направленности на объект, которая как бы блокирует, затормаживает, подавляет более слабую направленность на субъект. Сплошная выборка глаголов этой словообразовательной модели из БАС дала следующие результаты: в словаре отмечено 186 глаголов, мотивированных непереходными (возвратными и невозвратными) глаголами, против 35 глаголов, образованных от переходных глаголов.

Ряд глаголов внутреннего состояния, близких к предыдущей группе, – **МАЯТЬСЯ, МУЧИТЬСЯ, МОРИТЬСЯ, ТЕРЗАТЬСЯ** – содержат компонент деструктивности. Эти глаголы обозначают такое состояние, в результате которого сама "среда" этого процесса

¹ Б.Н. Головин в докторской диссертации выдвинул созвучную нам гипотезу о том, что все глаголы, образованные по модели "префикс ... -ся" типа наволноваться, забегаться, вглядеться образуют новую, рождающуюся словообразовательно-морфологическую категорию субъектности-объективности процесса. Глаголы, образованные по указанной модели, представляют действие "субъективно, как переживание деятелем некоторых состояний личности, вызванных осуществлением одного из процессов, отображаемых объективно" [11, с. 876–883, 947]. Но наш угол зрения несколько иной: мы прослеживаем, как одушевленность субъекта способствует увеличению полисубъектности самого процесса.

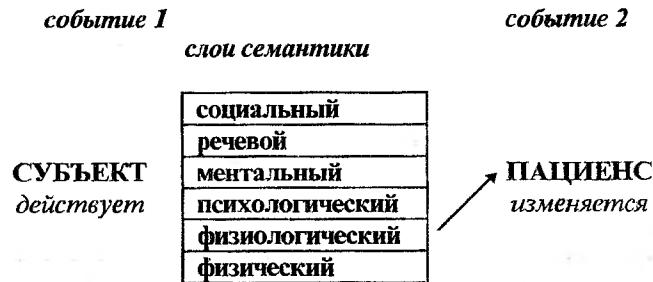
(психологическая, физиологическая) изменяется в силу наличия внутренней динамики процесса с элементом деструктивности, является пациентом самого процесса, протекающего в нем. Это не просто переживание состояния, как **ТРЕВОЖИТЬСЯ, ВОЛНОВАТЬСЯ**, а изменение состояния с каким-то внутренним пределом, что проявляется в сочетании с префиксом ЗА-, ИЗ- и наречием ВКОНЕЦ: **вконец ЗАМАЯЛСЯ, ИЗМАЯЛСЯ, ЗАМУЧИЛСЯ, ИЗМУЧИЛСЯ, ЗАМОРИЛСЯ, ИСТЕРЗАЛСЯ**. При этом заметим, что на лексико-грамматическом уровне это нерезультативный глагол: нельзя сказать: **МАЯЛСЯ, МАЯЛСЯ** и наконец **ЗАМАЯЛСЯ**, наподобие: **СОХЛО, СОХЛО** и наконец **ВЫСОХЛО** или **МАТЬСЯ** для того, чтобы **ЗАМАЯТЬСЯ, МУЧИТЬСЯ** для того, чтобы **ЗАМУЧИТЬСЯ**, наподобие **ЧИТАТЬ** для того, чтобы **ПРОЧИТАТЬ**¹. Но как бы в ослабленном виде, без компонента цели, имплицитно просматривается в этих глаголах субъектная направленность на результат. Наличие такой внутренней динамики с особым внутренним пределом, приводящим к результативности, заложено в одушевленности субъекта, имеющего эту "среду", которая в силу своей восприимчивости, реактивности является внутренним пациентом. В результате достижения незапланированной результативности увеличивается событийное пространство.

2.2.2.2. Рассмотрим в данном аспекте **невозвратные глаголы**, т.е. глаголы с формально невыраженной непереходностью. Они являются отчуждаемой частью самого субъекта. Внутренний объект – неотчуждаемая часть субъекта.

Явление транзитивирующей префиксации [7; 13–15] (иепереходный нерезультативный глагол с присоединением приставки становится переходным результативным глаголом) во многом обусловлено наличием одушевленного субъекта. Разные причины приводят к транзитивации глагола. Мы остановимся на таком случае, когда расщепление субъекта происходит за счет того, что часть самого субъекта или сам преобразованный в определенном аспекте субъект становится пациентом, реципиентом, объектом его самого. Один из таких пациентов назовем **внутренним объектом**. Внутренний объект – неотчуждаемая часть субъекта, получившая пациентскую позицию в процессе действия. Его надо отличать от **включенного объекта** (см. ниже), который может быть отчуждаемой частью самого субъекта или частью самого действия. В зависимости от характера этого внутреннего объекта, от функции, выполняемой предметом, являющимся имплицитным объектом, намечаются различные группы.

¹ Мы используем предложенные А.В. Бондарко контексты "как своего рода критерий для проверки наличия или отсутствия результативности" [12, с. 197].

Непереходные глаголы со значением статичных положений одушевленного субъекта в пространстве, включающие элемент физического контакта (следовательно – взаимодействия частей этого тела с предметами), содержат потенциальную имплицитную результативность, поскольку в роли пациента может оказаться эта часть тела. С присоединением префикса с результативным значением глагол становится переходным, в роли объекта (пациента) выступает часть самого субъекта, так сказать, субъектный партитивный объект: *ЛЕЖАТЬ* – *ОТЛЕЖАТЬ* бок, *НАЛЕЖАТЬ* пролежни, *СИДЕТЬ* – *ОСИДЕТЬ* ногу, *СТОЯТЬ* – *ОТСТОЯТЬ* все ноги. Пациентом этих глаголов является физиологическая сторона субъекта:

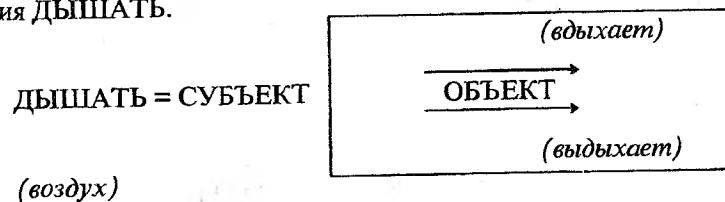

Не транзитивируются те значения глаголов статического положения тела в пространстве, субъект которых неодушевленный: *пятое СИДИТ на платье, судно СИДИТ на мели, платье СИДИТ на фигуре*. Невозможно: книга *ЛЕЖАЛА* – *ОТЛЕЖАЛА* обложку; дом *СТОЯЛ* – *ОТСТОЯЛ* весь фундамент; пирог *СИДЕЛ* в печи – *ОСИДЕЛ* низ. Глаголы с этими субъектами не содержат потенциальной, имплицитной направленности на результат. Эти глаголы монособытийные.

В глаголах движения, как и в вышерассмотренных глаголах, субъект действия выступает со всем комплексом признаков, но основным слоем является "первый", физический, поскольку движение происходит в физическом пространстве. В результате же действия перемещения пациентом могут стать другие стороны субъектной сферы или сам субъект, но уже преобразованный (болезнь – это больной человек), например: *БЕГАТЬ* – *НАБЕГАТЬ* простуду, *кашель, ангину*, *ХОДИТЬ* – *ИСХОДИТЬ* все ноги (физиологический слой); *ГУЛЯТЬ* – *НАГУЛЯТЬ* хорошее настроение (психологический слой). Глаголы перемещения могут приобретать расширительное значение, переходя в класс "деятельность" и обозначая многократное действие, протекающее в социальном пространстве, результат

же может проявиться на различных сторонах субъекта: *ЕЗДИТЬ* – *НАЕЗДИТЬ*, *ПЛАВАТЬ* – *НАПЛАВАТЬ*, *ЛЕТАТЬ* – *НАЛЕТАТЬ* и т.д. порок сердца, *БЕГАТЬ* – *ОТБЕГАТЬ* все пятки (физиологический слой), *ЛЕТАТЬ* – *НАЛЕТАТЬ* стаж (социальный слой) и т.д. Глаголы других ЛСГ подчиняются этим же закономерностям: *СПАТЬ* – *НАСПАТЬ* силы, *КУРИТЬ* – *ПРОКУРИТЬ* здоровье, *ПИТЬ* – *ПРОПИТЬ* здоровье, *МАХАТЬ* – *ОТМАХАТЬ* все руки, *ТОПАТЬ* – *ОТТОПАТЬ* все ноги и т.д. Именно этим объясняется образование перфектных существительных типа *пролежни*.

Перейдем к глаголам включенного объекта, когда в самом действии и субъекте действия содержится в качестве обязательного участника объектный компонент – пациент (существует до действия и независимо от него), результатив (создается в процессе действия), средство, место, метонимический объект или объект по смежности: *ПЛЮНУТЬ* – *СПЛЮНУТЬ*, *ВЫПЛЮНУТЬ* слону (средство-пациент), *ДЫШАТЬ* – *НАДЫШАТЬ* тепло (т.е. теплый воздух) (результатив), *ПЛАКАТЬ* – *НАПЛАКАТЬ* глаза (объект-место), *МОРГНУТЬ* – *СМОРГНУТЬ* слезу (объект по смежности); *ЖИТЬ* чем-либо, на что-либо – *ПРОЖИТЬ*, *ИЗЖИТЬ* всю зарплату, состояние; *ПЬЯНСТВОВАТЬ*, *ПИТЬ*, *КУТИТЬ* – *ПРОПЬЯНСТВОВАТЬ*, *ПРОПИТЬ*, *ПРОКУТИТЬ* (социальный объект-средство). Эти глаголы относим к глаголам включенного объекта, поскольку лексикализованная ситуация обнаруживает на микроуровне объект, что отражено в definicции, например: "ДЫШАТЬ = ВДЫХАТЬ и ВЫДЫХАТЬ воздух". "Воздух" – это и есть включенный объект действия ДЫШАТЬ.

Все эти глаголы содержат потенциальную направленность на достижение незапланированного результата за счет изменения какого-нибудь субъектного компонента.

Литература

1. Циммерлинг А.В. Субъект состояния и субъект оценки (типы предикатов и эпистемическая шкала) // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999.

2. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.
3. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
4. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
5. Виноградов В.В. Об омонимии и смежных явлениях // Вопросы языкознания. 1960. №5.
6. Бессонова Л.Е. Энантиосемия как особый тип в системе лексических противопоставлений // Проблемы лексической и категориальной семантики. Симферополь, 1982.
7. Лебедева Н.Б. Лексико-грамматическое исследование глагольной семантики (взаимодействие результативности и объектности): Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Томск, 1979.
8. Шелякин М.А. Приставочные способы глагольного действия и категория вида в современном русском языке (к теории функционально-семантической категории аспектуальности): Автореф. ... дис. канд. филол. наук Л., 1972.
9. Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976.
10. Янко-Триницкая Н. А. Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962.
11. Головин Б.Н. Приставочное внутриглагольное словообразование в современном русском литературном языке: Дис ... докт. филол. наук. Горький, 1966.
12. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. Л., 1976.
13. Лебедева Н.Б. О транзитивирующей префиксации // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Вып. 7. Томск, 1977.
14. Лебедева Н.Б. Семантические основы результативности и объектности (на материале глаголов, транзитивируемых префиксацией) // Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Семантический аспект. Томск, 1983.
15. Пименов Е.А. Типология транзитивированных глаголов. Кемерово, 1995.

Е.В. Лукашевич
Представление экстралингвистических
знаний в процессе лексикализации слова

Лексикологические исследования последнего десятилетия характеризуются определенным прогрессом "в постижении роли слова в ментальных процессах концептуализации знания, обработки и хранения информации, а также в определении коммуникативно- pragmaticального потенциала лексических единиц" [1, с. 88].

Цель данной работы – выявить элементы экстралингвистических знаний и способы их представления в словах с лексикализованными значениями. Лексикализация рассматривается нами широко: как приобретение словом специфических формальных и / или семантических признаков, не выводимых из внутренней формы слова или его словообразовательной структуры (например, идиоматичность слова, различная сфера семантического действия мотивирующего и мотивированного слов, различная сочетаемость, появление стилистической маркированности и оценочности у слова, соотношение мотивированного слова с разными смыслами производящего многозначного слова и др.).

Интерес к проблеме значения слова в современной лингвистике в значительной степени определяется осознанием роли слова в представлении, хранении и передаче человеческого знания. В связи с этим возможно рассмотрение значения слова как сопряженной с соответствующей материальной оболочкой информации, которой необходимо обладать для того, чтобы правильно употреблять слово в собственной речи и понимать его в речевых произведениях других [2, с. 91].

Е.С. Кубрякова указывает, что "лексическое вхождение единицы в состав складывающегося высказывания предопределено той информацией, которая довольно жестко связана с отдельной лексемой и которая ... складывается из информации четырех типов – о фонологическом и морфологическом облике единицы, о ее синтаксических свойствах (под ними понимаются сведения о частеречной принадлежности единицы и возможностях ее субкатегоризации), о ее семантике (сюда включаются как данные о референтных свойствах единицы, так и, главное, о ее предикатно-аргументных характеристиках и образуемых единицей фреймах, связях, сочетаемости и т.п.)" [3, с. 19]. Ср. в связи с этим мысль о том, что "иногда большее значение придают знаниям говорящего/слушающего, помогающим ему домыслить недостающие логические звенья в цепи описываемых событий или же распознать установки коммуникативного акта и

интенции партнера по диалогу даже в том случае, когда явного языкового выражения они в тексте не получают" [4, с. 34]. Все выше-сказанное обуславливает необходимость обращения к ментальному лексикону носителя языка, под которым понимается "система, отражающая в языковой способности знания о словах и эквивалентных им единицах, а также выполняющая сложные функции, связанные не только с указанными языковыми единицами, но и стоящими за ними структурами представления экстралингвистического (энциклопедического) знания" [4, с. 97]. Как представляется, нетипичность, индивидуальность процесса лексикализации слова позволяет исследовать специфику языковой способности носителей языка как своего рода способа "хранения" языка в сознании и одновременно – способа реализации отраженных сознанием элементов системы языка [5, с. 214].

В качестве материалов для наблюдения послужили ответы абитуриентов на тестовые задания по русскому языку, составленные профессором Н.Д. Головым и использованные на вступительных экзаменах в АГУ в 1999 г.: лингвистический анализ текста стихотворения М.Ю. Лермонтова "Бородино". Достоинством тестирования, выполняемого на основе базового текста (художественного, публицистического, научного), по мнению автора-составителя, является то, что "в итоге получается более или менее целостный и системный "образ" филологических знаний и умений (в их тесной связи с общепринятыми способностями) испытуемого, сочетание теоретических знаний с развитием культуры практического владения языком и читательской практикой" [6, с. 45].

Анализ результатов выполнения тестовых заданий по лексике (статистические данные тестирования по русскому языку на вступительных экзаменах в 1998 г. доцента И.М. Камовой) позволил сделать следующие выводы о знаниях и умениях абитуриентов: понимание значения слова – 73%; опознание заимствованных слов – 73%; понимание смысловых отношений между словами на основе синтагматики – 71%, на основе парадигматики - распознавание синонимии – 69%, антонимии, гиперонимии и др. – 57%. Ср.: понимание смысловых отношений между частями текста (причина, следствие, уступка и т.п.) – 40%, выявление изменений в тексте при лексической замене – 42%, замене грамматической формы – 25% [6, с. 46].

Покажем это на конкретных примерах.

Задание 1. Оцените необходимость запятой после *пожалуй* в тексте:

Что тут хитрить, пожалуй () к бою;

Уж мы пойдем ломить стеною...

Из предложенных ответов тестируемые выбрали:

Запятая нужна, так как пожалуй – союз (4%).

Запятая не нужна, так как пожалуй – обстоятельство (4%).

Запятая нужна, так как пожалуй – вводное слово (21%).

Запятая не нужна, так как пожалуй – сказуемое, а к бою – обстоятельство (71%).

Лексема *пожалуй* возникла в результате формальной и семантической лексикализации формы повелительного наклонения глагола сов. вида *пожаловать*. Рассмотрим фиксацию этого результата в лексикографической практике. В "Словаре русского языка" [7] глагол *пожаловать* имеет помету "устар." и следующую семантическую структуру.

Сов. к жаловать (в 1 знач.) [Ср: жаловать – 1. Устар. Награждать чем-л.].

(Несов. жаловать) Прийти, явиться куда-л., посетить кого-л.

Повел. Пожалуй (те). Употребляется в значении дай (те), предоставь (те).

Повел. Пожалуйте. Употребляется в значении вежливого приглашения пройти или прийти куда-л., к кому-л. (МАС).

Пожалуй, вводн. сл. и частица.

Вводн. сл. Выражает допущение, возможность чего-л., означает: возможно, может быть, вероятно.

Частица. Употребляется для выражения нерешительного, неопределенного согласия (МАС).

Если взять узкий контекст "что тут хитрить, пожалуй () к бою...", то возможны два решения задания: 1) запятая не нужна, т.к. в контексте реализован четвертый ЛСВ глагола *пожаловать*, но с изменением формы повел. наклонения с мн. ч. на ед. – утратой вежливости; 2) запятая нужна, т.к. в контексте реализован первый ЛСВ вводного слова *пожалуй*. Но анализ широкого контекста отвергает второе решение, т.к. ярко выражается значение, противоположное допущению, возможности:

... Французы тут как тут.

Забил заряд я в пушку тудо

И думал: угощу я друга!

Постой-ка, брат мусью!

Что тут хитрить, пожалуй к бою;

Уж мы пойдем ломить стеною,

Уж постоим мы головою

За Родину свою!

Ломить – 2. Прост. Стремительно, напролом идти вперед; ломиться // Преодолевая сопротивление, решительно наступать, теснить противника (МАС).

Постоять – 3. Перен. Постараться отстоять, защитить кого-,

что-л., не дать в обиду (МАС).

В широком контексте объясняется и употребление формы единственного числа у анализируемого глагола: "французы тут как тут", "постой-ка, брат мусью..." (использование синекдохи).

Думается, что на решение 21% абитуриентов повлияли и такие признаки глагола *пожаловать*, как временная маркированность (устар.) и связанная с ней малоупотребительность в речи (особенно для молодого поколения), определенная закрепленность формы *пожалуйте* в современном языке за сферой этикета, знание текста стихотворения.

Задание 2. Оцените со смысловой и стилистической точки зрения возможность замены слова *конский* на слово *конный* в тексте:

Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с *конскими* хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.

Ответы абитуриентов распределились следующим образом.

Невозможно, так как суффиксы -Н- и -СК- имеют разное значение (53%).

Невозможно, так как конный относится к другому стилю (3%).

Невозможно, так как конный сочетается с другими словами (44%).

Возможно, так как суффиксы -Н- и -СК- имеют одинаковое значение (0%).

Конский – 1. Прил. к конь (в 1 знач.).

1. Как составная часть некоторых ботанических названий. Конский щавель (МАС).

Конный – 1. Прил. к конь (в 1 знач.) // Предназначенный для коней, для их содержания. // Служащий для езды на конях.

2. Действующий с помощью коней, приводимый в движение конями.

3. Едущий верхом на коне; верховой // В знач. сущ. конный.

4. Состоящий из всадников, из конницы (МАС).

Наиболее интересным фактом, на наш взгляд, является тот, что никто из тестируемых не выбрал четвертый ответ, несмотря на то, что он в определенной мере достоверен: суффиксы -Н- и -СК- имеют одинаковое словообразовательное значение [8, с. 272, 281]. По этой же причине неверным является выбор первого ответа (53% испытуемых). В "Словаре паронимов современного русского языка" [9], кроме семантической структуры паронимов *конный* – *конский*, указываются их сочетательные возможности, а в сопутствующем комментарии отмечается, что "конный ... имеет словесные связи более широкие, чем конский. Конский образует словосочетания главным

образом с существительными, называющими части туловища коня. Паронимические сочетания не образуются, т.к. эти прилагательные четко дифференцируются и семантически, и по сочетаемости" (с. 242). Представляется, что первые ЛСВ данных слов дифференцированы только сочетаемостью, в то время как в других ЛСВ и особенно оттенках значения дифференциация сочетательная обусловила дифференциацию семантическую, т.е. семантические сдвиги явились результатом контекстуального воздействия. Так, авторы "Русской грамматики", рассматривая многообразные конкретизации словаобразовательного значения прилагательных с суффиксом -Н-, указывают, что "живая речь, в особенности художественная, содержит неисчерпаемые возможности семантического сцепления слов, отражающиеся на контекстуальной семантике относительных прилагательных" [8, с. 273]. Ср. в связи с этим понимание оттенка как употребления, а не значения (В.В. Виноградов), как контекстуально обусловленной реализации инварианта (Э.М. Медникова).

Видимо, стоит принять во внимание то, что различие между *конный* – *конский* на уровне языковой способности ощущается всеми носителями языка, проблема заключается в поисках причин этого различия. "Знание, чтобы быть переданным другому человеку, должно концептуализироваться в языковые формы" [4, с. 35]. В связи с этим объяснимо желание 53% абитуриентов найти причину в форме самого слова.

Задание 3. И только небо засветилось,
Все шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.

Если в отрывке заменить словосочетание *небо засветилось* на *небеса засветились*, то:

- 1) изменится общий смысл отрывка (4%);
- 2) изменится стилистический оттенок (73%);
- 3) изменится количество предметов, обозначенных существительным *небо* (3%);
- 4) в содержании отрывка ничего не изменится (20%).

Различий между значениями лексем *небо* и *небеса* нормативные словари не фиксируют.

Небо (мн. ч. в том же значении *небеса*).

Видимое над Землей воздушное пространство в форме свода, купола // Окружающее Землю мировое пространство.

Место, пространство, где, по религиозным представлениям, обитают Бог, ангелы, святые и т.п. // Книжн. Провидение, божественные силы (МАС).

В словаре-справочнике "Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка" [10] отмечается, что

форма мн. ч. не имеет числового значения, не указывает на раздельное множественное значение предметов или явлений и не употребляется по отношению к оттенку значения первого ЛСВ (с. 260). В "Орфоэпическом словаре русского языка" [11] обращается внимание на то, что форма *небеса* употребляется преимущественно во втором значении (с. 293).

Мы предложили сорока студентам первого курса филологического факультета Алтайского государственного университета ответить на два вопроса: 1) Наблюдаете ли вы языковые различия между лексемами *небо – небеса*? 2) Если вы различаете эти лексемы, то постараитесь определить характер этих различий.

Сопоставление результатов эксперимента с ответами абитуриентов показало, что 100% студентов-филологов отмечают наличие различий между анализируемыми лексемами, тогда как 20% абитуриентов считают, что в содержании отрывка ничего не изменится (влияние нормы?). В то же время ментальный (внутренний) лексикон абитуриентов и студентов в значительной степени совпадает: соответственно 73% и 68% испытуемых классифицируют различия как стилистические: различаются стилем – 22%, религиозное, божественное – 20%, возвышенное, высокое – 26% студентов. При этом носителей языка не смущает отсутствие явного языкового выражения различий, они как бы "достраивают" (термин Е.С. Кубряковой) ситуацию на основе знаний о мире. Ср. в связи с этим смысловые различия, выделенные 27% студентов-филологов (чаще посредством ассоциаций с ярко выраженным коннотациями): большая часть информантов классифицировала *небеса* (признак маркированности?) – "что-то светлое" (4), "без облаков", "выше, чем небо", "красивое", "для души", "духовное", "идеал", "противоположное аду", "небеса обетованные"; *небо - облака* (4), "синее" (5), "небо как небо" (2). Показательно, что только 3% абитуриентов и 5% студентов видят различие в значении единичности / множественности.

На наш взгляд, анализ языковой способности носителей языка позволяет говорить о формировании лексикализованного значения у лексемы *небеса*: появление стилистической маркированности в языковом сознании части носителей языка, возможная идиоматичность, более жесткое ограничение сочетаемости.

Таким образом, результаты проведенного исследования подтверждают мысль о том, что воспринимаемое человеком слово вызывает в его сознании многомерную систему связей, основанных на совокупности его языковых и экстралингвистических знаний, эмоционально-оценочном опыте и системе норм и оценок, принятой в соответствующем социуме [12, с. 155].

Литература

1. Чернышева И.И. Некоторые вопросы теории лексикона сегодня и учебный теоретический курс лексикологии // ФН. 1999. №4.
2. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы. М., 1997.
3. Кубрякова Е.С. Лексикализация грамматики: пути и последствия // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М., 1995.
4. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
5. Шахнарович А.М. Языковая личность и языковая способность // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М., 1995.
6. Голев Н.Д., Дмитриева Л.М., Камова И.М., Лукашевич Е.В. Портрет абитуриента-экономиста по данным тестирования по русскому языку // Актуальные проблемы переподготовки и повышения квалификации кадров в условиях обновления образовательной практики. Ч. 1. Барнаул, 1999.
7. Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981-1984. Т. 1-4 (МАС).
8. Русская грамматика. Т. 1. М., 1982.
9. Бельчиков Ю.А., Панюшева М.С. Словарь паронимов русского языка. М., 1994.
10. Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка: Словарь-справочник. Л., 1974.
11. Орфоэпический словарь русского языка / Под ред. Р.И. Аванесова. М., 1983.
12. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М., 1999.

Е.В. Нагайцева
**Символическая структура:
к вопросу о функциях**

Возможные режимы интерпретации информации в процессе познавательной деятельности описываются как гомоморфный и гетероморфный. В первом случае процесс информационного метаболизма идет за счет акцентирования подобия контуров функциональной структуры КС интерпретатора и структуры объекта внешней среды, в другой ситуации актуально несоответствие, расподобление этих структур. О том, что существует универсальная "точка сборки" макро- и микрокосма (как общедоступный среднестатистический взгляд на мир и человека) не принято спорить, иначе рушится базовая модель осцилляции: норма – патология. Признание объективного статуса реальности основано на факте воспроизведимости причинно-следственных связей, идеальный вариант – работа по принципу рефлекса в цепочке "стимул – реакция" в возможных ситуациях: от индивида к среде (экстериоризация) и от среды к индивиду (интериоризация).

Одной из когнитивных структур, доминантой которых становятся симметричные отношения компонентов (реализация гомоморфной установки), является символическая структура, давно ставшая предметом исследования ученых. О том, что символ выполнял не только коммуникативную функцию в бесписьменных обществах, но и регулятивную, пишет в "Символе и ритуале" В. Тэрнер: "символы ... – не только ряд познавательных классификаций для упорядочивания вселенной идембу, они также ... ряд запоминающих механизмов для пробуждения, направления и обуздания могучих эмоций" [2, с. 11]. Изучение символов как репрезентантов жизни "темной" стороны души предпринял австрийский психиатр З. Фрейд, отождествивший символ с психопатологическим симптомом. Психоаналитик К.Г. Юng отказался от фрейдовской трактовки символов, а все богатство человеческой символики истолковал как выражение устойчивых фигур бессознательного. Основные положения юнговской теории символа таковы: психофизиологическая природа индивида во многом детерминирована предшествующими этапами развития "res cogitans" (на физиологическом уровне детерминация признавалась и до Юнга – так называемые врожденные инстинкты, но психоаналитик расширяет границы видообусловленности до психологической сферы, описывая так называемые паттерны коллективной мысли (архетипы) в качестве коррелятов инстинктов на психологическом уровне). "Если наше тело является итогом всей

эволюции, то же самое можно сказать и о психике, которая в той или иной степени присуща всем организмам, спосредуя их взаимодействие со средой. Так как имелись постоянно повторяющиеся условия существования, то возникли и типичные на них реакции, происходящие автоматически и называемые инстинктами" [3, с. 126]. "Архетипы – это корреляты инстинктов, вместе с которыми они образуют бессознательное" [3, с. 128].

Как известно, бессознательную область человеческой психики К. Юнг разделил на две сферы: коллективное бессознательное (содержание – архетипы, схемы, паттерны коллективной мысли; врожденные) и личное бессознательное (входят эмоционально окрашенные комплексы). Коллективное бессознательное есть "не более чем потенциальность, переданная нам в наследство от первобытной эпохи в особой разновидности *мнемонических образов* или наследственно закрепленная в анатомической структуре мозга. Врожденных идей не существует, однако существуют *врожденные возможности* идей, ограничивающие даже самую буйную фантазию" [4, с. 332]. На сознательном уровне эти когнитивные структуры, лишенные какого-либо психического содержания, представлены в виде символов (ими могут быть персоналии: Тень, Анима, Старый Мудрец и архетипы трансформации – это типичные ситуации, места, средства, пути и т.п.) и аллегорий (являются парадигмами *сознательного* содержания). Юнг различает символы "естественные", которые интересуют психотерапевта, возникают из подсознательного содержимого психики и представляют собой бесчисленные вариации основных архетипических образов, и "привнесенные культурой", которые использовались для выражения вечных истин во многих религиях, претерпели опыт сознательной лепки, став "коллективными образами", принятymi цивилизацией [5, с. 91]. Сфера архетипов (символов) является своеобразной промежуточной областью между единичностью индивидуальной души и разнообразием вселенной, иными словами, становится мощным инстинктивным предрассудком и эффективным средством адаптации, задавая в истории человечества определенные координаты мыследействования.

Литература

1. Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983.
2. Руткевич А.М. К.Г. Юнг об архетипах коллективного бессознательного // ВФ. 1988. №1.
3. Юнг К.Г. Об отношении аналитической психологии к поэзии // Юнг К.Г. Сознание и бессознательное. СПб.; М., 1997.
4. Юнг К.Г. Человек и его символы. М., 1997.

Е.А. Пименов **Констатирующие ситуации**

Констатирующие ситуации передают то состояние дел, которое имеет место при положительном (аффирмативном) осуществлении действия (процесса, состояния), обозначаемого транзитивированным глаголом (ТГ).

Констатирующие ситуации подразделяются на детерминированные и индетерминированные ситуации. Детерминация понимается как жесткая (т.е. вполне однозначная) причинно-следственная связь (зависимость) констатирующей ситуации с ситуацией, называемой конструкцией с ТГ.

Конструкции с ТГ выступают в качестве номинаций исходных ситуаций.

Детерминированные констатирующие ситуации являются следствием исходных ситуаций, т.е. они обозначают результативное состояние дел, которое жестко детерминируется (определяется) в качестве следствия, обусловленного исходной ситуацией – причиной. Жесткая детерминация проявляется в однозначном установлении (выводимости) конструкций, называющих детерминированные констатирующие ситуации.

Детерминированные ситуации являются объектно-ориентированными, т.е. в них передаются (констатируются) те изменения, которые претерпевает объект по сравнению с его состоянием в исходной ситуации. Эти изменения состояний объекта детерминированы исходной ситуацией на основе причинно-следственной связи и выступают в качестве как бы "результата" последней, ср.: (1a) *Der Wind hat Schneeberge aufgeweht* "Ветер намел (букв. надул) горы снега"; (1b) *Er gibt Schneeberge* "Имеются (существуют) горы снега".

Индетерминированные констатирующие ситуации не определяются на основе жесткой причинно-следственной связи с исходной ситуацией, соответственно, не могут называть какое-либо результативное состояние. Индетерминированные ситуации не называют какие-либо изменения (или какое-либо новое состояние), состояния одного из участников констатирующей ситуации (по сравнению с его состоянием в исходной ситуации).

Индетерминированные ситуации всего лишь констатируют положение дел, обозначаемое исходной ситуацией. В этом плане они представляют собой собственно констатирующие ситуации. Последние являются субъектно-ориентированными, т.е. в них называется (констатируется) положение дел, характеризующее субъект, его состояние. Хотя констатация не основывается на причинно-след-

ственных отношениях, индетерминированные ситуации также описываются посредством метаязыка (т.е. в терминах), применяемого для описания детерминированных ситуаций (см. выше). Собственно констатирующие ситуации иллюстрируются следующим примером: (2a) *Reporter umlagerten die Stadt* "Репортеры осаждали / осадили (окружали/окружили) город → (2b) *Reporter sind (=befinden sich) um die Stadt* "Репортеры есть (находятся) вокруг города".

Синтагматические отношения. Констатирующие ситуации бывают позитивные и негативные. Позитивные констатирующие ситуации обозначаются конструкциями без отрицания, негативные констатирующие ситуации содержат в составе своих компонентов отрицания. Ср.: (3a) *Frauen, die ... billige Reste erhandelten* "Женщины, которые ... выторговывали дешевые остатки" → (3b) *Frauen haben billige Reste* "Женщины имеют дешевые остатки" (позитивная ситуация); (4a) *Sie blies den Staub von dem Buch ab* "Она сдула (сдувала) пыль с книги" → (4b) *Der Staub ist (=befinden sich) nicht auf dem Buch* "Пыль не есть (не находится) на книге" (негативная ситуация).

По количеству участников констатирующей ситуации различаются двухкомпонентные ситуации (см. примеры 3 и 4) и однокомпонентные ситуации, например: (5a) *Du hast die Schuhe aber schnell abgelatscht* "Быстро же ты износил (сносил, букв. исшаркал) обувь → (5b) *Die Schuhe sind schlechter als fruher* Обувь хуже, чем (была) ранее".

Все приведенные выше примеры иллюстрируют детерминированные констатирующие ситуации.

Парадигматические отношения. Констатирующие ситуации описывают состояние одного из участников ситуации (субъекта, объекта). Это описание состояния объекта (субъекта) может быть самодостаточным, замкнутым, т.е. ие соотносится с каким-либо другим описанием (с другой констатирующей ситуацией) этого состояния объекта (субъекта) с других позиций (других отношений к другим актантам), например: (6a) *Man hat ihm im Krieg beide Beine abgeschonchen* "На войне ему оторвало (букв. отстрелили) обе ноги" → (6b) *Er hat keine Beine* "У него нет ног".

Подобная констатирующая ситуация называется *интравертной*, т.е. замкнутой, самодостаточной. Если же описание состояния субъекта (объекта) соотносится с каким-либо другим описанием, данным с других позиций (см. выше), то такие констатирующие ситуации называются *экстравертными*, т.е. открытыми.

Экстравертные ситуации состоят из двух констатирующих ситуаций, характеризующих состояние объекта (субъекта) с разных позиций. В зависимости от типа отношений между этими двумя

отображениями состояния объекта (субъекта) различаются следующие виды экстравертных ситуаций: а) эквивалентные; б) контрадикторные; в) конверсивные; г) несимметричные.

Эквивалентные констатирующие экстравертные ситуации содержат одинаковые (эквивалентные) отношения между характеризуемым актантом и другими актантами: (7a) *Diesen Verdacht hat ihm die Nachbarin eingeflüstert* "Это подозрение ему нашептала (внушила) соседка" → (7б) *Er hat diesen Verdacht* "У него есть это подозрение": А имеет О – С имеет О.

Контрадикторные констатирующие экстравертные ситуации содержат антонимичные (полярно-различные) отношения между характеризуемым актантом и другими актантами: (8a) *Der Verkäufer hat ihr den Schund aufgeschwatzt* "Продавец навязал ей барахло (своей болтовней, болтая)" → (8б) *Sie hat den Schund* "У нее есть барахло" + (8в) *Der Verkäufer hat keinen Schund* "У продавца нет барахла": А имеет О – С имеет О.

Конверсивные констатирующие экстравертные ситуации включают конверсивные отношения между характеризуемыми актантами и другими актантами, т.е. при симметричной замене позиций в ситуациях меняется на полярное и отношение между характеризуемым актантом и другим актантом: (9a) *Die Kinder haben ihre Kleider schon wieder erwachsen*. "Дети уже снова выросли из своих одежд" → (9б) *Die Kinder sind größer als ihre Kleider* "Дети больше чем их одежда" + (9в) *Die Kleider sind kleiner als die Kinder* "Одежда меньше чем дети: С есть больше, чем О – О есть меньше, чем С".

Несимметричные констатирующие экстравертные ситуации содержат две констатирующие ситуации, в которых объект характеризуется двумя разными способами, т.е. указываются два разных неэквивалентных состояния объекта. При этом отсутствуют контрадикторные или конверсивные отношения между двумя констатирующими ситуациями, а существующие отношения являются несимметричными, ср.: (10a) *Er hat sein Erbe verlebt* "Он прожил (=истратил) все свое наследство" → (10б) *Er hat kein Erbe* "У него нет наследства"; (10в) *Das Erbe existiert Erbe / Er gibt kein Erbe* "Наследство не существует": С не имеет О – О не существует.

Инtrавертные констатирующие ситуации, состоящие из одного описания состояния субъекта (объекта), подразделяются на субъектно-ориентированные и объектно-ориентированные ситуации. Интравертные констатирующие субъектно-ориентированные ситуации всегда являются индетерминированными (см. выше), ср.: (11a) *Insekten und Würmer bekriechen den Kadaver* "Насекомые и черви ползают по падали" → (11б) *Imehten und Würmer sind auf dem Kadaver*.

Интравертные констатирующие объектно-ориентированные ситуации являются обычно детерминированными, ср.: (12a) *Die Leichen wurden im Segeltuch eigenhaft* "Трупы зашли в парусину" → (12б) *Die Leichen sind im dem Segeltuch*; но, относительно редко, могут быть и недетерминированными, ср.: (13a) *Die Polizei überwacht den Verkehr* "Полиция следит за уличным движением" → (13) *Der Verkehr ist Anlaß der Handlungen der Polizei*.

Констатирующие ситуации

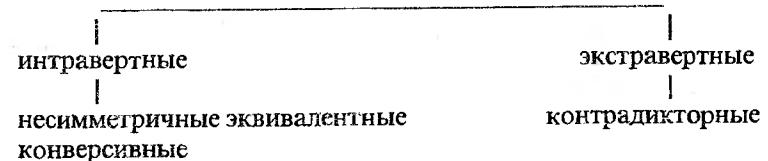

Рис. 1. Парадигматические отношения классифицируемых ситуаций

Констатирующие ситуации

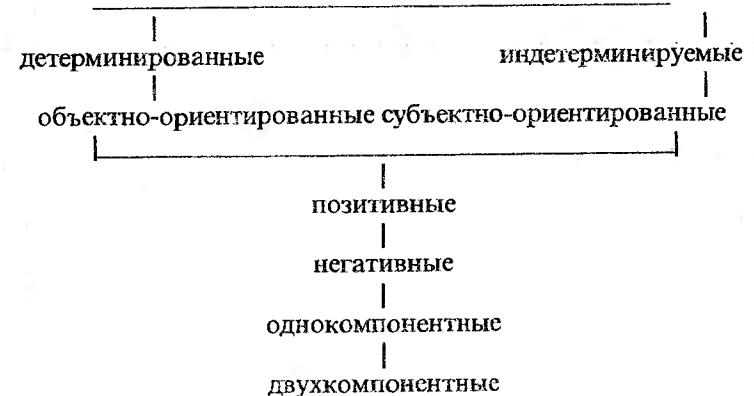

Рис. 2. Синтагматические отношения в классифицирующих ситуациях

М.В. Пименова
**Оценка концептов внутреннего мира
человека в наивной языковой
картине мира**

Проблема интерпретации образа человека в языковой картине мира пересекается с вопросом о способах выражения оценочного отношения к миру самого человека. Для человека социального свойственно давать оценку всему, с чем он сталкивается. "У языка много пред назначений, и каждое из них предъявляет свои права. Язык формирует концепты и суждения, осуществляет коммуникацию – повседневную и "долгосрочную", обслуживает социальные акции, участвует в свершении ритуалов, регулирует человеческие и социальные отношения, хранит историческую и культурную память народов, выражает и сохраняет знания о мире и человеке. ... стремясь передать индивидуальное и мимолетное, ощущение и впечатление, язык использует приемы, разрушающие границы концептов: они утрачивают определенность" [1, с. 3].

Образ человека в наивной языковой картине мира может быть реконструирован на основании различных языковых данных, образующих общекультурную картину человека, в которой оценка явления внутреннего мира наиболее важна и значима: "Два мира властствуют от века. Два равноправных бытия; Один объемлет человека, Другой – душа и мысль мой" (А. Фет).

Несмотря на то, что оценка выражает личные мнения и вкусы говорящего (мнения и вкусы отличаются у разных людей), в языковой картине мира существуют закрепленные способы выражения такой оценки. "Во внутреннем мире человека оценка отвечает мнениям и ощущениям, желаниям и потребностям, долгу и целенаправленной воле. Это создает ее конфликтность: оценка, порожденная желанием, отлична и от оценки, вытекающей из долга, и от оценки, вызванной нуждой" [1, с. 6].

Действие ассоциативного механизма приводит к появлению коннотативных компонентов в семантической структуре слова, их актуализация находит эксплицитное выражение в оценке концептов внутреннего мира, многие квалитативные характеристики которых пересекаются с оценочными. Так, например, метафоры чистоты при описании концептов *conscience* (совесть), *spirit* (дух) и *heart* (сердце) в английском языке пересекаются с метафорами оценки (ср.: *to keep a good heart* "сохранять добродушие"; *bad conscience* "грязная / запятнанная совесть"; *to be in good spirits* "быть в хорошем настроении"). "Оценка чаще всего бывает не независимой, она входит как часть в

общее построение описания или рассуждения с его аргументацией и органически связана с дескриптивной стороной текста в целом" [2, с. 204].

При оценке концептов внутреннего мира совершенно не используются метафоры цвета (*желтая мысль). Однако это свойственно другим метафорам, например, формам (*скомканные мысли*), звука (*гулко отзывалась в висках мысль*), ощущения (*мягкое сердце*). Все указанное относится к мотивационной оценке. Это критерии, или основания, оценки.

Прагматическая категория оценки основана на противопоставлении признаков "хороший / плохой". Как отметила А. Вежбицкая, "хороший – это соответствующий норме качества, а плохой – не соответствующий норме качества" [3, с. 56]. Хорошее и плохое настроение, так же как хорошая и плохая погода, приравниваются к прагматически обусловленным состояниям психической природы. В мире оценок действует истинность относительно концептуальной системы внутреннего мира, а не истинность относительно объективного мира. Природу не осуждают за снежную зму, дождливую осень и не хвалят за солнечную весну. Когда говорящий сообщает, что лето выдалось хорошее, а осень плохая, с информативной целью, он приписывает некоторые качества явлениям природы.

В двух приведенных случаях имплицитная оценка проникает в значение оценочного предиката, которому на этом основании приписывают функцию замещения. "Слово *хороший*, – пишет А.А. Ивин, – является заместителем имен естественных свойств, но не именем особого естественного свойства" [4, с. 43]. В лингвистике предпочитают говорить в этом случае о шифтерном типе значения. Оно может быть охарактеризовано также и как прагматическое значение в собственном смысле, поскольку его интерпретация всецело зависит от условий употребления. Вопрос о субъекте мнения в этих условиях не возникает.

Существование в языке общеоценочных предикатов продиктовано механизмами выведения оценки. Каждый объект субъективной действительности (явление или состояние, эмоциональная / ментальная активность или событие) является сопоставимым по числу и составу набором аксиологически релевантных свойств, которые принимаются во внимание при выведении общей оценки, т.е. при включении объекта в один из двух аксиологических разрядов. Эти свойства постоянно вступают между собой в конфликт. Объект внутреннего мира в разных языках может в одном отношении характеризоваться положительными свойствами, а в другом отрицательными (ср. в английском: *good / bad conscience*; в немецком: *ein*

gutes / schlechtes Gewissen; однако в русском языке концепт *совесть* уже включает в свой фрейм положительную оценку, поэтому невозможны сочетания **хорошая / *плохая совесть*). Основанием оценки служит стандартное положение вещей, принятое в данном языковом сообществе, представление об определенной нормативной характеристики; все, что ненормативно – является оценочным. "Аксиологическая противоречивость объектов заложена в их природе" [1, с. 72].

Прямая оценка явлений внутреннего мира в русском языке редко выражается при помощи лексем *хороший, плохой*, что больше свойственно для английской языковой картины мира. Для указания на ту или иную оценку в русском языке чаще используются иные языковые средства; оценка выражается при помощи категориальных признаков "добро" (*добродушие, добронравие, добросовестность, добровольно, добросердечность*). Следует отметить, что диспозициональный признак "зло" практически не свойственен для оценки явлений внутреннего мира, за редким исключением (*злонамерение*). Для выражения неодобрительного отношения к явлениям внутреннего мира используется отрицание категориальных признаков "добро" при помощи собственно языковых средств – отрицательной частицы *не* или приставки *не-* (*недобросовестность, не по доброй воле*).

Русское языковое сознание отмечает признак наличия некоторых явлений внутреннего мира как положительно расцениваемый концепт, поэтому соответствующие концепты могут квалифицироваться посредством превосходной степени сравнения (*лучшие умы России*) или при помощи аффективных слов, которые выражают положительную оценку (*замечательная душа, превосходный дух, замечательное воображение / сердце, превосходный ум*). Такие аффективные слова, как и общеоценочные, не обозначают дескриптивные признаки объектов, а выражают лишь отношение к оцениваемому.

Положительно оцениваемое выступает соответствующим идеализированной модели макро- и микромира, осознаваемой как цель бытия человека, а следовательно, и его деятельности; отрицательно оцениваемое обозначает не соответствующее этой модели по одному из присущих ей параметров. Отдельно от оценки существует нейтральное отношение к явлениям внутреннего мира. Чтобы отделить "плохое" от "безразличного" (неоцениваемого), т.е. вовсе не причастного к идеализированному представлению о жизни на земле, необходимо учитывать концептуальные особенности языковых соответствий.

Для отдельных концептов внутреннего мира свойственны особые оценки. Для концептов *ум* и *чутье* характерна инструменталь-

ная оценка (*острый ум, острое чутье*), для концепта *разум* – утилитарная и бенефактивная оценка (*благоразумие*). Инструментальная оценка указывает на превосходство данного объекта над другими объектами, служащими той же цели, утилитарная оценка основана на выборе того, что может быть полезным или благоприятствовать выполнению некоторой задачи. ... Утилитарное и бенефактивное добро находятся в контрадикторных отношениях к "бесполезному" (антонимия *полезное – бесполезное*) и в контрапротивных к вредоносному (антонимия *полезный – вредный, приносить пользу – делать зло, вредить*; ср. английское выражение *evil conscience*). Фон-Бринг замечает, что существительное *evil* "зло" употребляется для обозначения причиненного вреда (*the cause of harm*) и самого причиненного вреда (*the harm caused*).

Аксиологические значения могут быть представлены в языке двумя типами: общеоценочным и частнооценочным. Общеоценочное значение реализуется прилагательными *хороший и плохой*, а также их синонимами с разными стилистическими и экспрессивными оттенками (*замечательный, прекрасный, превосходный, отличный* и др.). Эти прилагательные выражают холистическую оценку. Второе значение (частнооценочное) разнообразнее представлено в языке. Сюда входят значения, дающие оценку одному из аспектов концепта с определенной позиции. ... Частнооценочные значения концептов внутреннего мира подразделяются на следующие категории: 1) сенсорно-вкусовые / гедонистические оценки (*sweetheart* "возлюбленный", где *sweet* "сладкий"; *горечь на сердце*); 2) психологические оценки, представляющие рациональный подход к оцениваемым концептам, осмысление мотивов оценки: а) интеллектуальные оценки (*глубокий ум, бачальная / глупая мысль, поверхностное мнение*); б) эмоциональные оценки (*веселое / грустное настроение, приятная / неприятная мысль*); 3) эстетические оценки, синтезируемые сенсорно-вкусовыми и психологическими оценками (*прекрасное воображение*); 4) этические оценки (*добродушие, добросердечный, почтенный ум* и др.); 5) утилитарные оценки (*вредные мысли*); 6) нормативные оценки (*правильное суждение, здоровое сердце, большое воображение*); 7) теодологические оценки (*удачная мысль*).

Согласно Н.Д. Арутюновой (1983) названные оценки можно объединить в три группы. В первую группу входят сенсорные оценки (связанные с ощущениями, чувственным опытом – физическим и психическим). Такие оценки ориентируют человека в природной и социальной среде. В эту группу входят две первые категории оценок, прежде всего те, которые основываются на физическом опыте; такие оценки обычно не мотивируются.

Вторую группу образуют сублимированные оценки. К ним относятся две категории – эстетические и этические оценки. Эстетические оценки связаны с удовлетворением чувства прекрасного, этические – с удовлетворением нравственного чувства. Эти два вида чувствований составляют ядро духовного начала человека, моделируемое в соответствии с его телесной ориентацией, по вертикали. В эти виды оценок вовлечены метафоры и интенсификаторы "высоты" и "низости" (ср.: *возвышенная душа, высокая нравственность, низменные цели, высокие порывы, низкие подозрения, высокий моральный дух, высокие идеалы и под.*). Эта группа оценок связана с понятием архетипа – нормы, образца, примера, потенциальных требований, предъявляемых к объекту. При этом положительная эстетическая оценка исключает строгую нормативность. Высокая эстетическая оценка имплицирует уникальность оцениваемого явления. Между тем положительная этическая оценка требует ориентации на этическую норму, соблюдение нравственного кодекса.

Последние три категории формируют группу рационалистических оценок, связанные с повседневным опытом человека. Их основные критерии: физическая или психическая польза, направленность на достижение определенной цели, выполнение некоторой функции, соответствие установленному стандарту. Имеются в виду те виды ценности, которые принято считать тривиальными, или относительными.

Прямая или косвенная оценка подразумевает наличие ценностной национальной картины мира, сосуществующей с предметной. Оценка явлений внутреннего мира указывает на существование некоторых стереотипов в такой ценностной картине мира, указание на которые отражается во многих языковых аспектах. Значение оценки возрастает, если она касается явлений внутреннего мира. Анализ такой оценки позволяет выявить культурные стереотипы языкового сообщества, формирующие ценностную картину внутреннего мира человека.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
3. Wierzbicka A. Semantics Primitives. Frankfurt, 1972.
4. Ивин А.А. Основания логики оценок. М., 1970.

В.А. Пищальникова Языковая игра как лингвосинергетическое явление

В статье мы попытаемся аргументировать положение о том, что при анализе языковой игры как специфического речемыслительного процесса эвристичен ряд лингвосинергетических постулатов, сформулированных мною и И.А. Герман во "Введении в лингвосинергетику" [1]. Они таковы.

Недискретность процесса речемыслительной деятельности предполагает исследование ее с помощью недискретных принципов. Синергетический подход, объединяя дискретно-структурный и континуально-структурный принципы исследования, позволяет акцентировать важное для выработки оснований анализа речевого произведения положение о том, что свойства речевой деятельности не столько присущи объекту сами по себе, сколько порождены условиями его существования и способом установления этих свойств.

При таком подходе изменяется и понятие целостности системы, которое рассматривается как ее особое состояние, субстанция, отличная от элементов системы. Законы системообразования в этом случае существенно отличны от законов сингаматики и парадигматики элементов, поскольку последние отражают характер только статичной взаимосвязи стабильных элементов языка.

Поскольку смыслопорождение континуально, а точки континуума операционально неопределены, значение лингвистических величин характеризуется вероятностью и плотностью вероятности. Вероятность двух последующих смыслов и их репрезентантов зависит от порядка, в котором они возникают. Структура текста – локализованный в определенных участках среды процесс, способный перемещаться в среде, перестраиваться в ней. Структура текста – неравновесно устойчивое состояние системы, когда уровень ее энтропии снижается вследствие самоорганизации элементов.

Система языковых репрезентантов сигнализирует временное состояние устойчивости речевого произведения как существенно нестабильной структуры, презентирует его семиотически.

Спонтанность изменения системы смыслов в процессе рецепции речевого произведения выявляет относительную самостоятельность ее по отношению к внешним воздействиям, т.е. зависимость порождаемых смыслов от ассоциативно-анперцепционного содержания концептуальных систем продуцента и реципиента.

Такой подход требует и пересмотра логико-рационалистической трактовки значения. Известно, что, несмотря на устойчи-

вость упомянутой традиции, современная лингвистика не имеет общепринятой дефиниции значения слова. Экспериментальные данные показывают, что индивид часто использует слова, не зная ни "полного" их значения, ни специфики употребления. Поэтому необходимо "обнаружить и объяснить, что знает человек, когда он знает (или полагает, что знает) значение слова, на чем базируется переживание значения слова как знакомого, понятного, какие стратегии и опорные элементы используются при поиске слова в памяти, при понимании воспринимаемого текста" [2, с. 98].

Важно, что психолингвистика обнаруживает ряд специфических особенностей значения, состоящих в том, что в процессе понимания индивид опирается на случайные признаки, так или иначе соотносящиеся со словом. Более того, сама форма репрезентации мнений и знаний не определена заранее, она обусловливается ситуацией познания и понимания и метакогнитивной активностью субъекта. Отсюда понятна позиция исследователей, утверждающих невозможность полноты описания значений слов. Все чаще в научной литературе встречаются высказывания, легко возводимые к В. фон Гумбольдту и А.А. Потебней. "Процесс речи нельзя сравнивать с простой передачей материала. Слушающий так же, как и говорящий, должен воссоздать его посредством своей внутренней силы, и все, что он воспринимает, сводится лишь к стимулу, вызывающему тождественные явления... в каждом человеке живет стремление порождать язык <...> Понимание, однако, не могло бы опираться на внутреннюю самостоятельную деятельность, и речевое общение могло быть чем-то другим, а не ответным побуждением языковой способности слушающего, если бы за различиями отдельных людей не стояло бы, лишь расщепляясь на отдельные индивидуальности, единство человеческой природы" [3, с. 78]; "... понимание в смысле тождества мысли говорящего и слушающего есть иллюзия. Наше слово действует и на других, но при этом оно устанавливает между замкнутыми в себе личностями связь, не уравнивая содержания этих личностей, а настраивая их гармонически"; "На слово нельзя смотреть, как на выражение готовой мысли.. слово есть выражение мысли настолько, насколько служит средством к ее созданию" [4, с. 28; 29]. Отметим кстати, что на фоне этих положений высказывания типа "Word meanings cannot be pinned down, as if they were dead insects. Instead, they flutter around elusively like live butterflies. Or perhaps they should be likened to fish which slither out of one's grasp" [5, с. 40] выглядят как "фрейшютц, разыгранный перстами неловких учениц".

Полагаем, что следование традиционному, логико-рационалистическому взгляду на значение слова, исчерпавшему свои объяснительные возможности, обуславливает и неуспешность объяснения механизма так называемой языковой игры (см. [6] и др.).

Трактовка механизма языковой игры как соотношения языкового стандарта и отклонения от него в речевом поведении личности не выявляет и не может выявить его сущности. Во-первых, потому, что такая позиция предполагает рассмотрение любого употребления языка как соотношения стандарта и отклонения от него, обусловленного прагматически. Во-вторых, такой путь анализа ведет к базальным утверждениям о разного вида / характера этого соотношения, которые и определяют-де специфику языковой игры. Но виды/характер соотношения принципиально неисчерпаемы. В-третьих, любая попытка опереться на "интегральную теорию лексического значения, включающую в его объем все коммуникативно релевантные признаки" [7, с. 4], обречена на произвольное ограничение этих "признаков", поскольку все их учесть невозможно, а основания преимущественного рассмотрения каких-либо из них не разработаны даже в малой мере, т.е. основания эти опять предполагается выводить "из контекста", а "структура значения" оказывается нерелевантной. Сама "интегральная теория" -- это следствие бессилия традиционной лингвистической парадигмы принципиально объяснить текстовый смысл исходя из так называемого системного (инвариантного) значения. Говоря о том, что "ЯИ (языковая игра. – В.П.) определяется различной допустимостью отступлений от канона в сознании и подсознании языковой личности" [7, с. 8], исследователь ничего не проясняет, ибо чем определяется эта допустимость, какими системными механизмами, остается не ясно.

Стремление исследовать лингвистический объект "в чистоте" заставляет утверждать, что "эффект ЯИ определяется деавтоматизацией ассоциативного контекста восприятия знака. Ассоциативная стратегия ЯИ является реализацией АПС (ассоциативного потенциала слова. – В.П.), заданной конструктивными принципами, операциональными лингвистическими механизмами и частными лингвистическими приемами, моделирующими игровое поле" [7, с. 8].

Возникает несколько вопросов. Во-первых, следует развести ассоциативный контекст восприятия знака и ассоциативный потенциал слова. Если говорить о втором, то он может быть ограничен чисто лингвистическими характеристиками слова как единицы языка и вербальными ассоциациями конвенционального характера, зафиксированными в частотной сочетаемости лексем. Это не исключает возможности явления языковой игры на основе "ненормированной

сочетаемости", т.е. практически на основе создания нового знака. Но тогда с представленных позиций языковой игры надо относить к *речевым*, не претендуя на выявление *языкового механизма*. Ассоциативный контекст восприятия знака лишь отчасти определяется языковой компетенцией реципиента и в значительно большей мере задается содержанием концептуальной (смысловой) системы индивида. Во-вторых, если рассматривать ассоциативную стратегию языковой игры как реализацию ассоциативного потенциала слова, то тогда из материала придется исключить все явления, в основе которых лежит *неязыковое* (не определенное устойчивым соотношением элементов языка как стабильной системы) содержание. А такие явления и составляют в большинстве случаев суть языковой игры. В-третьих, необходимо определить совокупность ядерных "конструктивных принципов, операциональных лингвистических механизмов", определяющих стратегию языковой игры. Точнее это означает выделение определенной совокупности лингвистических механизмов, ответственных за возникновение языковой игры, среди прочих и определение их типологического признака, "специфики". В-четвертых, необходимо показать соотношение лингвистических механизмов и "приемов", определить статус последних. Ведь смешение онтологических и гносеологических категорий в рамках заявленного подхода ведет к искажению объекта исследования и неопределенности предмета изучения. Кроме того, психологически, субъективно контекст всегда не автоматичен и зависит не только (а часто и не столько) от собственно языковых, но и от внеязыковых параметров восприятия слова. Само понятие ассоциативного контекста восприятия знака практически ничем не ограничено, поскольку слово вступает в различные ассоциативные связи невербального характера. Еще раз подчеркнем, что, на наш взгляд, выявляя специфику механизма языковой игры, следует говорить лишь о верbalных ассоциациях, причем устойчивых, конвенциональных. Противопоставление стереотипного и творческого в значении слова возвращает нас к известной дихотомии "субъективное и объективное" в слове. Известно, что попытки объяснить природу значения как независимую от индивида не привели к созданию непротиворечивой теории значения слова. Все более основательно аргументируется позиция, согласно которой значение слову приписывается человеком (см. [8–10] и др.). Это не мешает появлению работ, авторы которых безуспешно пытаются отделить "чистый" текст от якобы не способствующих пониманию категорий автора и реципиента [11]. Сказанное позволяет заключить, что попытка объяснить специфику механизма языковой игры с опорой на интегральную теорию значения изначально мало успешна.

Способность к семиозису, приписыванию значений, будучи физиологически обусловленной, реализуется по определенным закономерностям. Значения не случайны не потому, что они "объективны", а потому, что они определены структурными соответствиями смыслов в определенной концептуальной системе, целенаправленно продуцирующей/воспринимающей речевое произведение. Т.А. Гридина считает одним из главных вопросов "свободу и зависимость речевого творчества от системных тенденций развития языка, понимание природы речевого творчества в свете дихотомии "системное – асистемное (аномальное)..."⁷ [7, с. 5].

Если учесть, что речемыслительная деятельность – открытая нелинейная диссипативная система, то актуализируется понятие структуры как функциональной категории. Тогда дихотомия системное – асистемное теряет смысл, понятие аномального становится избыточным. На наш взгляд, точнее говорить о соотношении вербальных компонентов в процессе языковой игры как взаимодействии его стабильных и нестабильных, но не аномальных компонентов, поскольку система речевого произведения эволюционирует в соответствии с принципом самоорганизации и "аномальным" языковой факт является не для самого языка, а для носителя его, владеющего знанием лишь об определенном стабильном состоянии языка (=обладающим языковой компетенцией). Наряду с этим индивид обладает и языковой способностью, т.е. умеет пользоваться неосознаваемо и осознанно языковыми механизмами. Так вот по отношению к языковым механизмам аномальных явлений в языке быть не может. Т.А. Гридина пишет: "Восприятие слова в игровом ассоциативном поле ставит перед говорящим задачу обнаружения системных закономерностей, представленных как парадокс. ... В действие, таким образом, включается языковой мотивационный стереотип ... что при изначально условной установке ЯИ создает парадокс щутливого толкования. <...> Ассоциативный контекст восприятия слова в игровом поле есть одновременно отход от узального стереотипа его интерпретации и актуализация системных параметров такого отклонения, что составляет ассоциативную стратегию ЯИ" [7, с. 14–15]. Здесь обнаруживается смешение, с одной стороны, позиции говорящего, с другой – слушающего. При этом в объяснении механизма языковой игры участвуют понятия "парадокс", "условная установка" (должно быть, речь идет об установке на условность коммуникативного акта/речевого произведения), "щутливое толкование", которые только указывают на некоторые механизмы понимания при языковой игре, но не выявляют их сущности. Кроме того, может быть, следует говорить не об "актуализации системных параметров отклонения" (Курсив мой. –

В.П.), а об актуализации *системных, но не узуальных* параметров слова/словосочетания, что ведет за собой и отказ от узуальной его интерпретации.

На наш взгляд, дело не в актуализации некоего ассоциативного контекста слова (это еще вопрос, контекст создает значение слова или доминантный смысл задает параметры контекста, в котором смысл обнаруживается), а в том, что разные модели смыслопорождения, включающие в свою структуру стабильные языковые компоненты, операционально совпадают. Такие модели – проекции, ментальные аналоги языковых механизмов, отражающих стабильное состояние системы языка. Это симметричные компоненты языковой способности. Такая модель/механизм, будучи элементом речемыслительной деятельности, существует в определенной среде – языковой/неязыковой компетенции. "Языковая игра" вызывается, таким образом, различием симметрий (соотношения элементов, приводящего к неустойчивому равновесию систем) формирующегося смысла и среды его существования.

Модели, характеризующие языковую способность, операциональны и не осознаются до тех пор, пока существуют в симметричных же структурах среды, ассоциативно связанных с моделями смыслопорождения.

Высокая степень абстрактности этих моделей приводит к возможности их случайного соотнесения с симметричными же структурами среды (языковой компетенции), соотносящимися с иными концептуальными областями. Это возможно в силу универсальности закона аналогии, возникающей на основе интегративной функции мышления.

Вот почему можно говорить об установлении закономерностей механизма именно языковой игры: языковая система – это система стабильных, симметричных компонентов, которые сохраняют нестабильную устойчивость системы в определенные моменты ее эволюции. При этом не нужно противопоставлять или, напротив, объединять позиции продуцента и реципиента, поскольку в этом соотношении правомерно рассмотрение функционирования асимметричных компонентов – другой стороны эволюции языка, т.е. в тексте рассматриваются только те симметричные (стабильные, узуальные) компоненты, которые сохраняются (воспринимаются, присваиваются) в процессе понимания как встречно порождаемом высказывании. Несовпадающие, несимметричные компоненты – объект исследования психолингвистики и того аспекта лингвосинергетики, в котором изучается совокупность асимметричных элементов систем – диссимметрия (термин П. Кюри) [12]. Соотношение стабильных, симметричных компонентов языка, приводящее к образованию но-

вых операциональных (т.е. в традиционном смысле языковых) структур, можно назвать *динамической симметрией языка*.

Операции со стабильными языковыми структурами как реализация особой модели порождения значения – вот в чем сущность механизма, называемого языковой игрой. Эффект языковой игры возникает не вследствие взаимодействия ассоциативных полей слов, а вследствие действия над операцией: неустойчиво стабильная языковая система развивается изнутри за счет превращения операций в действия (известно, что обратный процесс – превращение действия в операцию – является устойчивой психической закономерностью). Это возможно потому, что характер симметрии в сближаемых/ближающихся моделях одинаков. В симметрии определено 32 группы внешней формы и 230 типов внутренней структуры [13], и не удивительно, что некоторые явления, имеющие сходные/одинаковые структуры, могут оказаться в одной "точке" среды. В языке это тем более возможно, поскольку носители языка активно владеют ограниченным числом знаков, ассоциируемых с ограниченным числом моделей. Другое дело, что эти модели высокого уровня абстракции, проецирующие действие языковых механизмов, способны в принципе соотноситься с бесконечным количеством языковых единиц, имеющих тот же вид симметрии. То, что называется языковой игрой, – отнюдь не "отступление" от закономерностей существования языка. Напротив, это один из древнейших механизмов осуществления языковой способности как неосознаваемого владения единицами и структурами языка. Языковой механизм заставляет носителя языка обнаружить модельную аналогию неконвенционального характера. И в этом, кстати, одно из проявлений регулирующей, суггестивной функции языка.

Креативность описываемого процесса – в том, что для осуществления описанной языковой закономерности всякий раз ситуативно используется "случайная" единица, случайная лишь по своей субстанции (веществу). Но не случайная по характеру ее симметрии (в спонтанной речи это проявляется особенно наглядно). Например, возможна замена одного грамматического свойства мотивирующего слова другим в силу одинаковой симметричности их грамматических структур. Эта "случайность" способна повести за собой актуализацию словообразовательного форманта говорящим, который, используя в процессах продуцирования речи частотные словообразовательные модели, чаще всего не осознает словообразовательное значение аффиксов. В описываемом же процессе операциональное содержание, например, грамматическое значение аффикса, становится компонентом действия, определяемым структурой деятельности говорящего, компонентом, предзаданным эволюцией этой дея-

ности, и случайным он выглядит лишь с точки зрения реципиента. Таким образом, происходит актуализация операции как психолингвистического компонента речемыслительной деятельности. Как действие может становиться операцией, так и операция способна приобретать статус действия. Для этого не нужно даже такой целенаправленной деятельности, как осознание условности игрового поля, – нужно лишь, чтобы в неустойчивом равновесии речевого произведения говорящего произошла какая-то предзаданная его речемыслительной деятельностью (содержанием концептуальной системы) актуализация стабильного компонента, приводящая систему в состояние самоорганизации, когда потенциальные возможности языка как семиотической системы проявляют один из возможных путей его эволюции. Язык как семиотическая система не накладывает никаких ограничений на смысл. Эти ограничения накладываются ментальными стереотипами, поведенческими нормами, социальными институтами и т.д. Поэтому возможности означивания у языка безграничны, и уже этим определяется способность языка проявлять по сути бесконечные сочетательные возможности. Вот почему языковая игра – это универсальный, а не специфический языковой механизм, один из способов проявления универсальной языковой способности к использованию языковых операций в функции действий. Операционный языковой компонент становится носителем новой информации не в силу того, что у него появляется ранее не присущее ему "новое" значение, а потому что изменяются вследствие его актуализации связи между отдельными операционными структурами. И вот эти-то связи ассоциативными в данном случае считать нельзя, потому что операционность, присущая ассоциации, здесь исключается. Можно сказать, что языковая игра – момент становления нового знака или новой неустойчиво стабильной языковой структуры, момент экспликации "становящегося бытия" смысла. Креативность чаще связывают с говорящим индивидом, с творческим использованием им языка. Однако в случае языковой игры мы имеем дело с внутренним динамическим механизмом функционирования языка, "запограммированным" на естественную эволюцию языка как семиотической нестабильной системы. Чтобы не множить уводящие в сторону от сущности проблемы ассоциации, вернее говорить не о "креативности", а об общезвестном универсальном свойстве языка – динамизме, которое осуществляется и в механизме языковой игры.

Так, изменение характера управления у слова *колун* в значении *фехтовальщик*, обусловленное одинаковым типом симметрии разных словообразовательных моделей, приводит к переосмыслению операционного содержания и другого компонента: суффикс *-ун-*

начинает проявлять значение, свойственное иной операциональной структуре (прыгун, бегун), где мотивирующее слово – глагол непереходный, в силу чего производное слово обозначает не действие или предмет, предназначенный для осуществления действия, а деятеля. Таким образом, актуализируется присущее суффиксу *-ун-* абстрактное значение деятеля, которое в *разной степени* актуально для всех операциональных моделях с этим суффиксом, но актуальность его в каждом случае зависит не столько от "структуре значения", сколько от связей его с другими симметричными операциональными структурами. Практически в этом случае можно предсказать пути создания "игровых" слов, если исследовать, как изменяются связи слова с иными операциональными структурами в зависимости от актуализации того или иного компонента деривационного значения. Отсюда в рассматриваемом примере языковая игра заключается в том, что мотивирующая основа актуализирует действие, принадлежащее одной из одинаково симметричных моделей, а присоединяемый аффикс – свойство, принадлежащее другой, т.е. происходит актуализация *операционального механизма*, соотношения структур одного типа симметрии, акцентируется отношение между составляющими деривационного процесса, отношение, которое системой языка принципиально не запрещается. Нестабильность таких образований позволяет носителю языка понять то, что обычно определяется как "имплицитное значение", – *процессуальность становления структуры смысла, заданную нестабильным компонентом когницио*. Это вовсе не исключает того, что такая нестабильная структура не может стать устойчивым, симметричным компонентом. Условия перехода окказиональных образований в узуальные достаточно хорошо описаны. С другой стороны, сам операционный механизм языковой игры широко эксплуатируется в ряде жанров устной и письменной речи. "Условность" языковой игры, о которой говорят некоторые исследователи, определяется не механизмом, а именно границами этих жанров. Подчеркнем еще раз, что наиболее очевидно механизм языковой игры обнаруживается в спонтанной устной речи, когда игра слов возникает не намеренно, неожиданно даже для продуцентов речи. В тех же речевых жанрах, где языковая игра используется намеренно (анекдот, пародия и др.), она имеет статус *приема* – намеренного использования операции, – использующегося с большей или меньшей эффективностью. Так, в некоторых сегодняшних газетах возрождается начатый в свое время "Литературной газетой" ТЭС – толковый этимологический словарь, авторы которого создают иногда удачные, иногда менее удачные статьи для этого шутливого словаря (например, гашиш – урожай картофеля, самородок – выкидыш, менталитет – высшее руково-

дство УВД, курилка – курящая женщина, старуха – старая уха и т.п.) [14, с. 12].

Словом, креативность – на деле актуализация самых общих закономерностей языкового механизма как семиотической системы. Вот почему мы не можем согласиться с мнением молодого исследователя о том, что "ЯИ – это не операциональный механизм ... а вид целенаправленного речевого действия, не имеющего внеположенного действия и в рамках практической логики направленного на самого себя" [15, с. 65]. Языковая игра – это обязательно механизм операциональный, но включающий в качестве составляющих *актуализированные операции*. Существует лингвокогнитивный механизм преобразования операций в действия, и этот механизм операциональный, обнаруживающий одно из универсальных свойств языка.

Поэтому едва ли можно согласиться с тем, что наиболее удачным для описания языковой игры является прагматический подход, поскольку у прагматики нет своего предмета исследования и круг изучаемых ею вопросов в принципе произволен. Можно, конечно, "исследовать вопрос, как игровая установка реализуется в правилах протекания речевого акта и как она влияет на структуру речевого высказывания" [15, с. 65–66], но лишь для высказываний определенного жанра – для тех, где такая установка имеется. Однако для механизма, называемого языковой игрой, эту конечную совокупность правил установить в принципе невозможно, поскольку языковая игра – лингвоментальный синергетический процесс. В попытке исследовать сложнейшие языковые механизмы следует, вероятно, отходить от привычных, традиционных воззрений на лингвистический объект, ибо стремление ответить на вопрос, *как* функционирует язык (не *что* обозначает, а *как* обозначает), при сохранении представлений об объекте только как совокупности стабильных компонентов внутренне противоречиво. Когда утверждается, что "цели языковой игры варьируются в разных контекстах", то ничем, кроме попытки "втиснуть" генетически нестабильную структуру в привычные представления о константной системе языка, такие попытки объяснить нельзя.

Если считать, что языковая игра – это механизм (=способ) презентации смыслов, то нельзя ставить цель речевого произведения в зависимость от него. Напротив, цель определяет и способ, и средства презентации смыслов. И здесь важно разграничивать языковую игру как способ коммуникативного речепроизводства и как способ эстетической коммуникации (сюда могут быть отнесены любые виды речевой деятельности, при которых индивид вполне осознает условность такой деятельности). В обычной же коммуникации,

в том числе и осуществляющей с помощью механизма языковой игры, речевое действие не существует ради себя самого.

Цель речевого действия обнаруживается в его структуре. Использующий механизм языковой игры в качестве приема не скрывает цель речевого произведения, а целенаправленно задает двусмысленность, представляя определенную когнитивную модель. Тогда в языковой игре наблюдается *намеренный параллелизм* смыслов, причем смыслов явных, поскольку структура речевого произведения задает воспринимающему еще и *механизм их соотношения*. Поэтому противопоставление эксплицитного-имплицитного ничего не объясняет в механизме порождения и восприятия явления языковой игры, а лишний раз демонстрирует неспособность объяснить механизм действия языка только отношениями стабильных его компонентов. Чрезвычайно интересен с точки зрения анализа языковой игры как целенаправленной речевой деятельности (= приема создания комического) "Энтомологический словарь", представленный в книге Б.Ю. Нормана [16]. Безусловно интересно содержание "словарных статей", однако для аргументации высказанных нами положений гораздо более важно исследование соотношения содержания словарных статей с пометами. Поскольку речь идет о намеренно задаваемой (далеко не всегда очевидной) двусмысленности слова, то пометы указывают на среду обитания слова – на определенный участок концептуальной системы, задавая "поле интерпретации" смысла слова. Собственно говоря, задается когниция, необходимая при осмыслиении слов "энтомологического словаря". Такие пометы уменьшают количество логически возможных типов взаимодействия помет с текстом статей, хотя не исключают и другие вероятностные пути образования значений слов, новых знаков. Например, помета (спорт.) у слова "нагоняй" повышает вероятность понимания слова как "спурт"; аналогично "померанец" (мед.) как "тяжелобольной", "завалинка" (студ.) как "сессия" и др. Кроме того, в "словаре" имеются пометы, которые указывают не только на тематическое поле интерпретации, но и на необходимость актуализации определенной симметричной словообразовательной модели: горбуша (ласк.) – верблуд, лягушка (ласк.) – норовистая лошадь, ссадина (руг.) – контролер и др.

Особенно очевидно суть механизма языковой игры обнаруживается в намеренном использовании конструкций предложений типа: Здравствуйте, я ваша тетя! (приветствие – выражение крайней степени удивления или недовольства); Очень он мне нужен! (действительно нужен – не нужен); Так я и верну! (верну определенным образом – не верну никогда) и многих других, поскольку подобие предложений здесь полное (конгруэнтная симметрия), т.е.

операциональные модели, совмещаясь во всех компонентах, тем не менее задают двусмысленность интерпретации текста.

Языковая игра не разрушает стандарт и штамп – она использует их, демонстрируя заложенные в них вероятностные пути эволюции языковой единицы в среде ее обитания – речевом произведении.

Литература

1. Герман И.А., Пищальникова В.А. Введение в лингвосинергетику. Барнаул, 1999.
2. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М., 1999.
3. Гумбольдт В. фон. Избранные работы по языкоznанию. М., 1984.
4. Потебня А.А. Слово и миф. М., 1989.
5. Aitchison J. Words in the mind: An introduction to the mental lexicon. Oxford, 1987.
6. Гридин Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996.
7. Гридин Т.А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи (явление языковой игры): Автoref. дис. ... докт. филол. наук. М., 1996.
8. Павиленис Р.И. Проблема смысла: логико-функциональный анализ языка. М., 1983.
9. Johnson M. The body in the mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason. Chicago, 1987.
10. Lakoff G. Embodied minds and meanings // Baumgartner P. @ Payr S. (Eds.). Speaking minds: Interviews with twenty eminent cognitive scientists. Princeton, NJ, 1995.
11. Мышкина Н.Л. Внутренняя жизнь текста. Пермь, 1998.
12. Кюри П. Избранные труды. М., 1966.
13. Крикштопайтис И.Б. Классическая концепция вещества. Вильнюс, 1984.
14. ТЭС // Голос. 1999. №48.
15. Доронина С.В. Принципы прагматического описания игровых произведений (на материале современного русского анекдота) // Текст: структура и функционирование. Барнаул, 1998.
16. Норман Б.Ю. Язык: знакомый незнакомец. Минск, 1987.

Е.В. Рылова
Символ как
лингвосинергетический объект

Символ представляет собой множественное варьирование значения и способен актуализировать в сознании реципиента сложный синтез смыслов – продукт нескольких синергетических систем. Это особый концентрат энергийности, смысловой потенциал, но присущая символу уникальность содержания не отнимает у него знаковых свойств: быть относительно устойчивым в социуме и дискретным – для того, чтобы фиксировать знание, иметь сочетательную способность – передавать различные смыслы.

Познание природы символического есть постижение знания, постоянное движение в поисках смысла. Процесс интериоризации знания опосредован мышлением, которое может быть определено как "деятельность с отсутствующим предметом, ...опирающаяся на языковые знаки", это есть "знаковая форма осуществления деятельности" [1, с. 12].

Современные исследователи психологии языка и философы подчеркивают естественную связь языкового мышления с идеальным. Философам античности, которым, по словам В. фон Гумбольдта, было свойственно "более высокое проявление внутренней человеческой природы", детально освещали идею гармонии в своих трудах. Платон утверждал следующее: "Движение, представляющее (самое близкое) сходство с тем божественным началом, которое живет в нас, – это есть мысли о вращении вселенной. А потому каждый из нас должен сообразоваться (в своей деятельности) с этим принципом движения; и вращения (совершающиеся в нашей голове), поврежденные уже при самом своем происхождении, приводят в порядок изучением гармонии и вращения вселенной" [2, с. 41–42].

Если воспользоваться посевской *субстанциально-интегральной* терминологией (где субстанция и структура диалектически воссоединяются) античной эстетики, то она удачно согласуется с современными физическими законами организации и самоорганизации: понимание гармонии базируется на представлениях "вечности и игры" [2, с. 162] – "вечном вращении", то есть периодическом превращении космоса в хаос и хаоса в космос", основой же такого вращения является оно само [2, с. 163–164].

Последние работы Г.Г. Москальчук, В.А. Пищальниковой, синтезирующие знание естественных и гуманитарных наук в "лингвосинергетику" [1], подчеркивают перспективность презентации любой лингвистической и речемыслительной проблемы с точки

зрения процессуальности особого свойства: самоорганизующейся и самопорождающей новые смыслы. Появляется новый объект исследования – текст как самоорганизующаяся система, психолингвистические и синергетические методы анализа которой позволяют, с одной стороны, расширять ее пределы, включая психические, физиологические, нейрофизиологические структуры, а с другой стороны, выделять "детерминированные компоненты" смысла [3, с. 78] такой объемной системы самоорганизации. Обнаружение "смыслового инварианта" [3, с. 78] этого процесса допускает возможность моделирования отдельных его структур, например, символических, являющихся предметом нашего внимания. Сам синергетический подход к исследованию структуры текста можно назвать "гармоническим", где гармония есть "единораздельная цельность при любом оформлении и дроблении этой цельности" [2, с. 7].

В истории языкоznания мысль о деятельностном аспекте рассмотрения языка принадлежит, как известно, В. фон Гумбольдту. Главный двигатель языкового развития – "дух народа", названный автором "высшим принципом", есть нечто *трансцендентальное*, так как познать его можно только посредством языка – "деятельности духа" [4, с. 70]. Такое взаимоопределение языка и мышления как "духа", и всеобъемлющее и обладающее энергией, приводит к установлению "анalogии процессов различной природы" [3, с. 78], действующей в синергетике. Существование таких процессов (психических, физиологических, нейрофизиологических) как одного целого возможно в речемыслительной синергетической деятельности – "нелинейной открытой среде, в которой границы между субъектом и внешним миром размыты" [5, с. 40]. Тезис Гумбольдта о том, что "язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык" [4, с. 68], не простое тождество, а "созидающий процесс" [4, с. 70], реализующийся в слове, где сама реализация (речевая деятельность) "всегда связана со звуками" и "звуки возникают как четко выраженное единство" [4, с. 75].

Презентация символизации как речемыслительной синергетической деятельности помогает выделить и синтезировать смысловые компоненты символической структуры. Современный философ В. Бибихин сопоставляет различные концепции знания о символе и констатирует: "...у символа нет непосредственной связи и тождества с символизируемым" [6, с. 207], "символу не хватает другого" [6, с. 209], но при этом он не является "простой противоположностью. Он не просто отколотая половина, а прежде всего – часть целого, какое вместе составляют две половины" [6, с. 209]. И осуществление этого "целого", символа и символизируемого, "+" и "-", происходит

в субъекте, в его ККМ. Процесс символизации есть ярчайший пример аналитико-синтетической деятельности мышления (данная аксиома верна и в обратном порядке). Природа человеческого и символического такова, что этот процесс может протекать до бесконечности, повторяя одну и ту же модель и варьируя символизируемое. Относительно этого феномена верна французская пословица: "Чем больше это меняется, тем больше остается тем же самым".

Символ статичен, он есть *ставшее*, это симметричное образование, но его структура имеет свойство подвергаться флуктуациям – "смысловому скачку" от одного значения к другому. Эта фаза соотносима с процессом метафоризации, и "направление самоорганизующейся системы смыслов, голографически отраженное в метафоре" [7, с. 65], может быть раскрыто только аналитически, при помощи моделирования символической структуры на основании лексических репрезентантов.

Пользуясь терминологией синергетики, логично сопоставить символ в тексте с позицией креативного атTRACTора (КА) – фазы смыслопорождающего процесса, который в психолингвистике соотнесен В.А. Пицальниковой с ломинантным личностным смыслом (ДЛС), это средоточие внутренних эмоциональных и смысловых констант. Исследования творчества поэтов-символистов доказывают, что анализируемые структуры всегда принадлежат зоне КА.

Для реципиента символ прежде всего стереотип, устойчивая когнитивная форма хранения информации, поэтому при восприятии символического "тела знака" актуализируются сразу несколько самоорганизующихся систем (культурологическая, лингвистическая, нейропсихофизиологическая), возникает наибольшая энтропийность, и "помощником" в нахождении верного смыслового вектора будет выявление доминантной эмоции (ДЭ), направляющей речемыслительную деятельность и детерминирующую ДЛС.

В. Бибихин видит в символе "тайную перекличку смыслов", "неявные созвучия", "некую истину", которая "прошла веци мира" [6, с. 179]. Таким смысловым скреплением, на наш взгляд, можно считать *harmonie* – "соглашение", "согласие", "мирное сожительство", "договор"; *harmonieisi* – "перекладины" [2, с. 13] – закон единства, целого. (Надо заметить, что древнегреческие термины символа и гармонии имеют синонимичные значения: *symbolos* (м.р.) – "договор", "сделка", "документ"; *symbole* (ж.р.) – "смещение". А.Ф. Лосев, анализируя труды философов античной эстетики, представляет несколько вариантов этимологии этого слова. Так, Гесихий подчеркивает "именно совместность и объединенность двух начал наравне со свидетельством или законом этого единения". Гигон счи-

тает исходным для символа его понимание как "дощечек гостеприимства..." [2, с. 464].

Исследователи пропорции золотого сечения находят реализацию этого принципа и в структуре ДНК, и в произведениях искусства, и в биоритмах мозга. Г.Г. Москальчук основывает свой метод анализа структуры и самоорганизации текста на понятии "гармонического центра" (ГЦ): "Для текста ГЦ является сильной позицией, стягивающей воедино ... все наиболее существенные структурные, ритмико-интонационные, смысловые связи ..." [8, с. 42]. Как позиция, ГЦ "содержит наиболее важные элементы формы и смысла, их считывание позволяет быстро и экономно проникать в суть авторского смысла", в ГЦ находится "содержательно-эмоциональная кульминация произведения" [8, с. 64].

В синергетических объектах структура есть элемент содержания, следовательно, рассмотрение ГЦ как сильной позиции, соответствующей "любому дроблению определенной целостности" (здесь слову), позволяет выделить смысловые элементы, соответствующие звуковым значениям и способные совершать бесконечные флюктуации символической структуры. ГЦ для слова-символа раскрывает "внутренний дух" этой единицы.

Слово всегда "двоичное единство – звука и понятия", утверждал Гумбольдт. Понятиям должны соответствовать "истоки производности в звуках, с тем чтобы не нарушать родства понятий и звуков" [4, с. 90–91]. Совместное использование методик А.П. Журавлева и Г.Г. Москальчук наглядно продемонстрировали представленные выше теоретические положения: звучания слов действительно гармонично слиты с их значениями, но "жизненная сила", обеспечивающая прямое и переносное употребление [9, с. 49], заложена у символа уже в ГЦ. Взаимозамещающее функционирование в символической структуре возможно на основании совмещения "общности – противоположности" признаков ГЦ.

Из анализа ГЦ символической структуры следует принадлежность смыслового компонента *оценочности* ("предельная основа гармонии", по А.Ф. Лосеву) как "характеристики мыслительного содержания" [10, с. 55] к анализируемой позиции. Ведущий мотив символизирующего субъекта коррелирует с оценочностью ГЦ, что сужает креативное поле смыслов и определяет смысловую доминанту символической структуры. ДЭ и оценочность детерминируют движение в синергетических системах.

Гармония языка, как и гармония любой другой синергетической системы, обнаруживается на более мелких отрезках членения, она не "случайное украшение", а "следствие, вытекающее из всей его

сущности, надежный пробный камень его внутреннего и общего сориентирования. Ибо внутренняя работа духа только тогда достигает высочайших вершин, когда ее пронизывает чувство прекрасного" [4, с. 109].

Вся предыдущая "жизнь" символа является "темой" для дальнейшего раскрытия субъектом. П.А. Флоренский сравнивает символическую структуру с музыкой: "... символ сам по себе еще не есть музыка, но станет таковой лишь после контрапунктической разработки его нашим духом, и при том – непременно личной, непременно всякий раз, хотя бы и воспроизведимой, – но творчески". Автор описывает символ как самоорганизующуюся структуру: это "дифференциальное уравнение движения, причем *интеграл* ("смысловой скачок") этого уравнения каждый раз определяется заново, сообразно с начальными условиями всего жизненного опыта данной личности, данной среды, эпохи и момента..." [11, с. 19].

Лингвосинергетическая сущность процесса символизации раскрывает многогранность инварианта символической структуры, приближая к истине природу символического.

Литература

1. Пиццальникова В.А. Проблема речевого мышления с позиций теории речевой деятельности // Семантика и pragmatika текста. Барнаул, 1998.
2. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. М., 1994.
3. Пиццальникова В.А. Речевая деятельность как синергетическая система // Известия АГУ. 1997. №2.
4. Аршинов В.И. Синергетическое движение в языке // Самоорганизация в языке. Опыт философского осмысливания. М., 1994.
5. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
6. Бибихин В.В. Язык философии. М., 1993.
7. Пиццальникова В.А., Герман И.А. Метафора как компонент речемыслительной синергетической деятельности // Единицы языка и их функционирование. Вып. 4. Саратов, 1998.
8. Москальчук Г.Г. Структурная организация и самоорганизация текста: Монография. Барнаул, 1998.
9. Журавлев А.П. Звук и смысл. М., 1991.
10. Зинченко В.П. От классической к органической психологии // Вопросы психологии. 1996. №6.

А.Г. Сонин
**Идеограмма как средство структурной
оптимизации текста комикса**

Комикс является уникальной разновидностью гетерогенных текстов. Он соединяет в себе семиотические средства, отражающие все основные этапы в развитии письменности. Рисуночная составляющая комикса – самый древний (пиктографический) тип письменного текста, компоненты которого максимально мотивированы, поскольку непосредственно изображают объект. Идеографическая составляющая кадра в большей степени ориентирована на презентацию абстрактных понятий. Она связана с более поздним этапом в развитии письменности. Наконец, более чем 80% кадров в комиксе включают вербальный (алфавитный) текст, самый "молодой" тип письма, представляемый лингвистами как наиболее "символический".

В этой статье основное внимание уделяется использованию идеограммы – "среднего элемента" между пиктографией и алфавитным письмом. История идеографического письма исчисляется не одним тысячелетием. Тем примечательней, что оно оказывается все более востребованным современной западной цивилизацией. По нашему мнению, это убедительно демонстрирует, что *такой вид письма имеет некоторые преимущества в презентации речевых произведений и ментальных процессов (а значит, и в воздействии на процессы смыслопорождения) как перед дискретным алфавитным письмом, так и перед неподдающейся однозначному чтению пиктографией*. Продолжая тему исторических параллелей, отметим, что египетское иероглифическое письмо являлось сложной и громоздкой системой, соединявшей в себе элементы идеографического, слогового и алфавитного письма. Однако египтяне не спешили отказываться от нее. По мнению французского исследователя П. Верню, происходило это вовсе не потому, что они не могли и помыслить письма без идеографии. Нередко слова, имевшие соответствующую идеограмму, записывались при помощи алфавита, а иногда использовались и сразу оба варианта написания (ср. похожую избыточность в комиксе). Более того, для записи иностранных слов скрибы изобрели особую систему, приписывающую группе знаков определенное слоговое значение и исключающую использование идеограмм. П. Верню заключает, что иероглифическое письмо не было вытеснено более экономичной системой, т.к. роль его не исчерпывалась простой записью информации. Благодаря своей figurативной природе, оно функционировало как рисунок (или группа рисунков)

и как набор конвенциональных знаков, что обеспечивало существование определенной игры в написании, которая являлась в Египте объектом теологической рефлексии (см. Vernu, P., *L'écriture de l'Egypte ancienne, L'espace et la lettre, Cahiers Jussieu N 3, coll. "10/18", Union Gélytale d'Editions, 1977, p. 61-78*).

По месту расположения идеограмм в комиксе мы различаем те, что связаны с верbalным компонентом, и те, что функционируют непосредственно в пространстве рисунка. Перечень последних достаточно ограничен и сводится к трем основным:

- мелкие капли вокруг головы персонажа – графическая метафора, построенная на известном психофизиологическом феномене: холодный пот, выступающий от испуга;
- звезды, круги, колокола и свечи, изображающие последствия полученного персонажем удара и имеющие ту же основу, что и первая идеограмма;
- ноты, представляющие звуки музыки и призванные обеспечивать наряду со звукоподражаниями шумовой фон в кадре. В отличие от композиторов авторы комиксов изобрели способ записи фальшивого исполнения. Для этого используется кривые, дрожащие или развернутые в обратную сторону ноты.

Значительно более разнообразное использование идеограмм в качестве дополнения верbalного кода относится в первую очередь к речевому компоненту и практически не затрагивает комментариев. Нами было отмечено всего два случая использования идеограмм в функции комментария. Это песочные часы, символизирующие течение времени, и рюмки с вином, которые в совокупности со связывающими их знаками сложения указывают не только на течение времени, но и на то, каким образом оно было проведено.

Наиболее разнообразное использование идеограмм отмечается в графическом пространстве речевого компонента, где этот символический язык направлен прежде всего на *репрезентацию эмоциональных состояний* героев комикса. По характеру представляемой эмоции мы разбили наиболее частотные идеограммы на 2 группы:

- положительные (сердечко, птицы, цветы, колокольцы, купидон);
- отрицательные (взрывчатка, череп, свастика, нож, бритва, кляксы, банка с ядом, разбитое сердце, брызги грязи, молния).

Этот список показывает, что практически все исследуемые идеограммы носят интернациональный характер, что, на наш взгляд, может свидетельствовать о прямом (не опосредованном вербализацией) характере их воздействия на универсальные базовые когнитивные структуры человека. Многие из них могут употребляться как в качестве самостоятельного смыслообразующего ком-

понента, так и в сочетании с текстом, уточняя тон, в котором произнесена реплика. Изредка встречаются и комбинации идеограмм между собой. Так, графическое пространство речевого компонента, содержащее слова любви, может быть украшено одновременно цветами и итицами, а бурное выражение отрицательной эмоции сопровождается одновременным и беспорядочным использованием самых разных "отрицательных" идеограмм. Последнее нередко используется авторами для самоцензуры, когда заменяться идеограммами может не только весь текст, но и отдельные слова.

Следующая группа идеограмм участвует в *представлении ментальных процессов*. Наиболее употребительными здесь являются:

- светящаяся лампочка, призванная символизировать озарение, нахождение ответа на мучивший героя вопрос;
- несколько скрещенных между собой шестеренок – идеограмма, указывающая на напряженную работу ума, занятого поиском ответа на возникший вопрос.

Кроме этого, для отображения сложного процесса подбора нужных слов в непростой ситуации реплика изображается в виде черновика, где слова и перемежающие их символы перечеркиваются и замещаются другими.

Наконец, в третью группу входят иероглифы неясного происхождения, ничего не значащие каракули, призванные продемонстрировать, что герой не понимает ни слова из речи иностранца или инопланетянина.

Нельзя не отметить, что наряду с идеограммами важное место в комиксе отводится идеограмматизированным элементам вербально-го текста. Идеограмматизации подвергаются как графемы, препрентирующие реплику персонажа, так и отводимое им в кадре графическое пространство. Эти единицы кадра нуждаются, на наш взгляд, в отдельном исследовании.

Мы считаем, что идеограммы, а также упомянутые в статье идеограмматизированные компоненты верbalного текста, являясь специфическими смыслоформирующими единицами текста комикса, делают его привлекательным объектом для изучения в рамках самых разных наук, занимающихся прямо или косвенно процессами смыслопорождения, т.к. демонстрируют, что многовековой опыт обращения к линейному алфавитному письму так и не смог стереть из памяти человечества исконные письменные системы с более сложными, коррелирующими между собой *смысловой и пространственной структурами*, и причину их живучести следует, по-видимому, искать в нелинейности механизмов человеческого мышления и сложности организации его когнитивных структур.

А.А. Чувакин
**Языковое обучение, языковое воспитание,
лингвистическое образование в школе**

Размышления по поводу обозначенной в заголовке проблемы основываются на признании того, что школа как целое и русский язык как часть ее есть элементы бытия культуры общества.

Из особенностей культуры современной России существенно следующее.

Современная российская культура отличается сложной устроенностью культурного пространства. В нем взаимодействуют российская культура с мировой; содергательные "лицы" культуры (Г. Волков): философия, наука, искусство; ее деятельностные грани: политическая, правственная, правовая, эстетическая, религиозная и др.; социальные пласти: культура "рабочих" и "крестьян", "среднего класса", "новорусских", маргиналов и др.; традиционное и новое... наконец интегратором культурного пространства выступает язык как "культурная традиция" (Г.О. Винокур). "Через язык человек усваивает культуру, упрочивает ее или преобразует" [Л. с. 31-32]. Но эта традиция сама по себе не является единства (см. об этом: *f2-5j*). Тем самым создается тесное переплетение (общение; диалог; "живое движение по границам культурных сфер" (И.В. Пешков)) в культурном пространстве межкультурного и внутрикультурного.

Современная российская культура характеризуется высокой степенью динамичности.

Меняется коммуникативное пространство: растет коммуникативная активность россиян, обнаруживается движение в сторону замены: господствовавшей парадигмы монологического типа на парадигму диалогического типа, русский язык внутри страны стал конкурировать с другими языками, в частности, с английским, английским компьютерным, собственно компьютерным.

Меняется статус образования: среднее вряд ли осталось обязательным дс-факто, высшее адресовано человеку для удовлетворения его запросов и запросов предприятий разных типов и видов, разных форм собственности.

Меняется содержание и структура филологии как науки: ее смысловым центром все более становится Человек Говорящий, а не Система (Структура) объекта. Да и самое понимание системы (структурой) со смертью структурализма приобретает "все более человечный" вид. Ср., например, понятия структуры и ризомы, используемые для обозначения "одной и той же" содергательной области.

Захватили ли эти изменения – и если да, то в какой степени? – школу (русский язык в школе)?

Я хочу уклониться от однозначного (да / нет) или дипломатичного (не вполне) ответа. Вместо ответа приведу одну иллюстрацию 0 по материалам учебника по синтаксису русского языка для средней школы. В восьми произвольно выбранных учебниках, изданных в 1962–1998 гг., рассмотрена теория и дидактический материал по теме "Неполные предложения" ("Полные и неполные предложения"). Здесь – по условиям места – приведем результаты наблюдений.

Во всех учебниках тема рассматривается в русле структурно-семантической концепции предложения с ее, по сути дела, "внесмысловым" и "внекоммуникативным" видением объекта. Дидактический материал оказывается, по большей части, оторванным от сферы интересов молодых людей, изучающих язык. Чего стоят примеры вроде "Алеша смотрел на них, а они на него"! Нужно ли указание автора – Федора Достоевского?! Все учебники, далее, сохраняют многоцелевую направленность содержания темы – на освоение теории, на совершенствование навыков грамотного письма, на практику речи. Правда, трудно представить себе целевую направленность упражнений, предлагающих заменить полное предложение на неполное (или наоборот), составить текст статьи на экологическую тему, употребив тот или иной тип предложения... Отметим в положительном контексте замечание "Каждая реплика прибавляет новое к теме диалога". Но при чем здесь именно исполнные предложения? (Разве реплика 0 полное предложение или соединение предложений не прибавляет..?)

Думается, что среди многих путей развития "школьной лингвистики" имеет право, по крайней мере на обсуждение, следующий: дифференцированное решение трех задач – языкового обучения, языкового воспитания и лингвистического образования. Речь идет не о том, чтобы осознать эти задачи, сформулировать и признать их в качестве самостоятельных. В отечественной и европейской филологии это, в сущности, уже сделано. Имеются в виду работы, например, Г.О. Винокура [6], А. Едлички [7], А.Ф. Прияткиной [8]. Речь идет о том, чтобы решение задач языкового обучения и лингвистического образования стало предметом разных учебных дисциплин. Что же касается задачи языкового воспитания, то она по своей значимости может быть признана сквозной в образовательных учреждениях разных типов и всей "вертикали": от детского сада до послевузовских форм. И более того, во всей системе культурного пространства страны!

Языковое обучение – языковое воспитание.

Разграничение языкового обучения и языкового воспитания является составной частью традиционной теории литературного языка в Чехии. Важное место в этой теории занимает понятие языковой культуры как языковой деятельности, как сознательной целенаправленной заботы о литературном языке; "одновременно не упускалась из вида и цель этой деятельности, т.е. сам культтивируемый язык, и не на последнем месте и "языковая культура тех, кто пользуется литературным языком", т.е. культура языковых высказываний носителей языка" [7, с. 124]. Границами языковой культуры, ее составными частями являются языковое обучение и языковое воспитание. Они различаются целевой установкой: в первом случае ключевое слово формулировки "сознательное практическое овладение литературным языком", а во втором – "выработка отношения к языку" [7, с. 129–130].

Теперь о каждом из компонентов языковой культуры.

Языковое обучение. Его цель определена стандартно. Так или примерно так выглядит формулировка цели в программных документах для отечественных школ. Что здесь смущает? Главное – ориентация на сознательную деятельность учащегося. Не говоря уж о том, что язык – это и сознательное и бессознательное, обратим внимание еще на одно обстоятельство: "образование языковых текстов производится носителем языка стихийно", "ученый", сознательный характер носит порождение – добавим, и понимание – текстов риторических [9, с. 94]. Обучение языку на основе риторически ориентированных программ требует определенного уровня коммуникативной деятельности и развития учащихся. Такое обучение начинается с выбора цели, а выбор цели – игра сознательного и бессознательного, при активной, "руководящей" роли первого. Это прекрасно понимал Г.О. Винокур, который показал, что формула "для каждой цели – свои средства" [6, с. 52] (разрядка автора) реализуется в процессе обучения языку взрослых. Обучение литературному языку в общеобразовательной школе опирается на "стилистические инстинкты" [6, с. 51].

Рассечение теории и практики языкового обучения как совершенствования речевой практики школьников на основе адекватно ориентированной теории объекта может быть обеспечено исходя из суждений В.И. Чернышева [10], А.М. Пешковского [11] и др. Наконец, вузовский опыт раздельного обучения теории языка и его практике, например, там, где помимо курса современного русского языка введены курсы ортологии [12], показывает возможность решения задачи языкового обучения как задачи самостоятельной, отдельно решаемой.

Языковое воспитание. Почему важно выделить языковое воспитание, а, например, не "воспитание любви к русскому языку", как это было предписано некоторыми программами по предмету? Помимо того, что я скептически отношусь к возможностям "воспитания любви" как таковой, воспитание любви к языку – это процесс, направленный по одному каналу: от субъекта к объекту. Языковое же воспитание – многоканальный направленный процесс: через субъекта к объекту во имя объекта (языка) и субъекта и через объект к субъекту во имя субъекта и объекта. Таковы некоторые соображения фундаментального плана.

Теперь о ситуационном: о проблеме языкового воспитания в современном российском обществе. Человек Говорящий – главная фигура коммуникативного пространства – оказался не готов к качественно новой и быстро меняющейся коммуникативной ситуации в России, к усложнению межкультурной коммуникации. Поэтому часть людей просто "не замечает" язык (как не замечает ногу, руку, пока они... работают и не доставляют хлопот); другая же часть использует проблемы языка в своих "корыстных" целях – во имя политических амбиций, во имя самоутверждения и пр. Современное коммуникативное пространство характеризуется нарушением баланса тенденций к речевой гармонии и тенденции к речевой агрессии в пользу последней [13–14].

О содержании языкового воспитания. Здесь будут намечены линии отношения человека к языку (а может быть, правильнее: человека и языка?). Это – отношение к языку как к дару; как к благу, счастью, добру; как к прекрасному, закону, власти; как к тайне и загадке; как к прошлому, настоящему и будущему. Если угодно, эти линии пересекаются в языке как доме бытия человека (ср. известную оценку языка М. Хайдеггером).

Ограничимся только некоторыми замечаниями относительно:
1. Языковое обучение – лингвистическое образование; 2. Языковое воспитание – лингвистическое образование.

Адресую читателя к статье А.Ф. Прияткиной [8], в которой провозглашается самоценность лингвистического знания и аргументировано высказывается мнение о необходимости разделения школьного предмета "русский язык" на два: теория языка и речевая практика, высажу некоторые усиливающие эту позицию соображения. В стандарте школьного образования сегодня имеют место курсы описательной биологии, "практической" биологии, или физического воспитания, и общей биологии; значит, школой сделан шаг в направлении разделения и интеграции предметной области. Теоретического обобщения требуют практика не только русского, но и иностранного – а в районах компактного проживания нерусских – род-

ного языка; риторика как "интегральная программа "трансформации" мысли в слово" (Н.А. Безменова), завоевающая место в школе. Таким образом, возможный курс теории языка имеет достаточно сложную и солидную базу – Язык. Но этим она не исчерпывается: к естественному языку прибавляются искусственные языки – компьютерный прежде всего. Семиотика – герменевтика – культурология – вот основы теории языка в школе. Наконец, неохотно, но допускаю мысль о том, что если практика речевая присутствует во всех типах школ, то теория языка может иметь место в школах и классах с гуманитарным "уклоном".

Полагаю, что предлагаемая модель не будет принята при реформировании школьного образования. Но если она послужит стимулом к совершенствованию "школьного русского", то автор будет считать, что его задача выполнена.

Литература

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
2. Паперный В. Культура "Два". М., 1996.
3. Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996.
4. Купина Н.А. Тоталитарный язык. Словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь, 1995.
5. Романенко А.П. Типы советской культуры и язык // Вопросы стилистики. Вып. 28. Саратов, 1999.
6. Винокур Г.О. Культура языка: Очерки лингвистической технологии. М., 1925.
7. Едличка А. Литературный язык в современной коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XX. М., 1988.
8. Прияткина А.Ф. Лингвистика и речевая практика: их соотношение в образовательной системе // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 1997. №6 (76).
9. Лотман Ю.М. Риторика // Риторика. 1995. №2.
10. Чернышев В.И. Избр. тр. Т.1. М., 1970.
11. Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Пешковский А.М. Избр. тр. М., 1959.
12. Жукова А.Г. Ортология: Практикум. Ч. 1. Новосибирск, 1999.
13. Михальская А.К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике. М., 1996.
14. Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург, 1997.

И.Н. Шадрина

Фоносемантическая доминанта как структурообразующий компонент перевода

Фоносемантика, выступающая в последнее время как новая дисциплина языкоznания, имеет своим предметом звукоизобразительную (т.е. звукоподражательную и звукосимволическую) систему языка и изучает связь между звуком и смыслом.

Что касается звукоподражательных слов, то здесь "имеется полная ясность относительно возможных признаков, полагаемых в основу номинации (эти признаки всегда представляют собою звук)" [1, с. 87]. Данные слова "обозначают чаще всего явления, возникающие при взаимодействии предметов (удар, треск, хруст, звон, скрип, трение); звуки, издаваемые человеком и животными, физиологические процессы..." [2, с. 28]. Относительно признаков номинации звукосимволической лексики подобной ясности не существует. В целом сферу мотивации данных слов представляется возможным определить как "незвук".

А.П. Журавлев выделяет в слове понятийное ядро, признаковый аспект и фонетическую значимость, которая "не обозначает ни понятия, ни предмета. Ее описание, ее характеристика – это набор признаков... и пусть мы этой значимости не осознаем, она все же входит в значение слова, оказывая свое влияние на восприятие слова и его жизнь в языке" [3, с. 27]. Тот факт, что звуковая оболочка слова во многом определяет и направляет процесс понимания, в силу того, что неосознанно отдельные звуки и их комплексы воспринимаются как содержательные, подтверждается экспериментально в работах многих исследователей и уже не вызывает сомнения.

Звукоизобразительная система языка рассматривалась исследователями в различных аспектах: изучалась проблема фонетической мотивированности языкового знака; звукоподражательные модели в языке; взаимосвязь лексического и фонетического значения; общая теория содержательности звуковой формы языка и т.д. Была рассмотрена также и проблема фоносемантического сходства в различных языках. Следует, однако, отметить, что исследований, посвященных фоносемантической составляющей в процессе перевода, практически не существует.

В данной статье нами предпринята попытка рассмотрения текста и его перевода с точки зрения сохранения / изменения фоносемантической и смысловой доминанты.

Вслед за В.А. Пицальниковой мы полагаем, что "в определении

доминантного смысла следует исходить из структуры соотношений языковых единиц, фиксирующих личностные смыслы... Доминантный смысл... выявляется не из интегративного значения фиксирующих его лексем, а из ассоциативно и логически связанных концептов, представленных совокупностью лексем, репрезентирующих доминантный личностный смысл" [4, с. 37-47].

В качестве материала для анализа нами был выбран поэтический текст стихотворения Брайгена Петтена "A talk with a wood" на английском языке и его перевод на русский язык.

A talk with a wood

Moving through you one evening

when you offered shelter to
quiet things soaked in rain
I saw through your thinning
branches
the beginnings of suburbs, and
frightened by the rain,
gray hares running upright in

distant fields, and quite alone there
thought of nothing but my
footprints
being filled, and love, distilled
of people, drifted free, and then
the woods spoke with me.

Разговор с лесом

Этим вечером, углубившись в
тебя,
когда ты раскинул шатер
над тихим промокшим зверьем,
я увидел сквозь редкие ветки

начало предместья и
напуганных ливнем
серых зайцев, бегущих впри-
прыжку

по дальнему полю.
Я был совершенно один, и не
было мыслей – разве о том лишь,
что мой след заливает вода.

И, очищенный этим безлюдьем,
любовь пыла на свободе. Тогда
я услышал,
как со мной разговаривал лес.

(Перевод И. Лежидовой)

Выбор для анализа поэтического текста был неслучайным. По мнению Р. Якобсона, "это та область, где внутренняя связь между звучанием и значением из скрытой становится явной, проявляясь наиболее ощутимо и интенсивно" [1, с. 119]. Следовательно, в переводе именно поэтического текста связь между звучанием и значением слов в двух языках должна акцентироваться с наибольшей отчетливостью.

Художественный текст мы, вслед за В.А. Пицальниковой, определяем как "коммуникативно направленное вербальное произведение, обладающее эстетической ценностью, выявляемой в процессе его восприятия" [4, с. 4].

Текст интерпретируется реципиентом "на основе информации, которой человек обладает о мире, т.е. на основе того, что мы называем концептуальной системой" [5, с. 11]. Введение концептов в

систему происходит последовательно и непрерывно, осмысление их производится путем задействования концептуальной системы в целом. Насколько обширны и глубоки фоновые знания индивида, его представления об окружающей его действительности и предметах, настолько эффективно происходит усвоение новых концептов. Что касается художественного текста, то особую значимость представляет также наличие эмоционально-смысловой общности автора и реципиента.

Задача профессионального переводчика состоит в максимально точной передаче текста оригинала, в стремлении к адекватному отображению авторского смысла путем актуализирования структурно-смысловых связей текста и соотносимых с ними концептов.

Проанализируем текст стихотворения "A walk in a wood" и его перевод на русский язык с целью выявления сохранения / изменения фоносемантической и смысловой доминанты.

В качестве единицы звуковой организации текста мы выделяем звукобукву как явление психофизическое и психофизиологическое, поскольку "носителем фонетического значения является звукобуквенный психический образ, который формируется под воздействием звуков речи, но осознается и четко закрепляется лишь под влиянием буквы" [6, с. 35-36].

В тексте оригинала преобладающими оказались следующие звукобуквы [e, i, ɪ, ɜ]. В русском переводе к перечисленным добавились [н', р', л'], обусловленные свойством фонетической системы русского языка различия по твердости и мягкости, а также [а, о], что, вероятно, связано с наибольшей частотностью употребления этих звуков в русском языке.

В соответствии с методом семантического шкалирования А.П. Журавлева были выявлены следующие интегративные признаки звуков [e, i, ɪ, ɜ], оказавшихся общими для текстов оригинала и перевода: хороший, большой, светлый, простой, красивый, гладкий, яркий, округлый, длинный, величественный, безопасный, добрый и т.д. Звуки [а, о, л, л', н'], добавившиеся к преобладающим в тексте перевода, обладают такими же признаками, что и вышеназванные, не внося тем самым диссонанса в фоносемантическую структуру текста, а напротив, способствуя созданию лирической, светлой доминанты.

Единственным звуком, выбивающимся из общей звуковой тональности, является звук [ɪ] в тексте оригинала и [r], соответственно, в тексте перевода, обладающий такими признаками как грубый, темный, шероховатый, страшный, низменный, угловатый, злой. Но это, казалось бы, несоответствие можно объяснить, обратившись к концептуальному анализу текстов.

В текстах оригинала и перевода фиксирован доминантный смысл, который можно обозначить как "прогулка по лесу". Однако внутри единого смысла, доминантного для текстов, выделяется последовательность смыслов, некоторым образом связанных между собой. Поэтому смысловую структуру текстов рассмотрим в виде иерархии этих смыслов. Первый концептreprезентирован в первой строфе *Moving through you one evening / Этим вечером, углубившись в тебя*. Второй смысл мы обозначим как "лес как укрытие от дождя", который представлен лексемами *offered shelter / раскинул шатер, things soaked in rain / тихим промокшим зверем*. Следующий концепт можно обозначить как "вид сквозь ветви", представленный сочетаниями языковых единиц *the beginnings of suburbs / начало предместья, gray hares / серых зайцев, in distant fields / по дальнему полю*. Четвертый смысл обозначим как "одиночество героя", фиксируемый словосочетаниями *quite alone there / Я был совершенно один, thought of nothing / не было мыслей, distilled of people / очищена безлюдьем*. Следующий концепт "любовь на свободе" reprезентирован сочетанием лексем *love drifted free / любовь плыла на свободе*. И последний смысл "разговор с лесом", заявленный в названии стихотворения, представлен сочетаниями слов *then the woods spoke with me / я услышал, как со мной разговаривал лес*.

Как видно из приведенного анализа концептов стихотворения, переводчик с удивительной точностью отразил смысловую структуру оригинала в тексте перевода. Передан не только доминантный смысл текста "прогулка по лесу", но и последовательность концептов внутри доминантного смысла также адекватно представлена в переводе. Согласно концептуальному анализу, каждому смыслу оригинала соответствует аналогичный в тексте перевода, воссоздавая их исходную иерархию, что свидетельствует об известной общности концептуальных систем автора и реципиента, где отражается интерсубъектное знание о мире, способствующее пониманию личностного смысла.

В целом перевод практически дословно отражает текст оригинала, в связи с чем обращает на себя внимание передача лексемы *shelter – 1) приют, кров, убежище; 2) прикрытие, укрытие... /7, с. 644/* словом шатер, отобранным на базе ассоциативного соотнесения с чем-либо, способным защитить от дождя, и вместе с тем передавшим единственный звук [ш] текста оригинала.

Связь фоносемантического и смыслового уровней текста является довольно гармоничной, и это также нашло отражение в переводе. Светлая и лирическая фоносемантическая доминанта соответствует смысловой: тихая, спокойная прогулка под шатром леса во время дождя вызывает чувство светлой грусти и умиротворенности.

Одиночество героя, свободного от людей, мыслей и даже от самого себя (его следы заливают воду, сокрывают материальное проявление его присутствия), освобождает и любовь, которая свободно плывет, очищенная абсолютно от всего, что приводит в итоге к единению с природой, проявляющемуся в общении, разговоре с лесом. Лес как приют и укрытие дает чувство безопасности, что отражается фоникой текста (хороший, безопасный, добрый и т.д.) Данное настроение актуализируется в основном звуками [e, i, a, o] и сонорными.

Страх напуганных ливнем зайцев, бегущих по полю, передается максимальной концентрацией именно в этом эпизоде звука [p], обладающего признаками темный, страшный, низменный, злой.

Таким образом, в тексте создается амбивалентная эмоция умиротворенности, спокойствия и безопасности в противопоставлении со страхом, злостью и темнотой, что адекватно отражается фоносемантической структурой текста (фоносемантическая доминанта красоты, добра, безопасности коррелирует с вкраплением страха, тьмы, низменности в определенной части текста).

Гармоническая связь фоносемантической и смысловой доминант адекватно передана в тексте перевода (соответствие структуры концептов, доминирующих звуков). Это объясняется существованием общей закономерности формирования связи между звуком и смыслом в различных языках, связанной с психическими и психофизиологическими особенностями восприятия, общими для представителей различных культур, ибо "...перцептивная деятельность человека, основанная на его слухе, зрении, осязании, обонянии...ни в коей мере не зависит от его национальности и языка" [8, с. 21].

Литература

1. Воронин С.В. Основы фоносемантики. Л., 1982.
2. Левицкий В.В. Фонетическая мотивированность слова // Вопросы языкознания. 1994. №1.
3. Журавлев А.П. Звук и смысл. М., 1991.
4. Пищальникова В.А. Психопоэтика: Монография. Барнаул, 1999.
5. Павленис Р.И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. М., 1983.
6. Журавлев А.П. Фонетическое значение. Л., 1974.
7. Miller. English-Russian Dictionary. Moscow, 1989.
8. Балаш М.А. Фоносемантическая структура текста как фактор его понимания (экспериментальное исследование): Дис. ...канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 1999.

М.Г. Шкурапацкая Категоризация и фреймовая семантика в словообразовании

В лексиконе словообразовательного типа может быть обнаружена организующая его структура, которая одновременно является инструментом познания мира, действенного в руках человека. Хорошо известны описания лексических (семантических) полей, с помощью которых в языке фиксируются выделенные человеком фрагменты действительности. С позиций когнитивной семантики наиболее интересным представляется изучение семантического поля как аналога некой единой схематизации опыта и знания человека. Отражая различные способы представления знания в лексиконе языка, семантические поля характеризуются, как пишет Ч. Филлмор, различными типами структур. Самым Ч. Филлмором были перечислены и охарактеризованы все известные типы структур поля.

Наиболее значимым, по мнению исследователя, является тип структуры, известный как фрейм. Фреймом называется "типовая когнитивная структура, соответствующая распространенной и общепринятой, обычно не вербализуемой в деталях ситуации в речевом коллективе, в речевой общине, которой принадлежит говорящий. На понятийном уровне фрейм представляет собой узловые моменты сетки, схемы фрейма. На лингвистическом уровне концепт выражается лексемами" (Ю.Н. Караполов). Внутри множества, относящегося к одному фрейму, можно выделить подмножества, образующие синонимичные и конверсные структуры, таксономии и пратономии, другие виды парадигм. Однако их семантическое описание возможно при условии предварительной детализации концептуальной схемы, положенной в основу фрейма.

Что собою представляет фрейм, образуемый производными словами, относящимися к одному словообразовательному типу?

В основе семантики производного слова находится пропозиция – семантическая модель события (ситуации), имеющей место в действительности или мире воображения. Значение многозначного производного слова, представленное набором пропозиций, образует особый тип структуры, называемый фреймом. Например, слово *блиница*, одно из самых многозначных в типе "сущ. + ниц(а)", имеет следующий набор значений (по данным толковых словарей литературного языка, диалектных словарей и полевых записей): "женщина из родни невесты, несущая блины во время свадебного обряда", "мастерица готовить определенный вид пищи", "горшок для приготовления теста для блинов", "маленькая кадочка, в которой разво-

дят тесто для блинов", "мелкая поварешка, которой наливают тесто на сковородку, когда пекут блины", "поднос для готовых блинов", "пирог из ячменных блинов", "небольшой кухонный столик в виде шкафчика с полочками". Учитывая релятивный компонент словообразовательного значения, в котором находит отражение предикат свернутых пропозиций, можно выделить следующие их разновидности: "готовить блины", "приготовлять тесто для блинов", "наливать тесто на сковородку", "складывать готовые блины", "приготовлять из блинов какое-либо кушанье", "участвовать в свадебном обряде (нести блины)", "иметь характерную форму". Отличительной особенностью данного набора пропозиций (фрейма) является *сценарное представление* пропозиций во фрейме как описание последовательности событий: *разводить тесто – наливать тесто на сковороду – печь – складывать готовые блины – приготовлять из них какое-либо кушанье – употреблять в пищу*. Все перечисленные ситуации находятся в отношении включения и координации к макроситуации, именуемой "готовить блины". Макроситуация в целом соотносится с другой макроситуацией "участвовать в свадебном обряде" через пропозицию "нести блины во время свадебного обряда". Данный фрейм основывается на базе пространственно-временной соотнесенности (метонимической последовательности) событий, связанных с приготовлением и использованием одного и того же предмета.

С позиций категориальной семантики тот же самый фрейм будет представлен как совокупность актантных значений субстантивных элементов ситуации, а именно *субъект, средство, часть целого*.

Задача реализации фреймового подхода к семантике слова, как полагают когнитологи, заключается не только в описании стоящего за словом мыслительного представления, но и в выделении в этом представлении наиболее важных, вершинных аспектов, которые определяют специфику значения и отличают его от значения других единиц данной семантической сферы. С этой целью рассматриваются не отдельные фреймы, но серии фреймов лексических единиц, близких по значению или принадлежащих одному семантическому полю. В нашем случае подлежат рассмотрению серии фреймов производных слов, образованных в типе "сущ. + ниц(а)" от слов, относящихся к одной тематической группе, например, наименований продуктов питания, являющейся самой многочисленной среди групп производящей лексики. Структура фрейма будет представлена через указание на пропозицию, которая находится в основе семантики производного слова: "готовить определенный вид пищи (разводить тесто, наливать тесто на сковороду, вынимать (выкладывать) на блюдо, приготовлять из ..." какое-либо кушанье; раскатывать тес-

то, стряпать, выпекать; смешивать без тепловой обработки; варить; заваривать; печь; жарить"; "употреблять в пищу (любить есть определенную пищу; пить чай)"; "торговать"; "принимать или сдавать на государственных приемных пунктах"; "перевозить"; "хранить"; "украшать изделие"; "подавать на стол"; "подавать милюстиню". Обращает на себя внимание, что фрейм становится центральным понятием при описании способов структурирования человеческого опыта и знаний в данной сфере деятельности, отраженных в семантике всех образованных на базе данной тематической группы производных слов. Данный фрейм имеет ту же сценарную структуру, которую можно представить несколькими блоками, связанными отношениями обусловленности, подчинения: *готовить определенный вид пищи – торговать готовыми изделиями / хранить изделие / подавать на стол – употреблять в пищу*. Наиболее сложную структуру в этой композиции имеет блок "готовить пищу". Среди пропозиций, относящихся к данному фрейму, можно выделить:

1) пропозиции, связанные детерминационными отношениями:

а) разводить тесто – наливать на сковороду – выкладывать на блюдо готовое изделие; б) заводить тесто, раскатывать тесто, стряпать, выпекать;

2) пропозиции, связанные отношениями соподчинения – разные способы приготовления пищи: печь (выпекать); варить; жарить; смешивать без тепловой обработки.

По количеству производных, относящихся к тому или иному "узлу" фрейма, наиболее значимыми из них являются пропозиции "готовить пищу", "хранить" и "употреблять в пищу". Поэтому для выявления ядерных концептов данной фреймовой структуры наиболее значимой является информация о категориальной семантике производных слов, образованных в этих зонах. С пропозицией "готовить определенный вид пищи" связано образование производных *квасница, кашница, каравайница, блинчица – мастерница готовить определенный вид пищи; молочница, кусочница, хлебница, кашница, квасница, сухарница, манница, мучница, творожница, сырница, масленница, блинница – пища, приготовленная из продукта; кашница (ложка для выкладывания каши), пельменница (шумовка), пельменница (ковш), пирожница (скалка), сочельница (разделочная доска), сочельница (скалка), блинница (поварешка) – средство, орудие, которое используется для приготовления пищи; квасница (кадка), каравайница (посуда), пельменница, оладочница, булочница, блинница, чайница – емкость, вместилище для приготовления продуктов питания*.

В пропозиции "хранить" образуются производные со значением

"средство, посуда для хранения продуктов питания: *сметанница*, *чайница* (для сухого чая), *молочница*, *хлебница*, *квасница*, *мучница*, *творожница* (корзина) и производные со значением "полка для хранения": *сочельница*.

С пропозицией "употреблять в пищу" связано образование производных "любительница есть определенный вид пищи": *сметанница*, *конфетница*, *чайница*, *молочница*, *кусочкиница*, *булочкиница* и производные со значением "посуда, из которой едят (пьют чай)": *чайница* (чашка).

Таким образом, внутренняя структура фрейма представляет собой иерархию пропозиций, лежащих в ее основе. Каждая из пропозиций допускает несколько вариантов свертывания в производное слово. Однако в рамках описываемых пропозиций формируется определенная вероятностная стратегия выбора, зависящая от "когнитивного веса" того или иного компонента данных пропозиций в пределах семантики СТ. В пропозиции "готовить пищу" вершинные позиции в иерархии ее компонентов занимают производные слова со значением: 1) "пища, приготовленная из продуктов питания"; 2) "емкость, вместилище (посуда для приготовления пищи); в пропозиции "хранить" лидируют производные со значением "емкость, вместилище для хранения продуктов питания"; в пропозиции "употреблять в пищу" – "любительница есть определенный вид пищи".

Важным является вопрос о том, с опорой на какие концепты формируется категориальная семантика производной лексики, существующей в рамках фрейма "готовить определенный вид пищи" и пропозиций, пресуппозитивных, суппозитивных и постсуппозитивных с ним: суппозитивные ("соль варить", "масло бить", "рыбу вялить"; постсуппозитивные ("подавать на стол", "употреблять в пищу", "мыть посуду"). Производная лексика в пределах каждой отмеченной пропозиции будет представлена с учетом категориальной семантики суффикса: "соль варить" – *варница* (помещение; соль); "рыбу вялить" – *бальчица* (помещение для изготовления); "масло бить" – *елейница* (маслобойка; помещение); "мясо рубить" – *мясница* (корытце для рубки мяса); "готовить определенный вид пищи" – *варница* (суп), *жарница* (пирог), *сковородница* (лепешка), *именильница* (яичница), *мякильница* (корм для скота), *тряспеница* (корм для скота), *глазница* (яичница); *варница*, *жарница*, *крошеница* (посуда); *берестеница*, *горшечница* (тряпка для доставания горшков из горячей печи); *денница*, *квашница* (тряпки для накрывания готовой квашни); "подавать на стол" – *конфетница*, *схарница*, *тироэзница*, *хлебница*,

сольница (посуда); "украшать изделие" – *каравайница* (веточка); "употреблять в лицу" – *чайница* (посуда, чашка); *избница* (пища по месту употребления); "мыть посуду" – *мытница*, *посудница*, *судница* (лохань для мытья посуды); *посудница* (тряпка для мытья посуды).

По количеству производных лексем преобладающими являются категории "посуда", "пища", "помещение". В основе формирования обозначенных ономасиологических категорий на базе производной лексики содержится принцип соотнесенности их значений по нескольким основаниям (принцип *фамильного сходства* Л. Витгенштейна). Категория "посуда" образуется по следующим основаниям: по продукту питания / по способу изготовления / по материалу изготовления / по назначению (для приготовления пищи, мытья посуды, употреблению пищи). Категория "пищи" содержит производные, образованные по продукту питания / по назначению (для человека или для животного) / по способу изготовления / по средству изготовления / по сроку приготовления / по внешнему виду / по месту и времени употребления.